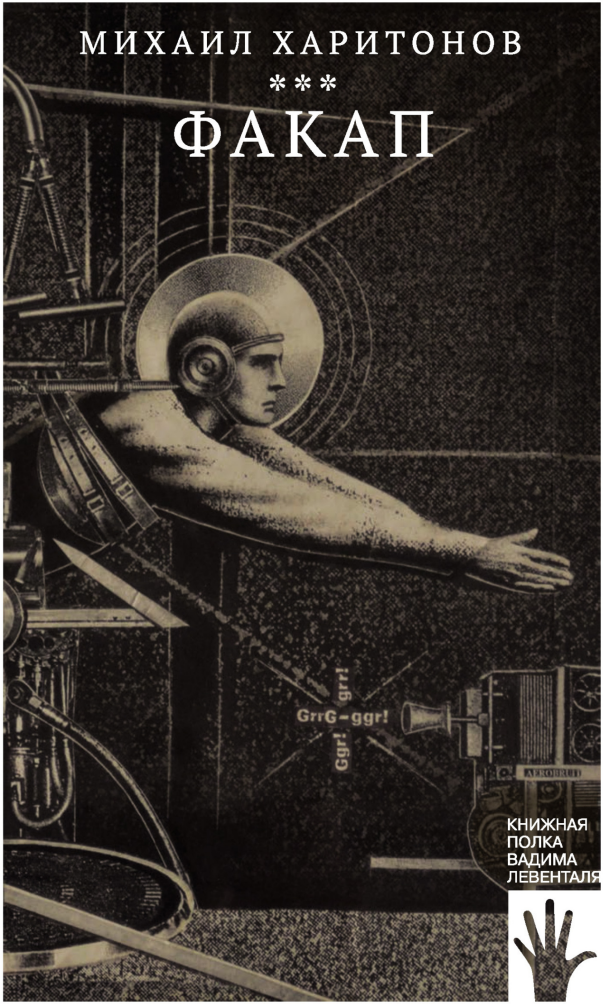
МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

***

ФАКАП



КНИЖНАЯ ПОЛКА ВАДИМА ЛЕВЕНТАЛЯ

Михаил Юрьевич Харитонов

Факап

Серия «Книжная полка Вадима Левенталя»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68844600
Факап : [роман]/ Харитонов М.: ИД «Городец»; Москва; 2022
ISBN 978-5-907641-02-0

Аннотация

Великий роман Михаила Харитонова, автора эпопеи «Золотой ключ, или Похождения Буратины», – ядерная смесь футурологии и шпионского детектива!

Будет ли счастлив завхоз при Мировом Коммунизме? Зачем продавать детей цыганам? Сколько нужно лошадей, чтобы запустить космический корабль?

Ответы на эти и многие другие вопросы вы узнаете, прочитав «Факап».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие автора 5
Файл 1 7
Файл 2 309
Конец ознакомительного фрагмента. 408

Михаил Харитонов
Факап

© М. Харитонов, наследники, 2022
© ИД «Городец», 2022
© П. Лосев, оформление, 2022

В оформлении обложки с любезного разрешения Ольги Львовны Лебедевой использован фрагмент работы Александра Лебедева-Фронтова (1960–2022) «Aerobruit» (1999)

В тексте сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации

* * *

Предисловие автора

Фанфики (а равно приквелы, сиквелы и параквелы) по мотивам творчества Стругацких – презренный, безвкусный жанр. Хуже может быть разве что попаданчество.

Тем не менее даже у авторов фанфиков есть совесть. Поэтому, прежде чем предложить вниманию читателя свой опус, я сделаю несколько необходимых разъяснений.

В принципе, чтобы получить от данного текста «удовольствие полное и совершенное» (с), читателю НЕОБХОДИМО знать большинство книг братьев Стругацких, посвященных Миру Полудня. Конкретно: «Полдень, XXII век», «Далёкая Радуга», «Трудно быть богом», «Малыш», «Обитаемый остров» и «Жук в муравейнике». Действие происходит до событий, описанных в романе «Волны гасят ветер», так что аллюзий на него здесь почти нет. Почти не задействована – хотя и неким образом учтена – «Попытка к бегству». Зато можно найти ссылки на «Страну багровых туч» и «Хищные вещи века», формально не входящие в цикл.

Основой является «Трудно быть богом», каковое сочинение читателю желательно знать ОЧЕНЬ хорошо (не говорю «наизусть» только потому, чтобы не пугать заранее), а также «Обитаемый остров» и «Жук в муравейнике». Не изучив этих трёх книг – заранее или в процессе чтения моего опуса, – вы, скорее всего, ничего не поймёте. Без просмотра

фильма Германа можно и обойтись, но имейте в виду, что и он задействован тоже.

Если вы, паче чаяния, знакомы с творчеством некоторых западных фантастов, популярных в СССР (например, Роберта Шекли), вы получите толику дополнительного удовольствия.

Имейте фан.

Искренне ваш Михаил Харитонов

Файл 1

День 1

А а ааааааааа Ббббббб
ячсмитьбю Ʊ Ʊ ɾ ɾ ɾ Еёеёеёеё
Мама мама мама мыла раму Мама, мыла! Раму? В чащах Юга жил был
Цитрус но фальшивый экземпляр, да…!!!!???///==+++
нормально разборчиво Точку ставить не забывать.
Клавиатура. Смешная штука.
О! вот они команды
сохранить файл я смогу
только зачем?

День 2

Терпеть не могу ждать смерти, меня это нервирует. При всём при том заняться тут решительно нечем. Хорошо ещё, в компе нашёлся текстовый редактор. Без микрофона, даже без сенсорной плоскости. С клавиатурным вводом. Я клаву крайний раз видел лет двадцать назад. Оказывается, руки помнят. Разве что «е» и «ё» иногда путаю.

Очень раздражает, что нет возможности стереть текст. То есть клавиша такая есть – стрелочка назад. Но она не работает. Или это комп её не воспринимает? Нажимаешь её, где-то что-то пищит, ну и всё.

Вот и со мной примерно та же история.

Я вылез на пересадочной станции, чтобы кое-что сделать, работы было на час-другой. Вместо этого я торчу здесь уже третьи сутки. Нуль-портал отключён, причём намертво. Управляющий комп заблокирован. Кроме простейших функций типа текстового редактора, он ничего делать не желает. Во всяком случае, для меня. Туда нельзя, сюда нельзя. Замуровали меня здесь дорогие коллеги. Потому что кто же ещё? Разве что галакты, но у них ко мне нет претензий. А у коллег – есть, и очень серьёзные.

К тому же я гол как сокол, как выражается Славин в таких случаях. Всё моё имущество – то, что на мне. Ещё салфетка с Энцелада с номером станции. Негусто, прямо скажем. Хоть бы какое-нибудь оружие. Скорчер, например. Хотя зачем? Если придёт убойная команда, я в ребят стрелять всё равно не стану. Да и не смогу: они вряд ли будут ждать. Шарахнут из всех парализаторов, ну или пульку в сердечко – тюк. Тело заморозят, запакуют в пластик и отправят на исследование. Или только голову. С головой возни меньше.

Чем мне заняться в ожидании этого важного момента? Вариантов много, но все какие-то невесёлые. Можно грызть шоколад из аварийного НЗ, например. Пить кофе из автома-

та. Или воду из очистки. Ещё пялиться в иллюминатор на звезду класса G и какую-то крупную планету – здоровую такую хрень типа Юпитера. А ещё я могу помочиться на ковёр. Но такие эксцессы уборочная автоматика штатно ликвидирует в течение пяти минут.

А вот с моей ликвидацией, похоже, возникли проблемки. Не понимаю, чего они тянут. Скорее всего, ждут отмашки. Причина, я так подозреваю, субъективная. Приказ о блокировании станции можно отдать и устно, но списать в ноль бывшего сотрудника-дело серьёзное, оформляется официально. Формально подписать приказ должен Славин. Но мы с ним приятельствовали, даже бухали вместе, в управлении все это знают. И такая подпись уронит Евгения Марковича в глазах коллег, а у него и так проблемы в коллективе. Значит, он постарается спихнуть это на Арама Григорянца. А Григорянц терпеть не может, когда его вынуждают заниматься делами ниже своего уровня.

Комов мог бы подмахнуть. Тем более, что виновен-то я в основном перед ним, лично-персонально. Но сейчас Геннадий Юрьевич, насколько я понимаю, всё ещё геройствует в районе Фомальгаута: вытаскивает тагорянское судно из хромосферы. Дело это, конечно, славное, но не скорое.

Наверное, Славин будет пересиживать Григорянца, и это может продолжаться довольно долго. Но не бесконечно, так что смерть от голода мне не грозит.

Интересно, как они меня оформят. Во времена Поля Гне-

дых станцию бы просто взорвали. Но сейчас у нас эпоха экономии и качества. Одна станция – это несколько сот тысяч человеко-часов квалифицированного труда. К тому же человек может случайно выжить. Григорянц любит рассказывать байку, как Гнедых подписал приказ на ликвидацию прогулочного челнока с двадцатью пассажирами. Все того и заслуживали, включая пилота. Однако в последний момент к экскурсии прибилась слабоумная бабушка, которая в космосе всегда надевала скафандр – был у неё такой пунктик. Полю про бабушку не доложили, судёнышко грохнули. Бабушка успела загерметизироваться и потом месяц болталась среди обломков в автономе. И в итоге умудрилась связаться по рации – по рации! – с каким-то астрофизическим зондом. В результате её спасли и потом месяц показывали по всем федеральным каналам. За каковой факап Гнедых сняли. А Григорянца, соответственно, назначили.

Думаю, Арам Самвелович лакирует. Во-первых, я тоже иногда смотрю федеральные каналы. И никакой бабушки со скафандром не припоминаю. Во-вторых, уж если бабушка скафандр надевала, то панельку она с собой точно брала. И не одну, а три-четыре, на всякий пожарный случай. И, в-третьих, даже если всё так и было – не такой уж это и факап, чтобы снимать опытного человека с серьёзной должности. Просто Гнедых был человеком Валькенштейна, и когда тот ушёл в Совет Звездоплавания, Поля быстро замели под ковёр. Но история красивая.

Надеюсь, со мной всё обойдётся без таких приключений. В любом случае скафандра у меня всё равно нет.

Да если б и был.

День 3

Доброе утро, мир! Я всё ещё живой и относительно здоровый. Шоколад на завтрак, правда, не катит. Ну чего стоило оставить мне здесь нормальный последний ужин? И порцию пломбира. С чем-нибудь безвкусным и мягко действующим. Чтобы я кони двинул во сне. Я же с пониманием. Жалко, что ли? Коллеги из ДГБ так и сделали бы. Но не КОМКОН. Потому что КОМКОН – это хардкор, и надо выдерживать стиль.

Ну и я тоже, пожалуй, выдержу стиль. Напишу что-нибудь предсмертное.

Нет, я не жалуюсь. Жаловаться мне не на кого, разве что на свою дурь. Действия коллег считаю правильными. Я нарушал ведомственные инструкции, обманывал начальство, а под конец совершил преступление против личности. Причём не абы какой, а, можно сказать, друга. По ходу дела из-за меня погиб совершенно посторонний человек – случайно, глупо, но из-за меня же. Друг тоже в каком-то смысле погиб, во всяком случае, для нас. Также мною похищены и утрачены артефакты невообразимой ценности. И всё это ради того, чтобы узнать подробности одной старой истории, которая ко мне не имеет ни малейшего отношения.

Так что, как ни крути, а меня можно и нужно ликвидировать. С моего же согласия. Я договор подписывал, там есть соответствующий пункт. Так что – какие претензии? Да никаких претензий, занесите это в протокол.

С другой стороны, помогать следствию чистосердечным признанием тоже не вижу смысла. Это даже как-то неуважительно по отношению к коллегам. Уж если меня решили убрать – значит, дело расследовано. Ну, может быть, нет каких-то деталей. Ну а кому они нужны, детали? К тому же их всё равно выковыряют. Из моей мёртвой головы достанут в крайнем случае. Так что писать что-то – это в чистом виде трата времени.

Но тут и в самом деле нечем заняться. Совершенно нечем.

День 4

Со мной всё тянут. Всё-таки пописал на ковёр, чтобы убедиться насчёт автоматики. Автоматика, оказывается, не работает. Ковёр пришлось мыть. Руками. Моющее средство добыл из бачка дохлого кибера. Ничего, справился. Волнующее приключение. Думаю теперь: может, ещё и по-большому на него сходить? Но пока нечем.

Нет, конечно, на ковёр я банально пролил кофе. Да, конечно, скатологический юмор у взрослого человека является инфантильным пережитком, признаком неизжитых проблем и симптомом невроза. Но, извините, я и в самом деле нерв-

ничаю. И меня можно понять. Умирать – не в померушки играть. Особенно от рук своих же коллег. Очень неприятное ощущение.

Кстати, коллеги. Если вы уже всё сделали, убедились, что я мёртвый и холодный, и теперь читаете эту писанину, добрый вам совет: дальше не читайте. Вас же всё равно проверят на ментоскопе. И в случае нахождения лишней информации будут стирать память, а это вообще-то считается калечащей процедурой. Вам нужны дырки в голове? Нет? Тогда просто скачайте файл и передайте старшему. Он разберётся.

Что-то не идёт у меня текст. Уже полчаса в экран втыкаю, а с чего начать – непонятно. Так что отложу писанину до завтра. Хотя, конечно, стремак в этом есть: вот откроется портал, придут парни по мою душу, а у меня не готово. И что я им скажу? Ребята, дайте исповедаться? Не, не буду. Сколько напишется, столько и напишется. Может, меня сделают через пару минут. А может, через пару дней. Но вряд ли больше.

Хотя один момент сразу обозначу. Я никого ни в чём не виню, кроме себя, дурака. Даже тех, кто всю эту кашу заварил. Ну да, последствия страшненькие. Но привели к ним самые благие намерения. Благородные, можно сказать. Я бы, наверное, на их месте вёл себя так же. Или как-то близко. Все мы одним миром мазаны, чего уж теперь-то.

От же пёс, живот заболел. Это от шоколада, наверное. Пойду посижу в укромном уголке. Прощайте или до свида-

ния.

Да, ещё. Если бы я хоть краешком задницы почуял, чем всё кончится, я бы выкинул ту монетку в открытый космос.

День 5

И снова здравствуйте.

Да, пора бы уже и представиться. Меня зовут – теперь уже, наверное, надо говорить «звали» – Яков Вандерхузе. Звездолётчик, квалифицированный капитан, исполнял должность на пяти кораблях и шести судах, начальник нескольких экспедиций и всё такое прочее. Если интересует официальная биография, посмотрите в БВИ.

Что касается неофициальной стороны. Да, я комконовец. Завербован в лётном училище, подготовку проходил в «трёшке» на Земле. Потом служил. В частности – принимал участие в операции на Пандоре, работая под прикрытием. В ходе операции самовольно взял на себя ответственность за решение не своего уровня. Которое принял, исходя из собственных, то есть заведомо неполных (и, возможно, неверных), представлений о целях и задачах операции. Что является серьёзнейшим факапом для исполнителя.

Случайно получилось так, что я оказался прав. Можно сказать, спас операцию. Меня оправдали. Даже дали цацку. Но о дальнейшей карьере внутри организации речь уже не шла.

Поэтому меня перевели в действующий резерв. Сейчас это называется «аппарат прикомандированных сотрудников», но это те же яйца, только в профиль.

В этом качестве я работал в нескольких научных экспедициях. На Тиссу, например, на ЕН-3054. И на Аркадии тоже бывал. На Земле появлялся редко и не по работе. Так что первая война КОМКОНа с ДГБ прошла мимо меня, и бодания с Мировым Советом – тоже.

Хотя я и не рыпался. Летал себе потихонечку, служил службу, дело делал. Пока не началась история с планетой Ковчег. И мною срочно заткнули дыру, в которую могло провалиться много чего.

Не знаю, кто это читает, какой у него допуск и что он знает о наших делах. Но это уже не моя проблема. Так что исхожу из того, что допуск достаточный, а вот знать можно не всё. Тем более, ситуация была по-своему забавная. Хотя в чём-то и типичная, это как посмотреть.

Всё началось с того, что на какой-то замурзанной планете Панта нашли каких-то замурзанных дикарей. Дикари как дикари, мало ли их во Вселенной. Нашли и забыли, они даже Институт Экспериментальной Истории не заинтересовали, так как находились на первобытнообщинной стадии развития. А если честно – ещё в людей не очень-то превратились. То есть для того, чтобы с ними хоть как-то работать, нужно было или тысяч пятьдесят лет естественного отбора, или пара сотен искусственного. Второе вообще-то называ-

ется геноцидом, добровольцев на такие дела сыскать трудно, последствия для репутации Института очевидны. Так что недоделков просто оставили в покое, что и было самым разумным решением.

И вдруг! В декабре шестидесятого года профессор Юмизава из Астрофизического устроил пресс-конференцию, на которой заявил, что, по его данным, солнце системы Панта нестабильно и может взорваться в течение нескольких лет. Что приведёт к гибели самобытной гуманоидной цивилизации.

При этом Юмизава считался авторитетом в области солнечных вспышек, что как бы придало его словам убедительности. То, что он не занимался ни новыми, ни сверхновыми, народ вообще не понял: специалист по вспышкам же! К тому же какие там проверки или перепроверки, когда речь идёт о Гибели Самобытной Гуманоидной Цивилизации! Тут некогда думать, тут трясти надо.

Поднялся страшный кипеш. Общественность билась в истерике и требовала немедленно спасти аборигенов Панты. Тут же образовался какой-то «Переселенческий комитет». Этот самый комитет пробил через Мировой Совет особые полномочия и подозрительно быстро составил план эвакуации системы. И ещё быстрее нашёл подходящую планетку, которую тут же прозвали Ковчегом.

Тут-то руководство КОМКОНа наконец допетрило, какую свинью нам подложили. Потому что именно на этой пла-

нетке находился наш суперзасекреченный научный центр, занимающийся перспективными разработками. Который теперь, получается, нужно было даже не сворачивать, а нахрен сносить и уничтожать вместе со всеми следами пребывания. Включая уникальное нетранспортабельное оборудование невообразимой ценности.

Понятно, что вся подляна была делом рук Департамента Галактической Безопасности. Только галакты могли найти центр, и только им нужно было его уничтожать. Потому что у них самих ничего подобного и близко не было. И не светило. Ну вот они и решили слегка восстановить справедливость.

Проверка активистов переселенческого движения подтвердила, что всем там заправляет дэгэбэшная агентура. Юмизаву тоже проверили, но он оказался честным идиотом. У почтенного профессора на старости лет поехала крыша. Чего никто не заметил, так как лекции он продолжал читать по старым конспектам. А свой конёк с коллегами не обсуждал, потому что вообще не любил говорить о своих научных результатах. Вроде бы он подозревал всех в воровстве своих гениальных идей. Короче, он ударился в астрологию и стал составлять гороскопы звёзд. Не спрашивайте меня только, как эта псятина у него сочеталась с научной картиной мира. Хотя думаю – без проблем. Я с учёными общался много. И могу сказать: если уж у человека в голове уживаются квантовая механика и теория гравитации, то он в принципе способен поверить во всё что угодно. В чох, сглаз, хиромантию

и уринотерапию. И даже в официальную пропаганду. Которая вообще не для того делается, чтобы в неё верили. А вот учёные – те довольно часто верят, вот прям буквально в то, что им по федеральным каналам показывают… Ну, короче, профессор построил какой-то гороскоп на сверхновые, и получилось, что система Панту обречена в ближайшем будущем. И устроил ту прессуху, а галакты просто воспользовались случаем.

При этом все симметричные ходы у нас были заблокированы. Можно было бы, конечно, оспорить результаты Юмизавы, потребовать независимой экспертизы, на худой конец – вбросить реальные данные о его душевном состоянии. Но это никому не понравилось бы. Общественность жаждала кого-то спасти и через это насладиться своим деятельным гуманизмом. Астрономы в лепёшку бы разбились, но не дали бы в обиду коллегу (и правильно, кстати, потому что такая кака повиснет на всей корпорации). Потом пошёл бы слив, что Спасению Самобытной Цивилизации препятствует зловещий КОМКОН, едящий по ночам гуманоидных младенцев. Ну и так далее по всем кочкам. Под дружелюбный смех галактов.

Но и мы тоже ведь не лыком шиты. Поэтому решили ответить асимметрично, а именно – нарисовать такую картинку, что на Ковчеге есть негуманоидная цивилизация, решительно не желающая никаких контактов с людьми. Необщительных негуманоидов у нас боятся, потому что мало ли чего

от них можно ждать. Как обычно, ссыкливость оформляется через деликатность: дескать, не надо их трогать, потому что этика и всё такое. И это работает в ста процентах случаев, потому что боятся-то все, и в особенности общественность. А наши расстарались и добавили в сценарий контакта тему земного ребёночка. Этого самого ребёночка должна была обнаружить проверочная экспедиция, в которую войдут честнейшие представители Переселенческого комитета. Но под нашим чутким руководством.

Главным по теме сделали, разумеется, Комова. Тот меня припахал, потому что у нас нормальные отношения с Атосом – ну то есть с Мишей Сидоровым. Комов с Сидоровым – старинные друзья, новообще-то с Атосом мало кто нормально уживается. Потому что у него репутация проблемного человека. Но я с ним нормально работал и подстав от него не видел.

Официальная версия операции «Малыш» доступна, а я просто скажу, что всё прошло отлично. Комов нас прикрыл, всё прочее было разыграно как по нотам. После чего планетку закрыли уже официально, про дикарей с Панты тут же забыли. И всё это проканало за очередную победу деятельного гуманизма и вселенского добра. Славин в таких случаях обычно добавляет: «над разумом». Под разумом он обычно ДГБ подразумевает, если что.

А меня вернули на основную службу и дали вторую цацку.

День 6

Смотри-к ты, опять не убили! Упрямый у нас Евгений Маркович. Просто носорог какой-то.

Раз уж у меня есть сколько-то свободного времени, решил заняться исследованием местности. Был вознаграждён: под креслом нашёл пару наушников с фонотекой. В основном классика. Так что я теперь могу наслаждаться видом звезды класса G под Бетховена. А когда за мной придут, у меня будет время переключиться на Реквием. Помирать, так с музыкой.

Но всё-таки будем надеяться, что время у меня ещё есть. А пока продолжим.

В общем, «Малыш» прошёл отлично. Я вернулся на основную службу, весь из себя такой красивый, и начал осваиваться, вникать в расклады и вообще вживаться.

Но тут судьба подкинула новый факап. В шестьдесят первом начался скандал вокруг планеты Надежда, где какие-то придурки из Группы Свободного Поиска (давно бы прикрыли эту шарагу, если бы не галакты, которые через них проворачивают свои дела) нашли умирающую цивилизацию и следы присутствия Странников. Которые вроде как спасли часть населения, перебросив его пёс знает куда.

При слове «Странники» у нашей общественности начинается икотка и трясунец. В общем-то правильно, потому

что земное человечество по сравнению со Странниками – примерно то же самое, что аборигены Панту по сравнению с нами. Но при этом, в отличие от тех же аборигенов, у нас амбиции. И кроме трясущихся поджилок мы всё время хотим показать (себе, разумеется, не Странникам же), что тоже что-то можем. А Борька Левин объяснял это так, что после неслучившегося «Ковчега» нужно было как-то закрыть коллективный гештальт.

Так что я совершенно не удивился, когда Мировой Совет решил, что остатки населения должны спасти именно мы.

Проблема состояла в том, что аборигены, совершенно охреневшие от свалившихся на них безобразий, спасаться не хотели. Они готовы были сдохнуть, только бы без нашего участия. Наше руководство – которое бывает куда разумнее и даже гуманнее, чем иногда кажется – это тоже учло. И решило: никаких массовых операций, набираем среди аборигенов добровольцев, сколько найдём (хоть горсточку), образцово-показательно их вывозим, демонстрируем это по всем федеральным каналам. Спасённых тихонечко распихиваем по всей обитаемой Вселенной, благо она большая. И на этом закрываем тему.

Так всё и вышло. Вывезли мы с этой несчастной планетки сотни две, объявили об очередной победе деятельного гуманизма над разумом. И распихали по разным глухим углам. Кажется, они сейчас уже все перемёрли. Зато хоть напоследок пожили в относительном комфорте. Отличный резуль-

тат, кстати. Я без шуток – отличный. Я и сейчас так считаю, если что.

Но это всё было потом, а в данный конкретный момент именно меня как героя Ковчега и знаковую фигуру направили на эту грёбаную Надежду, чтобы я там работал говорящей головой, свадебным генералом и грушей для битья. То есть формальным начальником экспедиции.

Я с самого начала чуял, что будет какой-то блудняк и что мне он выйдет боком. Попытался было отбояриться, но не удалось. Приказ командира – закон для подчинённого. Так что собрал я чемоданчик и поехал на космодром.

Итак, Надежда. Местечко с первого же взгляда производило впечатление не просто тухлое, а гнилое. Девять континентов, на каждом развалины цивилизации уровня земного двадцатого или двадцать первого, следы войн, экологических катастроф и стремительно вымирающее население. Отчего оно вымирало, толком никто понять не мог. Биологи под нашим давлением написали какую-то хрень про «бешенство генных структур», но на самом деле никто ничего не понимал. В довершение ко всему основную часть населения кто-то куда-то вывез – и очень похоже, что и в самом деле Странники… В общем, всё как мы любим.

Официально я был куратором прогрессора-зоопсихолога Льва Абалкина, который занимался изучением планеты и поиском желающих эмигрировать. Работал он с неким Щекн-Итрчем, голованом. Это такая инопланетная раса, ти-

па разумных собак. Одно время они были на Земле очень популярны. Собачки эти нас презирали и не особенно это скрывали. Тем не менее их все обожали, потому что, ну как же, собаченьки, аняня и мимими. В конце концов мы им надоели, и они как-то пропали с глаз. Не знаю, что там точно было: то ли разорвали отношения, то ли просто перестали общаться с людьми. Общественность по этому поводу даже пролила какую-то слезу – мол, чем мы их обидели, чем оскорбили тонкую инопланетную душу? А по-моему, они просто сукины дети во всех смыслах. К тому же опасные. Например, я слышал от того же Абалкина, что голованы могут гипнотизировать людей и подавлять волю. По-моему, одного этого достаточно, чтобы держаться от них подальше.

Псы – они псы и есть. Я вообще собак не люблю.

Абалкин, наоборот, любил их слишком. А вот людей – не особенно. Это даже по профреестру было видно: хронически не вписывался в коллектив. Из-за этого пришлось убрать его из группы Рэма Желтухина. У него с ребятами была разница в полтора часа, которая не сокращалась. Вот совсем. Ну то есть просыпался он обычно как раз к выходу группы. Он, конечно, поднимался, умывался и выходил со всеми, но все же понимали. Так что через месяц его и Щекна отправили в свободный полёт, а меня, соответственно, поставили за ним приглядывать.

Понятное дело, большой симпатии между нами не возникло. Хотя и каких-то конфликтов тоже не было. Я читал

его отчёты и давал инструкции. Он, соответственно, писал и исполнял. В общем, это было и всё, так что расстались мы почти довольные друг другом. На прощание я подарил ему пакет собачьего корма для крупных пород – специально на Земле заказал. Ну, немножко подколоть хотел, чего уж там. Абалкин и бровью не повёл: поблагодарил вежливо и оставил мне на память находочку. Старинную золотую монетку на цепочке. Сказал: нашёл в развалинах.

Честно говоря, я от этого Абалкина хорошего не ждал, вот и подумал, что тут может быть какая-нибудь неприятная шуточка, а то и пакость. Поэтому монетку тщательно проверил. Даже на химический состав.

Тут-то я и попал. Коготок увяз. Но кто ж знал-то?

День 7

Ничего ж себе я расписался! Похоже, напоследок жизни я открыл в себе талант. Литераторский, или как там это называется. Хотя нет: литератору нужно чего-то выдумывать и к тому же показывать деятельный гуманизм. А у меня этого ни на каком балансе не числится.

Ладно, дальше движемся.

Монетка оказалась самой обычной, безо всяких сюрпризов. Только золото было сверхчистым. При этом монетке около двухсот лет, и сделана она была конкретно на Надежде: это проверяется по памяти металла, которую подделать

невозможно. То есть можно, если продержать монету тот же срок в условиях, идентичных имеющимся на Надежде. Что – сами понимаете.

Напрашивалась гипотеза: аборигены когда-то владели трансмутацией элементов. Как минимум на уровне нейтронных пучков, как максимум – фемптопроцессоров. Хотя если из искусственного золота делали деньги, то технология была малораспространённой и являлась госмонополией. Из чего следовало, что у них был капитализм или что-то в этом роде – и это при технологиях не ниже нашего двадцать второго века. В смысле У, конечно, а не галактического, – но всё равно круто.

Ясен перец, базовой ТИП это противоречило. Зато объясняло всё остальное, в том числе нынешнее плачевное состояние. У них же были войны, а с технологиями двадцать второго можно такого оружия массового поражения наклепать, что мы и сейчас не разберёмся. Правда, непонятно, почему эти ушлые аборигены в космос не вышли. Но и тут есть объяснение: именно что вышли и с планеты удрали, никто их не вывозил, сами справились. И сейчас где-то, стало быть, обретаются.

А между прочим, во Вселенной есть одна космическая цивилизация гуманоидного типа, как известно – наша. И другой нам не надо.

Да, я понимаю, как это со стороны выглядит. Ещё один молодой, подающий надежды представитель общественно-

сти бросился спасать мир. Ну да, где-то так. Но я же не устраивал кипеша и не бился в истерике. Потому что понимал, что, скорее всего, моя версия глупая и я просто чего-то не знаю.

Однако есть такой закон жизни: лучше перебдеть, чем недобдеть. Кажется тебе что-то подозрительным – извести начальство. Как максимум ты и в самом деле спасёшь мир. Как минимум – прикроешь собственную задницу. Но это тоже хорошо, потому что сам о ней не позаботишься – никто не позаботится.

Поэтому я сел, оформил свои соображения в виде доклада, монетку приложил как вещдок. И отправил наверх.

Отклика я никакого не получил. Из чего сделал вывод, что вопрос либо выеденного яйца не стоит, либо уже передан в надёжные руки специалистов. И то и другое меня искренне радовало. Моё дело – прокукарекать, а там хоть трава не расти.

Ну а вскоре после этого меня перевели на Землю и дали кабинет с видом на лесопарковую полосу. И поставили на хозяйственную деятельность.

День 8

Извините, вчера не дописал: сильно расстроился. Очень уж неприятно сознавать, что ты своими собственными руками разрушил то, что так хорошо начиналось.

Хотя нет. Начиналось-то как раз не очень. Я сидел в кабинете, кривил морду и считал себя несправедливо обиженным. Но потом разобрался, вник в процессы и понял, что начальство было право, а я – дурак и не понимал своего счастья. Ибо хозяйство – это моё.

Оперативник из меня, честно сказать, так себе. В большое начальство меня так и так не пустят. Да если бы и пустили – не усидел бы. Не люблю я всей этой подковёрной возни, политиканства и кипеша. Понимаю как бы расклады, могу в это играть. Но не люблю. А это важно – любить то, что ты делаешь. Меня бы в этом террариуме съели просто из любви к искусству. Разве что я надёжно закрылся бы чьим-то толстым задом. Но тогда этот толстый зад мне пришлось бы всю жизнь вылизывать. А мне такая диета кажется несколько однообразной, что ли.

Ну а заведовать матчастью – это прямо по моей мерке шито. С одной стороны, должность не политическая, так что во внутренних войнах я держу стойкий нейтралитет. Но при этом я всем нужен. Завхоз – это человек, к которому руководство прислушивается. Так как от него ой как зависит. Даже при наших фондах – скажем так, немаленьких – постоянно возникает ситуация, когда чего-то нет, а очень надо. И кто-то должен этим заниматься, то есть изыскивать резервы, обходить инструкции, находить варианты и всё такое прочее, что так просто и не расскажешь. Ну и, конечно, связи, потому что всем нужна уверенность, что в экстренном случае

у меня найдётся планетолёт высшей защиты или батисфера класса «А». Или хотя бы наводка: где это найдётся. Поэтому хозяйственника надо любить. И все это знают. Знают и любят. Как могут и как умеют, но любят. Со всеми втекающими и вытекающими.

В общем, это целый мир, и я в него с удовольствием погрузился. Заодно привык к мягкому креслу, хорошей кухне. Сам научился готовить. На хорошем любительском уровне, скажем так. Снова курить начал. Завёл себе наконец коллекцию янтариновых трубок. Потом на сигары перешёл. Голову эпилировал: надоело стричься, да и солиднее как-то. Стал отзываться на прозвище «дядя Яша». Не век же в щенках ходить. Есть, есть свои преимущества у стабильности.

Так бы и жил себе, не зная горя, кроме как по работе. Если бы не тот журнальчик.

День 9

Вчера заснул перед экраном. Нервишки пошаливают. Ну так это неудивительно. Я две катастрофы в космосе пережил и знаете что скажу: там было проще. Потому что можно бороться за спасение. Адреналин из ушей и всё такое. А вот так просто ждать – это… нехорошо, в общем.

У меня тут, кстати, нарисовалось, кому мой мемуар может быть интересным. Евгений Маркович, можно последнее желание? Если это ничему не противоречит, отдайте файл

Лене Завадской из Мирового Совета. Я Лене симпатизирую, чисто по-человечески. Поэтому – пусть знает. Может, пригодится против нашего дорогого Леонида Андреевича Горбовского. Который, похоже, всех уже достал.

Поскольку терять мне нечего, скажу про его подлую манеру. В Президиуме Мирового Совета сидят не идеальные коммунары, но хотя бы честные хищники. Которые воюют за интересы своих ведомств и своих людей. И этого особо-то и не скрывают. Ну да, космофлотовец будет биться за интересы родного Космофлота, а внутри него – за интересы своей группировки. А дэгэбэшник – за родное ему ДГБ и за свой клан в ДГБ. Но это хотя бы понятно и предсказуемо. Горби же занимает позицию над схваткой, как бы никого не представляя и своих интересов вроде бы не имея. И при этом пользуясь правами последней инстанции.

За счёт чего? За счёт репутации великого гуманиста, которую он себе долго и целенаправленно создавал. Или, выражаясь более конкретно, за умение предложить вариант, на который все могут согласиться без потери лица. Насчёт реальных интересов – другая песня, но хотя бы без позора. Или если с позором – то хотя бы с заслуженным.

Что для этого нужно? Всего-то навсего заранее блокировать все решения, кроме того, которое ты заранее наметил. Для чего, в свою очередь, надо уметь загонять ситуацию в тупик и клинч. Чем старикашка и занимается невесть сколько лет. Не вставая с кушеточки, на которой он любит при-

хварывать.

Как там в анекдоте про сессию Мирового Совета было? «Членам Президиума – занять места. Товарища Горбовского – внести!» В общем, не такой уж и анекдот.

Вот и в этой истории он тоже отметился, как же без него-то. И выступил он, как всегда, в своём репертуаре. Жив буду – и об этом поведаю.

Но до этого ещё далеко, а пока – журнал. Вообще-то мне его дал Григорянц. Ему он, в свою очередь, достался на очередном юбилее ИЭИ. И формально это был даже не журнал, а научный сборник, посвященный стодвадцатилетию академика Моисея Львовича Улитнера.

Академик Улитнер был кем-то вроде ответственного за ТИП. То есть базовую теорию исторических последовательностей. На каковой основана вся деятельность Института Экспериментальной Истории. То есть чем Институт прикрывает свою задницу перед общественностью. Так как она, общественность, никак не может вот просто взять и согласиться, что в некоторых делах применим исключительно метод проб и ошибок. Причём некоторые ошибки бывают дорогостоящими. Нет, что вы, как можно. Общественности нужна какая-то объясняловка, какая-нибудь всепобеждающая супертеория, которая где-то есть и что-то собой обосновывает. Нельзя же просто так, грязными лапами, лезть в исторический процесс, да ещё и чужой. А ИЭИ занимается именно этим, уж извините. Во имя того самого деятельного гуманиз-

ма, который озаряет нам путь.

В общем, академик работал вот таким официальным толкователем единственно верного учения. Каковое толкование на практике сводится к переводу исторических фактов с обычного языка на жаргон ТИП. Который специально так сделан, чтобы делать понятное, но неубедительное – непонятным, но убедительным.

Я учил ТИП дважды – в лётном и в «трёшке». Естественно, учили очень по-разному. В лётном нам просто вбивали формулы и отбивали желание в них вникать (что и составляло цель обучения). В «трёшке» нас учили по-другому, а именно: объясняли, как устроен язык ТИП, что в нём имеет смысл, что – нет, и как его нужно понимать на самом деле.

Тонкостей там много. Я для себя запомнил главное: чтобы перевести обычное высказывание про историю на язык всепобеждающего учения, нужно выучиться двум вещам. Первое: к любому голословному утверждению нужно добавлять слово «объективно». А если нужно как-то состыковать между собой два утверждения, которые друг с другом не вяжутся, одно не вытекает из другого и вообще, то надо закрывать дырку словом «диалектически». Если из какого-то А согласно ТИП следует Б, но есть парочка примеров, когда вместо этого получалось никакое не Б, а хрен знает что, то надо писать «в данном случае из А следует Б в форме хрен знает чего». И если ещё что-нибудь добавить про историческую роль и законы развития, не забывая также про деятельный гума-

низм, – то всё будет отлично.

Ну вот, допустим. Есть факт: на Земле за периодом феодальной раздробленности последовало появление централизованных государств. Примерно то же самое происходило и на других планетах. Но вот на Гиганде вместо государств возникли кланы-корпорации. В рамках ТИП это звучит так: «Согласно объективным законам развития, за периодом феодальной раздробленности объективно следует появление централизованных государств. В некоторых случаях – например, на Гиганде – они диалектически развились в форме кланов-корпораций, объективно играющих ту же историческую роль, что и государства, что не противоречит общим законам истории, имеющим объективную природу».

Это, конечно, самый примитивный уровень. Настоящий знаток ТИП может доказать, что дважды два – объективно четырнадцать, причём так, что не подкопаешься. Улитнер этим и сам занимался, и руководил людьми, которые этим занимаются. Работа, конечно, объективно имеющая мало общего с наукой, но диалектически неизбежная и к тому же вознаграждаемая согласно законам исторического развития в форме всяких ништяков и преференций. В каковых объективно проявляется деятельный гуманизм, это уж точно.

При этом Моисей Львович был совсем не дурак. И, что особенно важно, отличный игрок. Я имею в виду административные игры. Во всяком случае, всех своих конкурентов он съел, выпихнул или просто пережил. Правда, к описыва-

емому моменту большую часть времени он уже проводил на даче, грея ножки в тазике с тёплой водичкой. А через пару месяцев тихо-мирно скончался. Скорее всего, без посторонней помощи, хотя не поручусь. Всё-таки он дошалился.

Какой-то я голодный. Пойду пропихну в горло шоколадку. Потом прикорну.

Надеюсь, меня за это время не уконтропупят.

День 9

Да, всё ещё девятый день. Сутки-то ещё не прошли.

У меня какой-то рваный ритм образовался. Вот когда курсантом был, спал как по будильнику, секундочка в секундочку. Ну да, в училище дисциплина была. Девять часов протикало – рота па-адъём! Заправка коек, ионный душ, одеваешься и бегом на построение. Семнадцать часов – сиеста, положение сидя, две минуты на засыпание. Я в двадцать секунд укладывался. Глаза закрыл – и уже подъём. И дальше до тридцати трёх занятия, потом личное время и отбой. Порядок. А в мягком креслице сидючи – разбаловался. Вот и результат.

Ладно, продолжу по теме. Остановились мы на шалостях. Шалости академика Улитнера были связаны с его главным увлечением. Смешно звучит, но это была история. Ну, в смысле не официальная история, а настоящая.

В отличие от того же Юмизавы, у Моисея Львовича на

плечах была крепкая аидише копф. В астрологию и уринотерапию он не уверовал бы, наверное, ни под химией, ни под дулом скорчера. Зато у него был нюх на всякие дурнопахнущие дела, закопанные по углам. А он обожал их раскапывать. Причём свои открытия не обнародовал, но и не держал при себе, а как бы сигнализировал: а я знаю, а я знаю, бе-бе-бе.

Первый раз он попал в поле зрения нашей конторы, когда вписал в официозную статью, посвящённую очередному юбилею первого контакта с тагорянами, несколько слов про «в меру тёплую атмосферу нашей первой встречи». Выглядело это невинной оговоркой. Если не принимать во внимание, что тагоряне пошли на контакт только под угрозой немедленного сожжения атмосферы планеты. На Земле об этом обстоятельстве было осведомлено где-то с полсотни человек, в основном космофлотовских. Моисей Львович в их число не входил. Тщательная проверка показала, что старикан вытянул информацию из двух случайных разговоров, одного документа, который ему зачем-то показали, и вполне официальных отчётов, лежащих в БВИ в открытом доступе, но содержавших кое-какую интересную информацию. Всё это он распутывал чуть ли не год, чтобы потом написать несколько слов и похихикать в кулачок.

Потом Улитнер пошутил насчёт Леониды. Шуточка касалась её океанов, которые скрывали, по выражению академика, «уже не одну сотню тайн и загадок». Публикация последовала после печального юбилея – двухсот первого следяще-

го спутника, которого леонидяне вывели из строя неизвестным нашей науке способом. Тут источник информации обнаружился довольно быстро: ученик Моисея Львовича услышал обрывок разговора двух техников в баре. Из чего прямо следовало, что ближайшие знакомые об увлечении профессора осведомлены или хотя бы догадываются.

Дальнейшее разбирательство показало, что старикан уже довольно давно шалит подобным образом. Просто раньше он дёргал за вымя совсем уж дряхлых священных коров прошлого-позапрошлого века. А под старость, видать, захотелось чего-нибудь поактуальнее.

Однако конспирацию академик блюл и дальше намёков не заходил в принципе. Посторонние вообще не понимали, о чём он пишет. Причастные нервничали, но ничего конкретного предъявить не могли. И в конце концов все решили, что старик, при всей его вредности, безопасен.

Тем не менее с тех пор все статьи профессора кем-нибудь да просматривались. И кое-где находили намёки разной толщины на разные обстоятельства. От каковых намёков, по расчётам академика, у всяких больших шишек должен нервно дёргаться глаз.

Данный сборник мне предложили посмотреть потому, что в него почтенный юбиляр дал небольшую заметочку, где упоминался Ковчег. Арам Самвелович хотел знать, что Улитнеру на сей счёт известно.

Скажу сразу: вот именно на эту тему я не нашёл ничего.

Тут старик был не Копенгаген. И я совсем уже было собрался выключить планшет, если бы мне на глаза не попалась иллюстрация – золотая монетка, очень напомнившая мне ту самую, с цепочки. За каким-то псом я взялся смотреть, к чему она относится, и тем самым сделал ещё один шажок сюда.

Иллюстрация не имела никакого отношения к тексту. Зато на неё вела сноска, в которой было сказано несколько слов про давно доказанную неэффективность реморализации через гипноиндукцию.

На свою беду, я помнил, о чём речь. Потому что в лётном на первом курсе нам давали ТИП, у нас был вредный препод из ИЭИ, он мне задал допвопрос как раз про гипноиндукцию, на чём и срезал. В результате я пропустил поездку на Пандору, а вместо этого две недели тупо ходил на пересдачи. Такое не забывается.

Это старая разработка ИЭИ, которую забросили ещё в двадцатых годах прошлого века. Имелась в виду идея непосредственного, через гипноизлучение со спутников, влияния на разум жителей малоразвитых планет, которым намеревались таким способом внушать разумное, доброе, вечное. Однако первые же опыты показали, что лучи добра действуют на облучаемых в разной степени. Так что вместо общего повышения уровня гуманизма в облучаемой местности образовывалось стадо мяконьких человечков, которых очень быстро примучивали и загоняли в стойло те, на кого лучи влияли не так сильно. Зрелище было настолько неприятным,

что дальнейшие опыты сразу же прекратили. Ещё делались попытки избирательной гуманизации особенно неприятных деятелей, обладающих властью или капиталами. Но после облучения добром они стремительно теряли власть и капиталы, а их место – кстати, в полном соответствии с базовой теорией – занимали ещё менее приятные. Даже банальные убийства – и те оказались намного продуктивнее… В общем, разработку прикрыли. За последующие сто с лишним лет несколько раз поступали предложения вернуться к идее на новом техническом уровне. И каждый раз разбивались о твёрдую позицию ИЭИ: никаких больше лучей добра, мы это уже проходили. В конце концов академик Амбарцумян, величина и светило, опубликовал установочную статью на эту тему, где объявил соответствующие попытки противоречащими духу деятельного гуманизма и законам исторического развития. После чего вопрос был закрыт окончательно.

Меня, однако, не отпускал интерес к иллюстрации. Простейший поиск в БВИ через фильтры дал однозначный ответ: вероятнее всего, здесь изображена золотая монета прошлого века с планеты Аврора, конкретно – отчеканенная в королевстве Арканар при короле Пице Шестом. Профиль которого на монете и красовался.

Будь я помоложе, то сочинил бы какую-нибудь красивую теорию и загрузил бы ей начальство. Но я уже что-то повидал в жизни и понимал, что не всё то золото, что блестит, а золотых кругляшков с бородатыми мужиками разные гума-

ноидные цивилизации понаделали достаточно. Тем не менее тема меня зацепила: профессор явно на что-то намекал. И я решил выяснить, на что именно.

Хочу подчеркнуть. В этот момент я ещё не вышел за границу своих полномочий. Я уже пять лет как имел право на личное расследование. Естественно, в свободное от рабочих обязанностей время. Я также имел право на разумное использование ресурсов организации в этих целях. Всё, что я обязан был сделать – это в приемлемый срок уведомить начальство о том, чем я занимаюсь.

И опять-таки: был бы я помоложе, сразу накатал бы доклад. Но в свете нынешнего опыта я понимал, что отчётность нужна в двух случаях: или когда надо довести до начальства что-то действительно важное, или когда надо прикрыть собственный зад. Бомбардировать же вышестоящих ненужными бумажками – это занятие или для молодых восторженных идиотов, или для заведомых неадекватов и источников проблем. Тогда я думал, что к этим двум категориям не отношусь. Что касается задницы, то я тогда не думал, что в данном случае мне нужно её прикрывать. Дело-то самое обычное. Житейское, можно сказать. Поэтому я решил сначала разузнать что-нибудь стоящее, а потом уже докладываться. К сожалению, дальше всё завертелось так, что бумажку подавать было как бы поздно.

Начал я, естественно, с самого академика Улитнера. Подняв детализацию всех его обращений к БВИ (моих полномо-

чий на это хватало), я выяснил, что темой гипноиндукции и реморализации Моисей Львович в последнее время не интересовался. То есть совсем, совершенно.

Однако академик меня всё-таки сумел удивить. Да так, что я рот раскрыл. Потому что почтенный гуманитарий, оказывается, скачал с БВИ десяток учебников по гиперсветовой астрогации, включая 138-е издание «Курса пилотирования», над которыми обливается слезами я уж не знаю какое поколение курсантов.

День 10

И опять я живой, да что ж такое творится-то? Медведь в лесу сдох, а я ещё нет. Жив, здоров, неуклонно повышаю музыкальную культуру. Сегодня, например, наблюдал закрытие диска звезды класса G тяжёлой планетой под вторую часть Лунной сонаты и кофе из автомата. Очень не хватало пломбира, а так – неплохо.

Кстати. Может, они меня решили уморить голодом? Свежо и остроумно. Тогда почему не убрали НЗ? В принципе, он рассчитан на полгода, если экономить – можно растянуть до девяти месяцев. Может, им ещё и ребёночка родить? Нет, не понимаю, совсем ничего не понимаю.

Ну что ж, продолжим, благословясь. Что мне ещё остаётся? Не биться же самому головой об стену? Нет? Вот и я так думаю.

Так, значит, про «Курс». Сначала я было подумал, что академик возжелал на старости лет получить права пилота-любителя. Однако, присмотревшись, я обнаружил среди скачанного редкое издание – «Теоретические основы Системы Единой Нумерации космических объектов» Тёмкина-Карамаева. Которое меня заинтересовало как раз тем, что практической пользы пилоту от него никакой. Потому что связь СЕН-нумерации с реальными координатами звёздных тел осуществляет компьютер, а как он это делает – пилоту более или менее безразлично.

Однако последовательность скачанных профессором книжек убедила меня в том, что ему зачем-то понадобился именно Тёмкин-Карамаев. Потому что он шёл по ссылкам: сначала нашёл самую известную книгу (тот самый «Курс»), изучил библиографию, нашёл что-то подходящее, скачал следующую. «Теоретические основы» были последней.

Впрочем, тут я ошибся. Внимательно проверив весь список, я обнаружил, что после «Основ» академиком было заказано и получено совсем уж маргинальное сочинение: мемуар некоего Ингмара Виттеля «Воспоминания астронома: десять лет в МКпИПКО». Пробивка по базе БВИ показала, что эту книжку за последние тридцать лет экспонирования скачало человек двадцать с небольшим, и всё это были сотрудники Института Астрофизики, чаще всего – члены Межведомственной комиссии по именованию и переименованию космических объектов (то есть, собственно, МКпИПКО и есть).

Тёмкин, кстати, туда тоже входил, книжку читал и зачем-то на неё сослался. Так или иначе, академик Улитнер был единственным посторонним, заинтересовавшимся этим опусом.

Разумеется, я скачал себе обе книжки и просмотрел. «Теоретические основы» оказались интересными, но непосильными, так как трактовали вопросы соответствия номеров космических объектов в системе ЕН и их реальных координат в разных системах отчёта. А координаты космических объектов, которые все движутся с разной скоростью и по разным траекториям, иногда очень хитрым, – это вообще тема невероятно сложная. Пилоты работают в системе локальных координат, выстраиваемой компьютером для каждого отдельного старт-финиша – и то голова припухает. Поддержание же всей системы ЕН в работоспособном состоянии требует точной идентификации каждого объекта, что обеспечивается непрерывно ведущимися работами по картографированию космического пространства системой маяков, астрозондов, бакенов и много чем ещё. И всё это такая навороченная хренотень, что разбираться в ней надо всю жизнь. Как и в большинстве серьёзных тем.

Книжка Виттеля, наоборот, читалась легко. Автор, даром что астроном, оказался совсем не занудой. Как я узнал впоследствии, отметился он в очень разных сферах деятельности. Но книжка была целиком и полностью посвящена его трудам в административной сфере.

Комиссия, вообще говоря, занималась вопросами «наиме-

нования и переименования». С наименованием всё было понятно: в основном речь шла о присвоении космическим объектам имён каких-нибудь славных людей. Там гремели свои баталии, но автор мудро держался от всего этого как можно дальше. Дальновидно сосредоточив все свои административные таланты на переименованиях.

Чаще всего речь шла о мелкой, но периодически возникающей проблеме. А именно: время от времени небесные тела получают два или больше разных номеров ЕН и, соответственно, названий. И с этим надо что-то делать.

Ну, например. Откроет какой-нибудь свободный искатель звёздную системку, подаст в Институт рапорт с координатами и названием – скажем, назовёт звезду именем любимой Валечки. Координаты звезды он даст относительно центра Галактики, потому что ему так понятнее, а характеристики движения снимет кое-как, потому что болтаться на орбите неделю-другую, чтобы всё сделать по-человечески, ему влом. Но его рапорт оформлен правильно, он принимается и на картах возникает звезда Валентина с номером, скажем, ЕН-8-81496. То есть, извините, не возникает. Потому что право на официальное наименование небесное тело получает только в том случае, если оно входит в сферу интересов Человечества. Например, на планете этой звезды есть земная колония. Или ведётся производство. Или наши учёные там что-нибудь исследуют. Или там вообще есть что-то для нас интересное. В таком случае заявка удовлетворяется. А то

планет – даже в известной части космоса – несколько миллионов, слов не напасёшься. Так что заявка на Валентину будет лежать вместе с другими заявками – на всякие Смеховины, Падраки и Бровии, например. Да и номер в ЕН будет официально присвоен только после того, как экваторию системы разметят. Что произойдёт весьма нескоро. Потому что открыватель, скорее всего, ограничится установкой нескольких бакенов и всё. Не любят они возиться и всё делать по-нормальному. И давно бы пора прикрыть эту бессмысленную контору, но её опекают силы разума. Очень она им нужна, чтобы проворачивать некоторые дела под носом у космофлотских. Ну да это я так, в сторону.

Проходит лет тридцать. Экватории смещаются, солнышко успевает улететь, и не совсем туда, куда ожидалось. Летит мимо поисковый астрозонд и снимает данные – естественно, в гиперполярных координатах с привязками к реперным точкам, потому что автоматике так проще. Рапорт идёт в Институт. Там скучающий молодой сотрудник проверяет координаты (которые из гиперполярных в центральные переводятся непросто и с большим лагом), спектр и светимость (а это всё тоже меняется от времени, иногда значительно) и приходит к выводу, что открыто новое небесное тело. Которое он от скуки называет Злыдотой и присваивает ему номер, допустим, ЕН-8-97030. Причём не запретишь ему, гаду, называть небесное тело как вздумается. Потому что общественность тут же вспомнит о священных правах космонавта. Под-

нимется жуткий кипеш. А потом Горби со своей кушеточки всех разведёт и перессорит ещё и по этому поводу.

В общем, на картах поблизости от Валентины загорается звезда Злыдота. То есть опять же не загорается, а ждёт своей очереди.

Потом на второй планете Валентины найдут трансураны и начнут их добывать. А на втором спутнике четвёртой планеты Злыдоты обнаружатся редкие формы жизни, и там откроют биостанцию. Обе заявки реализуются. И ничего: некоторое время геологи будут летать на Валентину, а биологи – на Злыдоту, не подозревая о близком соседстве. Но рано или поздно это всё-таки выясняется. Например, потому, что начинается разметка экватории под протокол ГПП/14 МКС, и тут-то всё и вылазит. И дальше нужно как-то определить, какой же номер и какое название дать в итоге пресловутому солнышку.

Вот тогда дело и передаётся в МКпИПКО. Которая, руководствуясь умом и сообразительностью, а также хорошим вкусом и лоббистскими возможностями заинтересованных сторон (потому что кому-то придётся переделывать все документы, а этого никто не любит), решает вопрос. То есть после нескольких месяцев заседаний и переписки звёздочка получает номер 8-97030 (потому что биологи продавили) и имя Валентина (из эстетических соображений, поскольку предкомиссии не любит тупого юмора). Или наоборот, если геологи круче, а во главе комиссии оказался тупой юморист.

Бывало и так, что номер и название меняли на что-то совсем третье, так как никто не хотел уступать… Виттель описывал все эти ситуации с тонким, задушевным ехидством. Надеюсь, немногочисленные читатели «Воспоминаний» смогли оценить его юмор по достоинству.

Фффу. Весь день за клавиатурой просидел. Пойду кофейку себе принесу, там ещё осталось. Или лучше поспать?

А вот сейчас и выясним.

День 11

Обнаружил в пищеблоке пачку засохших сырных галет. Если размачивать в кофе – очень даже ничего. Устроил себе завтрак аристократа – звезда класса G, Моцарт (ария Моностратоса из «Волшебной флейты»), галеты, кофе. Ещё бы трубочку. Но этого в космосе не бывает в принципе. Это тебе не алкоголь, с этим строго.

Ладно, будем радоваться тому, что есть. А пока вернёмся к нашим звёздам.

Книжка Виттеля мне понравилась, но в своём расследовании я не продвинулся ни на миллиметр. В очередной раз решил плюнуть на это дело. И правильно, в общем-то, решил, теперь я это понимаю. Но тут опять не свезло: по работе у меня образовался полный штиль. Отпускное мне, наверное, подписали бы, но я сам не хотел: шли упорные слухи, что Григорянц уходит в Экспертный комитет при МС, а

это очень резко меняло весь расклад, в том числе и ту его часть, что касалась непосредственно меня.

Так что через недельку я снова сел за комп и послал в БВИ очередную серию запросов, на сей раз – по людям. Меня интересовали персонажи, которые могли иметь какое-то отношение к гипноиндукции и реморализации и к академику Улитнеру.

Тут-то я и понял, что рыл не там. Оказывается, у академика был племянник, некий Ян Сноубридж. Именно был, в прошедшем времени: несколько лет назад он погиб на Яйле, охотясь на ракопауков. А в жизни он был психокорректором-ментоскопистом со специализацией гипнолога. То есть к теме он отношение имел – ну или, во всяком случае, мог иметь.

Копнув ещё на полштыка, я выяснил, что Ян был активным членом Добровольного Общества за Психическую Неприкосновенность, ДОПН. Более того, подпись Сноубриджа стояла под знаменитым «Письмом семидесяти пяти», в котором ведущие психологи и психиатры требовали признать психокоррекцию вредительской и калечащей процедурой, насилием над личностью и вообще источником мирового зла. А её применение – всемерно ограничить.

Эту историю я помню: по этому поводу заварился такой кипеш, будто Земля с орбиты сходит. Массовая истерика общественности привела к тому, что психокорректоров стали называть «врачами-вредителями» чуть ли не в официальных

СМИ. А в шестьдесят пятом психокоррекция была удалена из списка доступных населению медицинских процедур, признана опасной и т. п. Так что теперь, чтобы убрать какой-нибудь паршивый комплекс или фобию, нужно год собирать разные справки. Ну, год не год, но месяца два уж точно. Мне, кстати, приходилось – не для себя, для приятеля, у него была проблема с перееданием и недосыпом. И даже с моими возможностями ускорить дело не удалось. Разозлился я тогда страшно. И даже поднял сведения по пресловутому Обществу. И понял, что ДОПН крышуется с самого что ни на есть верха, чуть ли не с уровня Мирового Совета. Что делало дальнейшие изыскания контрпродуктивными.

Но на этот раз я отступать не собирался. Для начала проверил, действительно ли академик общался с родственником. Выяснилось, что да: их, оказывается, сблизила любовь к рыбалке. Я нашёл в открытом доступе несколько фоток и роликов, где они вместе кемарили над поплавками. Мило так сидели, даром что маленький лысый Улитнер с кривой удочкой на фоне высокого блондина Яна с роскошным спиннингом смотрелся как-то неспортивно. Хотя у академика рыбы в корзинке было больше – даже на фотке заметно. Так всегда бывает: кому-то форма важна, а кому-то – содержание.

Однако потом – как раз после того самого письма и кипеша – Ян забросил рыбалку и увлёкся охотой. Причём очень быстро пошёл вразнос и начал подбирать себе всё более крупную и свирепую добычу. Что и привело его на Яйлу.

Я поневоле задумался, почему он не попросил кого-нибудь из коллег подкрутить расшатавшийся винтик в голове: даже неспециалисту видно, что у человека развивается суицидальный синдром, а уж профессионал должен такие вещи просекать сразу… Потом вспомнил про ДОПН и подпись под письмом и решил, что парень однажды нагробил и проштрафился по работе. Может быть, даже непоправимо испортил чьи-то мозги. После чего впал в самокозление и принялся искупать вину – сначала поучаствовал в борьбе с собственной профессией, а потом скормил себя ракопауку. Скорее всего – прекрасно осознавая, что творит. И тут уж ничего не поделаешь, это дефект культуры. Нашей в смысле. Нет у нас в культуре такой штуки, как покаяние. То есть его заменяет психокоррекция – а в данном случае она-то и была пунктиком. Вот так неудачно всё сложилось, увы и ах.

На всякий случай я решил посмотреть данные по карьере Сноубриджа. То есть его профессиональный реестр.

Да, вот именно в этот момент я уже кое-что нарушил. Профессиональный реестр – это уже информация не конфиденциальная, как с обращениями в БВИ, а самая что ни на есть личная. Моего допуска на это не хватило бы. Поэтому я позвонил одному знакомому, который был мне кое-чем обязан по хозяйственной части, и попросил об одолжении. А чтобы обосновать – соврал, что допуск у меня в процессе оформления, просто не хочу терять время. Приятель двадцать лет на активках и очень хорошо понимал, как могут

копаться с допуском и чего стоит это самое время. Поэтому он сразу предложил мне оформить временный допуск под свою ответственность. От чего я благоразумно отказался, сославшись на то, что мне нужен только реестр. Он мне его и прислал – где-то минут через пять.

Что такое ПР, все как бы знают. Снаружи. Со стороны так называемых «общедоступных личных данных». Которые человек типа сам о себе открывает. Между прочим, крайне интересная информация – что человек о себе сообщает другим. Например, если отмечены интернатовские награды – олимпиады там всякие и тому подобное, – то дальше можно не смотреть: типичный общественник. Хотя бывает, галакты так шутят. Помню одного такого товарища, у него в общедоступных данных значилось: "Чемпион 16-го года по привесу новорожденных планеты Айскрым" Этот чемпион по привесу развалил нам три операции.

Но в принципе общедоступные данные – это так, вишенка на торте и верхушка айсберга. А вообще-то в профреестре фиксируются все действия, производимые человеком в его профессиональной сфере. Туда же сливается и медицинская информация – так как травмы влияют на рабочие качества. Там же фиксируются все данные обо всех приобретениях, которые сделал человек, начиная от космического судна и кончая коробкой мятной пастилы. Есть там информация о хобби и членстве в общественных организациях. Если хорошенько покопаться, можно найти данные и о личной жизни.

Короче, там можно найти всё или почти всё, кроме того, что относится к тайне личности.

В обезличенном виде реестры доступны статистическим учреждениям, социологам, психологам и много кому ещё. В личном – только самому человеку, его психологу (с личного разрешения пациента) и нам. А также ДГБ и ещё парочке менее известных контор, но об этом не будем.

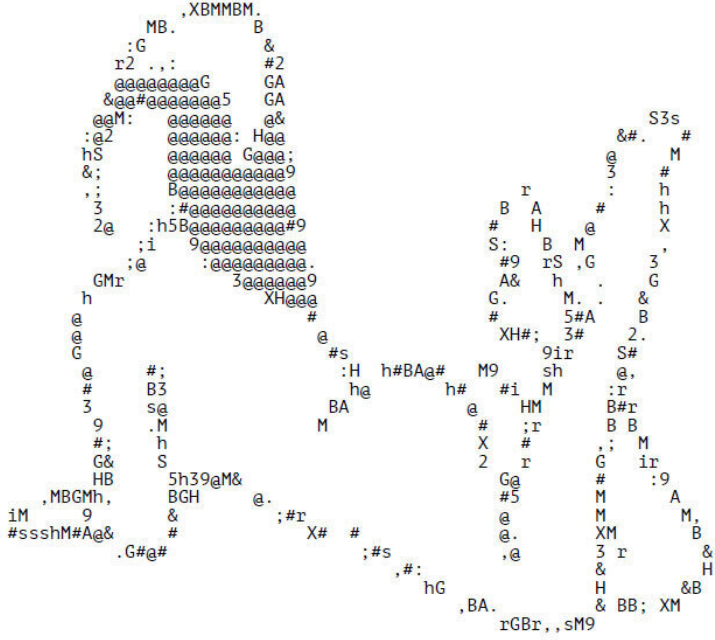
Просматривать реестр глазами – та ещё работёнка, никаких человеческих ресурсов не хватит, особенно если ты один. Есть всякие эвристические алгоритмы и прочая хрень, но я всем этим не владел. Поэтому я стал искать наугад, не было ли у Сноубриджа каких-нибудь пересечений с ИЭИ. На всякий случай даже поискал, не работал ли он с кем-нибудь, связанным с Надеждой. Ничего не нашёл, конечно – Ян погиб до начала операции на планете и с её будущими участниками не пересекался.

Зато он пересекался с другими сотрудниками Института, в том числе очень известными. В частности, именно он проводил последнюю психокоррекцию у престарелого агента ИЭИ «Антона», более известного общественности как дон Румата Эсторский. Во времена оны работавшего на планете Аврора, конкретно – в королевстве Арканарском.

Это меня заинтересовало. И потому, что в деле появился Арканар, и потому, что Антон-Румата – фигура легендарная. В каком-то смысле.

День 12

Добрый вечер. Извините, днём спал. Заснул под Гайдна, что характерно. В последнее время от Гайдна меня в сон клонит. Зато приснился эротический сон с участием девочек из вокально-инструментального ансамбля «Барвинок».



В связи с чем решил принять с утра холодный душ. Так как автоматика и в самом деле не работает, облился холодной водой из ведра. Потом полчаса не мог согреться. Бррр.

Ладно, продолжим. У нас на очереди Румата Эсторский. Забавно: имя помнят, а что человек сделал и чем известен – уже нет. Во всяком случае, я, пока не влез в это дело, представлял себе всё это довольно криво. Вечерами я сидел у компа и втыкал в события столетней давности. Пытаясь найти в них последовательность и какую-то логику, а также связать с нашими делами скорбными.

Сразу скажу: все эти изыскания оказались пустой тратой времени. Но у меня его сейчас образовалось больше, чем я думал, так что поизвожу-ка я его ещё и на это. Даром я, что ли, почти неделю просиживал свою ненаглядную и рылся во всяком окаменевшем?

Итак. Все более-менее помнят, что Антон-Румата чуть ли не сто лет назад написал какую-то разоблачительную книгу про свою работу. Это наделало шуму и привело к какому-то скандалу. Собственно, всё.

Когда я полез разбираться, открылись интересные подробности.

Книжка и впрямь была. События, в ней изображённые, относятся к двадцатым годам прошлого века. Общественности они стали известны после публикации текста, известного под названием «Трудно быть богом», появившегося в БВИ в двадцать пятом году. В котором – как бы от третьего ли-

ца, но было понятно, что автор пишет про себя – излагалась история агента ИЭИ. Жившего и работавшего на Авроре в королевстве Арканар под именем Румата Эсторский.

Честно скажу: не люблю я худла. У меня любимое чтение – ведомости. Нет, не новостной канал. Настоящие ведомости. Складские, например. Так что книжку я в себя еле впихнул, да и читал не особо внимательно, пропуская все красивости. Но общий смысл я уловил.

В общем, этот самый Румата вёл жизнь богатого аристократа при местном дворе, занимался какими-то вялыми интригами, а также спасал остатки местной интеллигенции от погромов, потихонечку зверея от невозможности хоть как-то повлиять на ситуацию в целом. Последней каплей послужил военный переворот, когда был убит король – тот самый Пиц Шестой – и к власти пришли местные религиозники. Которые его каким-то образом раскрыли, а потом зачем-то убили его девушку. Антон взял острую железку и порешил кучу местных. После чего был экстренно эвакуирован на Землю. Собственно, всё.

Никаких особых сливов, разоблачений и всего такого в книжке не было. И тем не менее общественность закипешилась.

Как я понимаю, штука в том, что это было первое более-менее цельное и объективное описание условий и методов работы сотрудников ИЭИ. То есть все как бы знали, что на других планетах работают наши люди. Но никто не вду-

мывался в то, что из этого следует.

А тут общественности ткнули носом в картинку. И все увидели, что наши люди – такие чистые и честные – годами и десятилетиями живут по законам феодального общества, эксплуатируют простолюдинов, имеют слуг, обманывают и предают, а также собственноручно убивают живых людей холодными железками. И даже, представьте себе, время от времени предаются постельным утехам! Впрочем, именно эти моменты в книге были всячески закруглены. Например, половая тема была убрана совсем: герой, дескать, терпеть не мог всех этих дурно пахнущих феодальных развратниц и ни до одной из них на самом деле не дотронулся и пальцем. А чтобы читатель не подумал чего лишнего, в текст была вписана любовная линия. Героиней которой стала местная девушка из интеллигентной семьи. Которую в результате убили местные изуверы.

В героическое целомудрие главного героя, разумеется, никто не поверил. Читатели навоображали себе всего, что в такой ситуации можно навоображать. И преисполнились.

Второй темой, всплывшей вслед за первой, стала скверная подготовка наших агентов. Которые мало того что грабили, эксплуатировали, убивали и так далее, так ещё и делали всё это из рук вон плохо. Опять же, автор постарался приукрасить этот момент как мог. Но факт оставался фактом: оказывается, наши ребята сплошь и рядом тупят, комплексуют, не видят очевидных последствий собственных действий и так

далее. Всякие представители общественности бросились судачить, как было бы надо действовать Антону. Некоторые рассуждения были даже довольно остроумны. Вопрос в том, что их авторы рассуждали, сидя на Земле в уютном креслице. Смогли бы они блистать интеллектом непосредственно на Арканаре, среди вони, грязи, крови, непоняток и дикого цейтнота – неизвестно. Но на общественность это произвело впечатление. Как же иначе-то.

Но особенно всех возмутила ничтожность результатов, достигнутых такой ценой. Как выяснилось, никакого решающего влияния на исторический процесс наши агенты не оказывали и оказать не могли. Более того, они не могли даже предвидеть исторические изменения – как Антон не предвидел вспышку религиозного рвения и военный переворот. Что бросало тень на всесильную и единственно верную ТИП.

Тут уже мне придётся вступиться за базовую теорию. В ней полно натяжек и противоречий, но как раз особенности религиозного возрождения на фоне роста гуманистических ценностей она объясняет вполне убедительно. В учебнике по феодализму это называлось «эффект Боттичелли – Савонаролы». На ТИПовском жаргоне он описывается примерно так. Объективный рост производительных сил объективно приводит к появлению слоя профессиональных интеллектуалов. Которые начинают своим интеллектом пользоваться диалектически, то есть кто как может. В ходе объективного развития возникают вольнодумцы, занимающиеся наука-

ми, искусством и немножко магией и астрологией, а также, в качестве диалектической противоположности, и религиозные мыслители, легко превращающиеся в религиозных же фанатиков. Первых объективно поддерживают аристократия и опирающиеся на аристократию правители, любящие вежество, искусство и умные разговоры. На вторых столь же объективно опираются всякого рода выскочки из третьего сословия, добравшиеся до власти. Для них аристократы – враги, и они всегда ищут способ как-нибудь их прижучить. Дальше, согласно законам общественного развития, религиозники диалектически жгут на кострах творения вольнодумцев, а то и их самих. Впрочем, с ещё большим диалектическим рвением они поджаривают друг друга, поэтому светские гуманисты в исторической перспективе объективно побеждают. В исторической, повторяю, перспективе. А по ходу процесса диалектически возникают всякие разные явления, типа кратковременных, но очень неприятных религиозных диктатур, которые то поддерживаются светскими властями, то наоборот, согласно балансу сил, определяемому, в конечном итоге, диалектикой объективных законов развития общества и конкретно-исторических обстоятельств… Ну да, конечно, это вульгарная трактовка. Академик Улитнер, если бы экзамен принимал по ТИП, за такое изложение не поставил бы мне больше тройки, да и то снисходя. Но в принципе всё правильно. Вот и в Арканаре подобное случилось, только там светский вроде бы правитель переметнулся на сторо-

ну религиозников. Удивительное прям дело – правитель, который к кому-то переметнулся! А вот неготовность агента ИЭИ к подобному развитию событий выглядит и в самом деле странно. Но если это на кого и бросает тень, так прежде всего на автора. Который либо сам идиот, либо пытается выставить идиотами собственное руководство.

Вот только попробуй объясни это общественности. Которая по отдельности состоит из разумных и компетентных людей, а в целом – стадо полоумных бабуинов. Которые ни во что вникать не способны, зато верещать как резаные – это всегда пожалуйста.

Они и верещали. А также писали запросы в Мировой Совет и требовали то ли расформирования ИЭИ и полного запрета вмешательства в чужую историю, то ли высадки в Арканаре миллиона добровольцев с целью немедленного введения коммунизма. А некоторые – и того и другого одновременно.

Но это всё можно было бы как-нибудь пережить. Однако самый неприятный сюрприз от Антона состоял не в его литературных упражнениях. К тексту был приложен файл, в который автор скопировал несколько институтских методичек, несколько учебников и словарей местных языков, а также название, номер и приблизительные галактические координаты планеты. Приблизительные – поскольку они, судя по всему, были сняты с навигационной аппаратуры корабля, то есть не учитывали движение систем и прочие факто-

ры. Однако Аврора значилась в БВИ, так что практического смысла это уже не имело. Планета стала доступной для любого дурака с пилотским свидетельством.

Тут же начались попытки самодеятельного проникновения на Аврору. Энтузиасты пытались прорваться к планете на своих и чужих судах, чтобы высадиться в какой-нибудь местной стране. И учинить там справедливые и гуманные порядки, вредительски саботируемые проклятым ИЭИ.

Как правило, участь этих энтузиастов была плачевной. Несколько человек погибли. Одного идиота спасли в последний момент (его, кажется, собирались сжечь заживо), но при вызволении пришлось перебить кучу местных. Ещё одного кретина иэишники вытащили из пыточного подвала. Вытащили с отпиленной ногой и без нижней челюсти. Ногу и челюсть ему вырастили заново, после чего он сбежал от врачей, выступил по общественному видеоканалу и заявил, что в тот подвал его затащили не добрые арканарцы, а переодетые агенты ИЭИ. Отблагодарил, сучонок.

Мировой Совет вынужден был пойти на крайние меры. Планету Аврора объявили запрещённой. Разумеется, сотрудников ИЭИ пришлось отозвать, а всю деятельность свернуть. Двадцать лет работы – и все понесённые жертвы пошли псу под хвост. Ректор ИЭИ подал в отставку, формально – по состоянию здоровья, но все всё поняли. Горби отставку принял – и тут же, в своей манере, слёг. С обострением стыда и совести, наверное.

Тем не менее вся эта история в перспективе имела некий полезный эффект. Общественность худо-бедно усвоила несколько мыслей. Во-первых, что история не делается в белых перчатках, и если мы хотим способствовать правильному развитию гуманоидных цивилизаций, нужно смириться с тем, что наши люди – такие чистые и честные – будут жить по законам феодальных, рабовладельческих и даже фашистских обществ. Не особо выделяясь на общем фоне. И если вы хотите спать спокойно, не нужно им мешать делать своё дело. А только принимать победные реляции: на такой-то планете прекращена эпидемия, там-то предотвращена ядерная война, а вот здесь намечается буржуазная революция. Слава нашим скромным сотрудникам, несущим в Космос прогресс.

Тогда, собственно, и появилось слово «прогрессор». Придумали его журналисты, а потом его стали использовать и сами сотрудники ИЭИ. В общем, правильно, слово-то удачное.

Всё это было очень интересно и поучительно. Однако не объясняло того факта, с которого я начал в этом копаться. А именно – зачем очень старому Антону понадобилась психокоррекция.

Конечно, можно было предположить, что в голове у престарелого агента что-то сдвинулось. Но в ПР было написано: «плановая процедура». И три строчки на профессиональном жаргоне ментологов-психоскопистов.

В «трёшке» нас учили, помимо всего прочего, обращаться

с ментоскопом. Ну, на самом примитивном уровне, конечно. Тем не менее что-то я понимаю. Но в тех трёх строчках я понял не больше, чем улитка в аэродинамике. То есть совсем ничего.

Тут бы мне тормознуться. Но нет же, меня заело. Закусился я на этой теме. Дурное чувство. Засиделся дядя Яша на своей хозяйственной должности, захотелось приключений на свою нехудышечку. И нашёл. Кто ищет – тот находит.

Но тогда я об этом не думал совершенно. И вместо того, чтобы всё это прекратить, на выходных сходил в гости к своему старому приятелю Боре Левину.

День 13

Перечитал вчерашнее. Нет, ну ни хрена ж я наструячил! Сам себе удивляюсь. И всё ведь затем, чтобы оттянуть неизбежный конец. То есть финал истории. Потому что рассказать-то хочется, но не это. А ведь придётся.

Ладно, постараюсь больше так не затягивать. Хотя не обещаю. Кстати, кому? Лене Завадской? Ну, допустим, ей. Лена, если тебе это в руки попадёт, дочитай до конца, пожалуйста. Ну или до того места, где текст кончится. Дочитай, а?

Значит, Боря Левин. Не то чтобы очень близкий друг, но очень близких у меня как бы и нет. Мы с ним сошлись как раз на теме «Ковчега» – он консультировал нас по поводу Юмизавы и его мозговых тараканов. С тех пор мы с Борисом

регулярно встречаемся. Приятный человек, в общении комфортный, не напрягает. Хотя по профессии – самый что ни на есть врач-вредитель. То есть психокорректор. Очень хороший. Специализация – детский и подростковый возраст, работает с глубинными комплексами, к нему родители и Учителя в очереди стоят. Доктор наук, доцент, глава редакционной коллегии учебника по психокоррекции для медвузов. А также автор методички для военных кафедр тех же вузов «Экспресс-допрос в полевых условиях с использованием психокорректирующих методик».

Если вдруг это попадёт на глаза какому-нибудь типичному представителю общественности, скажу вот что. Всех психокорректоров учат методикам допроса. Всех. На военной кафедре, разумеется. И не только этому. Разумеется, они дают подписку и не болтают об этом на каждом углу, чтобы не поднимать ненужный кипеш. Но все, кому нужно, об этом знают, не такой уж это великий секрет. И знаете, что я вам скажу? Это совершенно нормально, что их этому учат. И более того – это по-настоящему гуманно. Психокорректор работает с тонкими структурами психики и должен чётко видеть грань, за которой кончается помощь и начинается насилие над личностью. А также знать, что происходит в случае, когда это насилие совершается. Потому-то психокорректоры обычно побаиваются того, что делают. Не до патологии, как товарищи из ДОПН, но всё-таки. И это хорошо. В таких вопросах лучше перебдеть, чем недобдеть. Ну а если случит-

ся что-нибудь такое, что потребуется кого-то допрашивать, – знаете, уж лучше так, чем калёное железо. Оно сильнее травмирует. В том числе и психику.

А, ладно, зря всё это говорю: общественность всё равно неизлечима, даже с Бориной помощью.

Но, в общем, с нашей конторою Левин давно и плодотворно сотрудничает. А я с Борисом как-то особенно сошёлся. Говорю же: комфортный человек. На гитаре играет хорошо, поёт старинные русские романсы. Опять же наливочки всякие уважает, настоечки. Сам делает – с чувством, с пониманием. Тоже, кстати, психокорректирующее средство. Так что это ему в самую тему, можно сказать.

Левин вообще-то человек занятой. Но мне повезло: когда я ему позвонил, он оказался у себя на даче в Мечтаевке. Как выяснилось, он решил себе устроить болдинскую осень – ну там, в тиши уединения написать что-нибудь сугубо научное. Надо думать, процесс пошёл неровно, так как моему звонку он искренне обрадовался и охотно согласился встретиться и продегустировать рябиновку.

В общем, встретились мы, продегустировали, потом перешли на тминную. Это у Борьки королёк – тминная настойка. Подстейк. Стейк я сам готовил. Поели, выпили. Я послушал, как Борька на гитаре играет. Как сейчас помню, сидели на верандочке, вечерело, дождик шёл. Хороший такой дождик, мелкий, тёплый, сквозь тучи осеннее солнышко просвечивает. Очень подходящий пейзаж для задушевных разговоров.

Меня интересовало, может ли психокорректор что-нибудь случайно вытащить из головы пациента во время процедуры. Не во время допроса, а так, спонтанно.

Ну, гипотеза у меня была, прямо скажем, дурацкая. Что Ян, случайно или намеренно, вытащил из старика Антона-Руматы какие-то интересные сведения. Скорее всего, относящиеся к старым делам. И поделился с дядей-академиком, а он их связал с чем-то ещё, сделал выводы, и таким вот образом образовалась та статейка.

Смешно, да? Это вы реальной работы не знаете. Иногда приходится за такие гнилые нитки тянуть, на таких соплях выстраивать сюжеты, что кому расскажешь – не поверят. А что делать? Даже самое бредовое предположение лучше никакого. И если других нет, нужно проверять бредовые! Которые, кстати, иногда оказываются не таким уж и бредом. То есть да, исходная мысль была кривая, но и кривая иногда вывозит.

Но на этот раз кривая не вывезла. Левин меня в этом смысле не порадовал. Хотя и ничего особо нового мне не сообщил. Я и так знал, что психокоррекция – процедура неформальная. Творческая, можно сказать, в ходе которой корректор и пациент сближаются и взаимопроникают. Вот только взаимопроникновение касается исключительно чувств и эмоций. Поэтому контактом в нашем профессиональном смысле психокоррекция не считается. То есть если нужно составить психологический портрет клиента, нуж-

но поговорить с его психокорректором. Но насчёт какой-нибудь фактической информации из головы – дохлый номер. Тут нужен именно допрос, а это без очень серьёзной санкции сверху – деяние, наказуемое запретом на профессию, и это в лучшем случае. И что ни один психокорректор такого делать не будет, во всяком случае, в мирное время.

Я вспомнил основной пунктик Яна и подумал, что, может быть, его заставили допрашивать Антона и от этого переживания у него поехала крыша. Потом вспомнил даты и понял, что Антона он обихаживал, уже будучи членом ДОПН. Может, он и в самом деле кого-то когда-то превратил в овоща, но точно не дона Румату.

В общем, я понял, что ловить нечего. И уже ни на что особенно не надеясь, показал ему те самые три строчки на профессиональном жаргоне. С просьбой пояснить, что тут написано.

Тут Борис повёл себя странно. Молча встал, пошёл в дом, вернулся с планшетом. Долго в нём копался, искал что-то. Нашёл, прочитал, налил и выпил. Разом грамм сто. Ну и я аналогичным образом поступил, чтобы не разрушать атмосферу.

А потом мой друг Борис посмотрел на меня косо и спросил, откуда у меня это описание процедуры и к кому она применялась.

Я мог бы и промолчать. Или сослаться на служебную тайну. Но тогда он сослался бы на то же самое или замылил бы

разговор. Знаю я его. Поэтому я сказал – и про Сноубриджа, и про Румату Эсторского. Умолчал только, откуда у меня эти сведения.

Борис задумался, ещё выпил, закусил редиской и сказал:

– Сноубриджа я знал, это был серьёзный специалист. И он не стал бы делать фигню. А то, что там написано – фигня.

Я в него вцепился, и он выдал следующее:

– Понимаешь, это вообще не психокоррекция. Это предварительные действия и выход из режима. Представь себе, что ты сел в глайдер, прогрел двигатели, провёл тестирование систем, включил антиграв и выехал из ангара. Постоял полчасика, заехал в ангар, выключил антиграв, запарковался. Но никуда не летал. Вот и тут примерно то же самое. Предварительные процедуры, холостой режим, выход. Если верить тому, что тут написано. Я думаю, основная часть текста удалена. Кстати, откуда это у тебя? Из личного файла?

В таких вещах лучше не признаваться даже близким друзьям, так что я сослался на то, что меня попросили проверить старый документ. Борис сделал вид, что верит, предложил ещё рябиновой и по домам.

Ну мы и выпили. А когда Левин пошёл отлить – открыл его планшет. Мне стало интересно, что он там смотрел.

К сожалению, он оказался заблокированным. Левин оказался осторожным – планшет опознавал хозяйский палец. Так что всё, что я увидел – это страничку текста. Я его быстренько сфоткал на камеру в панельке, планшет положил на

место, дождался Левина и продолжил рябиновку. Так продолжил, что едва до нуль-кабины дошёл. Дома я глотнул детокса, чтобы голову немножко прочистить, и бросился смотреть фото.

Там было две с половиной строчки текста – видимо, самый конец какого-то большого файла. Какие-то символы и команды, выглядящие как программный код, что ли. Никогда такого не видел.

На всякий случай я поискал в БВИ эти самые строчки. И ничего не нашёл – во всяком случае, среди сколько-нибудь востребованных материалов. Дальше мог бы помочь либо Коллектор Рассеянной Информации, либо глобальный поиск по всему БВИ. Первое мне недоступно, а второе… ладно, об этом потом, но тогда мне до этого было ещё далековато.

В общем, я решил так, что левинские записи – это какие-то его личные заметки. Мало ли какие.

День 14

Похоже, обо мне забыли. Нет, ну так не бывает. Это я как профессионал говорю.

Может, у нас война началась? Агрессия Странников? Ну разве что. Хотя война войной, а текущие операции по расписанию. Ни-хре-на не понимаю.

Ладно, едем дальше.

Честно сказать, Боре я не поверил. Нет, не в смысле вообще. Но мне так показалось, что он не всю правду мне сказал. А может, и всю, но какими-то мыслями не поделился. Ну вот так мне показалось.

Рябиновая тоже, надо сказать, сыграла. Детокс симптомчики купирует, но этакая лихость в голове остаётся. Недоработка, кстати. Ну, будем считать, что она-то меня и подвела под монастырь.

Короче, был я задумчив и нетрезв. И в таком подвешенном состоянии сел за комп и ввёл комовский пароль доступа. Совершив, таким образом, должностное преступление. Первое, хотя и далеко не последнее.

Откуда я знал пароль? Говорю же, я завхоз. А Комов – герой. То есть руководитель кризисно-экстремального типа. Комов чувствует себя на коне, когда всё горит и рушится. И он таки прав – в таких ситуациях он и в самом деле принимает оптимальные решения. Проблема в том, что, когда ничего не рушится и не горит, он впадает в меланхолию и неадекват. И рано или поздно начинает всё рушить, чтобы снова сесть на коня. Начальство это знает и Комова использует или для латания дыр, или наоборот.

Так вот, пароль. Комов мне его дал сам, в жаркие дни операции «Алкиона», конкретно – во время факапа у Слепого Пятна.

Про это я писать не буду, потому что тут уже всё обглодано до костей, а кости кинуты общественности. Которая их

грызёт до сих пор. У меня, конечно, есть своё мнение, в том числе и на тему того, кто на самом деле виноват. Но я его придержу, потому что прямых доказательств у меня нет. Однако если посмотреть, как тормозились все исследования в области высокоримановой нуль-физики и как во всех факапах неизменно оказывались виноватыми именно высокориманщики – в катастрофе на Радуге, например, – то можно сделать кое-какие выводы. Не стоит также забывать, что после катастрофы – пока летели головы и ломались судьбы – кое-кто в очередной раз слёг с тяжёлым приступом гуманизма. Так что пока этот замечательный человек влиятелен, человечество за пределы Галактики не сунется. А влиятелен он останется, я так думаю, даже после смерти. Хотя он всех нас переживёт.

Ладно, что-то я разнылся. Так вот, Слепое Пятно. Как там геройствовал Геннадий Юрьевич, знают все. Но герои не сражаются без меча, копья, доспехов и прочих таких вещей. Откуда-то они их берут. А Комову обычно нужны вещи куда более сложные и дорогостоящие. Но у него был верный оружейник, который доставал для него даже то, чего и в природе не существует. Во всяком случае, в официально существующей природе.

И когда он связался со мной – это, кстати, отдельная история, как он со мной связывался – и попросил у меня запороговый СП-генератор, я не стал ему объяснять, что запороговых генераторов (ну то есть с коэффициентом скрутки

пространства более девяти тысяч риманов) в природе не существует, поскольку они запрещены Мировым Советом. А сконструированные на Радуге, по официальной версии, демонтированы. Я только спросил, когда он ему нужен. И получил ответ – в течение двух часов, потом будет поздно.

А вот это было уже сложнее. Потому что нуль-генераторы с Радуги у меня на складах имелись, и вполне себе в рабочем состоянии. Но они не работают без инопланетных артефактов, находящихся в спецсекторе музея Института Внеземных Культур. Доступ к которому имеют только действительные члены Мирового Совета и приравненные к ним лица.

Конечно, мог обратиться с официальным запросом и рано или поздно получил бы всё, что нужно, потому что факап у Пятна на глазах всего человечества превращался в полномасштабную катастрофу. Но я и пробовать не стал, потому что знал: прохождение документа по всем инстанциям заняло бы не менее двух суток, и это в самом лучшем случае. Что я и сообщил Геннадию Юрьевичу.

И Комов выслал мне свой личный ключ-пароль. В нарушение всех мыслимых и немыслимых инструкций. Так что янтариновые стержни были у меня через два часа, а генератор снарядили через четыре. А потом, когда Комов и его люди висели над плоскостью системы ЕН-2904, я оформлял документы. Кстати, справился часов за шесть – кому скажешь из понимающих людей, не поверят.

За это время Комов успел проломить генератором свёрнутое пространство возле Пятна, обнаружить станцию Странников, потерять шестерых человек и два корабля и угодить в радиационный пояс.

И когда я наконец отправил запрос в базу, генератор уже благополучно сгорел, а Комова укладывали в реанимационную камеру. Его поставили на ноги за три месяца, за это время в управлении произошли перемены, и ему пришлось, по сути, отвоёвывать своё кресло заново. В общем, ему было не до меня. Я не в обиде: герои – они такие.

Что касается пароля: конечно, Комов должен был его сменить, а я – стереть. Но он его не сменил, а я – не стёр. Ну просто рука не поднималась стереть информацию такой ценности. И не вините меня, я хозяйственник, а нашему брату чего ни дашь – всё утащат на склад и приберегут на чёрный день и крайний случай. Включая информацию, разумеется.

В общем, пароль подошёл. И я вошёл в систему под именем Комова.

Зачем? Затем, чтобы провести глобальный поиск по профессиональным реестрам. Меня интересовали те непонятные медицинские слова, которые Левин отказался мне объяснить. Кому-то ведь делали такие коррекции. И мне хотелось знать, кому именно.

Результат был интересный. Забавный, я бы даже сказал, результат. А именно – я получил список психокорректоров, которые выполняли именно такую операцию: совпаде-

ние текстов было почти стопроцентным. Я также получил список людей, именно этой коррекции подвергавшихся.

Но у самих людей в их файлах данная коррекция указана не была.

День 15

От шоколада тошнит. Курочку бы жареную! Я б за неё отдал остаток жизни. Нет, мало, ещё винца. Лучше всего южноамериканского, тяжёлого, с танинами. Мальбек или шираз. А ещё, пожалуйста, какую-нибудь нормальную музыку. Хоть тот же «Барвинок». Сидел бы, подпевал девочкам. И трубочку, трубочку. Хотя бы пару затяжек напоследок. Вот это было бы в самую плепорцию.

Ладно. Продолжаю. Что мне ещё делать-то?

На следующий день я, конечно, протрезвел, прочухался и схватился за голову – ох, да что я наделал, да во что влип. Однако потом немного остыл и пришёл к выводу, что ничего особенно страшного не произошло. Ну да, я воспользовался комовским доступом. Но если что – я ведь Комова солью. И он это знает. А кому ещё нужно меня разоблачать? Да никому. Ну и хрен с ним.

Что касается открывшегося неблагообразия. Несовпадение уровней секретности случается куда чаще, чем мы думаем. И это не факап.

Чтобы было понятно, возьму конкретно этот случай. Ну,

представьте себе: вы удаляете из профессионального реестра человека некую информацию. Но реестр доступен самому человеку. Он его просматривает, чтобы найти какие-то сведения, и вдруг обнаруживает, что в нём нет информации о том, что он реально делал. Типа, он не имеет доступа к собственным данным. Что он подумает? То самое он и подумает. И подымет какой-нибудь кипеш, а нам оно надо?

С другой стороны, закрывать данные по медицинским процедурам в личных картах можно и нужно. Клиенту не всегда сообщают о характере манипуляций, над ним производимых. Это нормально, особенно если клиент не очень в норме. Ему не обязательно знать, что с ним делали на самом деле. Ну не писать же в карте «стирание памяти»? Вот то-то.

Конечно, из-за этого может получиться так, что в карте медика, делавшего процедуру, информация есть, а в карте клиента – нет. Ну и что? Всё равно файлы ПР доступны только спецслужбам, а поиск по ним – только ну очень ответственным сотрудникам таковых. Жаль, кстати, что КОМКОН не имеет монополии на эти темы, но тут уж ничего не поделаешь. Единую спецслужбу создавать нельзя, увы и ах.

Короче, я просмотрел данные по всем, кому делали коррекцию, похожую на антоновскую. Нет, это были не только старики. Было два случая, касавшихся людей сорока-пятидесяти лет. И около двух сотен – совсем молодых, в районе двадцати.

И что характерно, кроме возраста и самых общих данных,

об этих людях я ничего узнать не смог. Файлы были практически пусты. Что означает только одно: данные изъяты в соответствии с законом о тайне личности.

Ну а тайна личности – это, сами понимаете, такая штука, что и комовского доступа недостаточно.

В общем, это был снова тупик. На этот раз бетонированный.

День 16

лылдфвыфвывввсы цсв

шдюан

6 й ы

День 17

Извините за вчерашнее: был взволнован. То есть нажрался. Как? А вот так. Нашёл в сортирном бачке поллитровку. Похоже, техники прикладываются. Непонятно всё-таки, почему они так делают. Допустим, на орбите нельзя. Дождись Земли и там хоть убейся. Нет, бухают прямо здесь. Наверное, именно потому, что нельзя.

Так или иначе, я отлично провёл время. Ковёр цел и чист,

кстати. Хотя спал я именно на нём. Как убитый. Зато утром мне было тяжко, но вот умирать не хотелось от слова совсем. Такой вот парадокс.

Ну да ладно. Попью вот только водички холодненькой из очистки и продолжу.

В общем, я как-то расстроился и пару недель занимался только складскими делами. Тем более, накопилось. Хорошо хоть, ничего срочного. Но всё равно – из нашего центра на Ковчеге привезли одну штуку, ну очень секретную, и мне нужно было провести её по всем документам так, чтобы силы разума не узнали, что у нас такое есть. Работа не то чтобы сложная, но муторная.

И только я её с себя свалил, как наш дорогой и любимый Евгений Маркович подкинул мне каку. Вызвал к себе и, не глядя в глаза, сообщил, что я избран представителем КОМКОНа в Постоянно действующее совещание по Саракшу. Ближайшее заседание ожидается на следующей неделе на Земле, в Аризонском социальном центре.

Нет, скандала с криком и хлопаньем дверьми я не устроил. Хотя Маркович не удивился бы. Вместо этого я его просто спросил, какие у него претензии к моей работе. И если таковых нет, почему, пёс побери, он со мной так обошёлся.

Славин посмотрел на меня как побитый и сказал:

– Яша, ну прости. Некого мне в этот гадючник послать, совсем некого. Клянусь, это один раз. Один-единственный раз. Просто молчи и надувай щёки. С меня – недельный от-

пуск вне очереди.

Я подумал-подумал и попросил десять дней. Тот поморщился, по-бубукал, но пообещал.

День 18

Я уже как-то привык к такой жизни. Можно сказать, втянулся. По ночам не просыпаюсь, по утрам не удивляюсь. День начинаю с прослушивания очередного шедевра мировой классики под кофе и созерцание звезды класса G вместе с присущей ей планетой типа Юпитера. Очень, знаете ли, мотивирует. Потом умываюсь – водой из очистки – и начинаю греть воду для ванны. Потом иду обыскивать помещения. Жилую часть я уже изучил как свои пять, так что остались технические и коммуникации. У меня большие надежды на силовой узел: там могут быть спрятаны бутылки, а то и закусь. Но напрямую попасть туда невозможно – дверь заблокирована. Попробую вскрыть переборку и пролезть через коммуникации. Благо я похудел. Не то чтобы критично, но довольно заметно. Так что через коммуникационный лаз должен пролезть. Во всяком случае, попробовать стоит.

А пока продолжу. Про комиссию и прочие дела.

Хотя нет. Тут придётся начать с самого начала. Потому что я пишу для нормальных людей (Лена, это я про тебя в первую очередь), а не для общественности, хрен ей в стык. А тут есть всякие моменты, которые общественность, по своей

тупорылости, не знает. Да и знать не хочет.

Официальная, если можно так выразиться, версия событий на Саракше как бы известна. В основном по пресловутому «Массаракшу», снятому типа по мотивам событий. Но это именно что как бы и типа того, а эти слова очень сильно меняют дело. Особенно в той части, что касается Макса Каммерера и его, как бы это выразиться, роли.

Ну теперь уж и про него пару слов. Очень уж кадр характерный.

Начать с того, что настоящая фамилия Каммерера – Ростиславский. Нет, я без этих самых предрассудков, у завхозов таких предрассудков не бывает в принципе. Мне другое непонятно: зачем при такой-то физиономии, как у Макса, менять фамилию на немецкую – понять не могу. Как будто кто-то его не любит именно за фамилию. А не за другие вещи.

Максик начал свой путь к славе как второразрядный журнализд, извините за такое слово. С самого начала карьеры он отличался настырностью и скандалёзностью. Но надо отдать ему должное: дёргать общественность за вымечко он умел.

Начал Каммерер с того, что раздул скандал вокруг так называемой Массачусетской машины. Поднял какие-то документы полуторавековой давности, взял пару интервью у «исторических реконструкторов» (честно говоря, те ещё придурки), съездил на место и что-то там наснимал. После чего выпустил на частном канале авторскую передачку, в кото-

рой утверждал, что в древние времена яйцеголовые соорудили какой-то кибернетический разум с неограниченными возможностями. После чего убоялись последствий и гипермозг убили и съели. То есть, извините, забетонировали и обвесили колючкой. И преступно скрыли всё это от общественности.

Поднялся кипеш. Разнообразные дураки стали требовать от властей подробностей, объяснений и оправданий. Самые закоренелые идиоты попёрлись в Массачусетс – раскапывать следы невинноубиенного сверхразума. Охранная автоматика их туда, естественно, не пропустила. После чего все уверились, что в развалинах старого комплекса и в самом деле таится нечто великое.

При этом подлинные документы спокойно лежали в БВИ в открытом доступе. Когда начался кипеш, я не поленился и посмотрел. Никаких допусков, кстати, тогда у меня не было – говорю же, в то время я был в действующем резерве, и прав на информацию у меня было ровно столько же, сколько у любого жителя Земли.

Так вот, из документов следовало, что в Массачусетсе располагался полигон, где испытывали Т-реакторы, которые тогда были вроде как новинкой. При полигоне был вычислительный центр, как иначе. Один реактор потёк. Местность тут же изолировали, залили бетоном и окружили колючкой, по инструкции. Комитет по энергетике подписал документ о переносе всех испытаний в космос. Вот и все дела.

Конечно, можно было копнуть чуть глубже. Был бы у меня допуск и какие-нибудь полномочия – я первым делом занялся бы той версией, что протечка была не такой уж и значительной. А скорее всего, её не было вообще. Просто кому-то наверху очень хотелось перенести испытания куда-нибудь за пределы земной орбиты. Это и безопаснее, и престижнее, и разные комиссии будут реже таскаться с проверками. Но в те времена космическое базирование считалось дорогим удовольствием. Соответственно, общественность немножко пугнули, чтобы поднажать на Комитет. Пугнули, надо сказать, ровно насколько нужно: факап был, в общем-то, мелкий, люди не пострадали, безопасность сработала штатно. Никого даже толком не наказали. Во всяком случае, документов об отставках, понижениях в должности и прочих ататушках я в открытом доступе не нашёл. Насколько я помню, кому-то из безопасников даже цацку вручили за своевременные и решительные действия… В таком случае понятно, почему местность не обеззараживали: похоже, обеззараживать было нечего.

Но это же неинтересно. Общественности подавай тайны пострашнее. Чтобы сладко ныло под ложечкой. Так что Каммерер со своими разоблачениями пришёлся в самую плепорцию. И когда документы про протечку реактора всё-таки обнаружили, поклонники Каммерера объявили их комконовской подделкой, скрывающей истину. Так что легенда про Массачусетскую машину до сих пор жива.

Кстати, я слыхал, что почтенный Леонид Андреевич её распространяет. Ну, Горби – та ещё птица. Любит он поглумиться над ближними. Знаете, что он про Ковчег сочинил? Дескать, нашли там вовсе не ребёнка, инопланетянами воспитанного, а гигантскую волосатую женщину с гипнотическим взором. Которая соблазнила всех членов экспедиции. Меня потом долго доставали этими разговорами. Так что я на нашего великого гуманиста имею зуб ещё и за это.

Но хрен бы с ним, вернёмся к нашему Максимушке. Который на этой истории довольно заметно поднялся. Даже прорвался на федеральный канал с передачкой. Называлась она «Очевидное-невероятное», и от неё все плевались, но смотрели. Чего там, и я пару раз смотрел от нечего делать. Одна была про какие-то сверхсветовые частицы, которые, как обычно, власти таят от населения. Другая – про Пандору, где якобы процветает подпольный чёрный рынок по торговле панцирями и головами тахоргов, с фальшивыми свидетельствами о состоявшейся охоте.

Ну, про частицы я не Копенгаген, а насчёт Тагоры – доля правды в этом есть. Вот только никаким подпольным бизнесом там и не пахнет. Головы, панцири и документы на них выдаются неофициально, но вполне легально. В основном, сотрудникам различных организаций, дававшим подписку по второй форме. Потому что там есть пункт о минимизации личного риска, в силу которого охотиться на Тагоре или на Яйле они не имеют права. А с другой стороны – они ведь

тоже люди, им тоже хочется повесить на стену бошку тахорга или ракопаука. Ну попонтоваться перед друзьями и любимыми женщинами. Некоторые люди, оказавшись в подобной ситуации, делают глупости. Так вот, чтобы люди не делали глупостей, им эти самые трофеи организуют. По-моему, очень разумно. Но нет же, Каммерер где-то услыхал какой-то звон и начал поднимать кипеш. Правда, на этот раз скандала он не сделал. Я так думаю, с этим брехлом вдумчиво побеседовали и объяснили, что он сейчас может испортить настроение многим хорошим людям. Максик, скорее всего, внял. И переключился. Кажется, на тайны марсианских пирамид. Или ещё на какие-нибудь тайны – уже не помню точно, больше я его не смотрел.

Однако на одном нахрапе далеко не уедешь даже с нашей общественностью. Макс регулярно прокалывался и в мелочах, и по-крупному. Во всяком случае, повторить успех с Массачусетской машиной ему не удалось. Последней попыткой стала раскрутка темы древнего гигантского японского спрута, воспетого в легендах, который якобы навевал на местных жителей невыносимо чёрную меланхолию. Но кипеша не случилось. Наверное, потому, что спрута быстро нашли, и это оказался самый обычный спрут с планеты Синих Песков, издающий неприятные инфразвуки. Тварюшка, в принципе, довольно безобидная, так что её разрешено держать на Земле. Кто её выпустил в океан, теперь уже сказать трудно, но в земных условиях бедная животина не прожи-

ла бы и пары недель, потому что жрать ей в нашем океане нечего. Что касается древних легенд, то, похоже, Каммерер их сам и сочинил… После этой истории даже самые упёртые фанаты «Очевидного – невероятного» как-то приувяли.

Дальше он, кажется, попытался вписаться в парочку общественных кампаний. В том числе за отмену мартовского траура, что мне особенно не понравилось. Потому что должны быть какие-то границы. И вот тут она для меня проходит. Потому что Полдень – это Полдень. У кого вопросы – каждый день на экскурсию в Мемориал, до полного просветления. Так что если бы у меня и были бы к нему какие симпатии, то кончились бы. А у меня их не было.

Ну а после всего этого Каммерер пропал. Вот так: раз – и нету. Был человек и сплыл. Причём ни сообщений о смерти, ни о пропаже без вести в БВИ не появилось. Просто нет информации, и всё. Год нет, два года нет, три нет. Про него уже как-то и подзабыли, когда вдруг на его личном канале появился текст совершенно фантастического содержания.

Напомню, кто забыл. Каммерер поведал urbi et orbi, что разочаровался в журналистике и в жизни вообще, поссорился с любимой женщиной и с горя вступил в Группу Свободного Поиска – летать по Вселенной и искать приключений. По ходу он совершенно случайно пролетал мимо какой-то планетки, решил сесть и был сбит ракетой, выпущенной местной системой ПВО. Оказалось, на планетке имеется довольно развитая цивилизация гуманоидного типа. Ужас-

ная, просто ужасная цивилизация, в которой использовался дистанционный психотронный контроль! Местных жителей облучали каким-то нехорошим излучением, сворачивающим мозги всем, кроме нашего героя, на которого лучи зла не действовали (видимо, зараза к заразе не липнет). Изготовлялось паскудное излучение в некоем засекреченном Центре, откуда каким-то образом – по проводам, наверное? – ретранслировалось через всё ту же систему ПВО (эк завернул!). Оный Центр наш маленький, но сильный Максик долго искал. Нашёл и, проявив различные чудеса героизма, торжественно разрушил. После чего наткнулся на комконовцев, которые всё это время, сложа ручки, наблюдали за тем, как злое излучение гробит местный народишко. Правда, представитель КОМКОНа устыдился своего равнодушия и взял Макса на очень секретную миссию, о которой он ничего рассказать не может, поскольку она ну очень секретная. На чём он, значит, и прощается, ибо труба зовёт.

Подкреплялось всё это снимками и съёмками скверного качества. Из которых можно было понять, что главгерой всей этой истории действительно где-то был. Вот только где именно был и что он там делал – неведомо.

То, что это какое-то фуфло, на сей раз поняла даже общественность, обычно доверчивая. Но слишком уж несуразной выглядела вся эта история. Первые же комментарии на «Обитаемый остров» – так Макс поименовал свой опус – были крайне скептическими. Пилоты стали спрашивать, как

можно сбить современное космическое судно допотопной ракетой. Ментоскописты и психокорректоры вцепились в тему мозгового излучения и довольно быстро доказали, что в книжке – дилетантские фантазии. Историки ехидничали на тему того, каким образом техника, работающая с человеческим мозгом, могла возникнуть при изображённом Каммерером уровне технического развития. И так далее: Максику припомнили вообще всё, даже прошлые его художества, включая факап с древним спрутом-депрессором. На этом фоне запущенная кем-то версия, что Каммерер спутался с ДГБ и своей писаниной пытается дискредитировать КОМКОН, казалась прямо-таки уважительной.

Каммерер на нападки не отвечал. А когда все отсмеялись, подал в Мировой Совет официальный запрос. С требованием проверки изложенных фактов смешанной комиссией с участием комконовцев, галактов, историков и прочих заинтересованных лиц. И, конечно же, представителей общественности.

День 20

Да живой я, живой. Здоров, относительно бодр, стул нормальный. Да помню я про скатологический юмор, помню. Но когда сидишь по уши в дерьме, как-то невольно начинаешь о нём думать.

А вчерашний день я убил на попытки протиснуться че-

рез коммуникации в силовой узел. Почти дополз. Упёрся в какие-то трубы. Еле вылез: ползти обратно ногами вперёд оказалось адски трудно. Всё-таки выбрался, хоть и весь ободранный, ну и грязный к тому же. Остаток дня пытался почиститься и отмыться. С переменным успехом, я бы сказал.

Интересно, откуда на космической станции берётся грязь? А ведь откуда-то берётся. Жирная такая, сука. Хорошо хоть нет паутины. А могла быть. Говорят, на Сириусе была станция с клопами. Кто туда занёс эту дрянь – хрен знает, но их даже вакуум и жёсткое излучение не брали. Кончилось тем, что станцию списали и бросили в Сириус. Легенда, конечно, но вообще – жизненно. Как с теми хомячками, например.

О, кстати. Вот про хомячков-то и напишу. Никакой связи с моей историей, если что. Но мне сегодня про себя писать не хочется. Ну не хочется и всё тут. Невесёлая у меня история, а меня сегодня на невесёлое ну совсем не тянет.

Лена, если ты меня читаешь: имей в виду, это личный секрет Горбовского. Кроме него, об этой истории знают человек пять, в том числе Евгений Маркович, которому Горби не может стереть память, хотя и очень хочет. Мне бы точно стёр, но он не знает, что я знаю. Я и не должен был, просто через меня Евгений Маркович в своё время добывал кое-что – ну и за бутылкой рассказал зачем. Мерзко хихикая.

Началось как обычно. Когда Леониду Андреевичу нужно от чего-нибудь отвлечь внимание коллег и общественности, он начинает укреплять отношения с Тагорой. Это всем

нравится, потому что наша общественность перед Тагорой комплексует. И совершенно безопасно, потому что укреплять эти отношения можно до бесконечности. Так как тагоряне относятся к нам как к навязчивым идиотам. У которых, к сожалению, очень большие нуль-звездолёты, так что приходится терпеть. Хотя попытки избавиться от нашего назойливого общества они предпринимают регулярно – в крайний раз, например, оборвали с нами связи на двадцать пять лет. Всё это время Горби чморил Совет разговорами о том, как мы перед ними виноваты и чем должны искупить. А потом, получив всё, что хотел, послал к Тагоре эскадру боевых кораблей класса «Терминатор», которые и восстановили контакт. Ну, собственно, как и в прошлые разы, чего уж там.

Но в промежутках между отправками эскадр Леонид Андреевич очень любит укреплять отношения мирными методами. В данном случае он замутил инициативу «акклиматизация земных животных на Тагоре». Поможем биосфере братской планеты, обогатим её скучноватый животный мир разными прикольными зверюшками! На что тагоряне, ко всеобщему удивлению, согласились. Правда, когда общественность понесла к тагорянскому посольству котят и щеночков, Высокий Посол Единой Тагоры выступил с разъяснением, что вообще-то Тагора согласилась принять от Земли в дар только генетические коды земных существ. В электронном виде, разумеется. Каковые коды будут тщательно изучаться, потом будут синтезированы живые существа, а потом

– рассчитаны последствия их присутствия в биосфере Тагоры.

Они их и рассчитывают. Насколько я слышал, такие вопросы меньше чем за полвека на Тагоре вообще не решаются, потому что тагоряне очень консервативны. А в данном случае можно смело закладываться лет на сто с хвостиком, и это в самом лучшем случае.

Однако ответный жест вежливости тагоряне сделали. А именно – где-то годков через пять Высокий Посол Единой Тагоры преподнёс в дар Мировому Совету десяток синтезированных на Тагоре хомячков. Видимо, ради показа возможностей тагорянских генетиков. А может, что-то другое имели в виду. Тагорян вообще трудно понять. Что и неудивительно: у самого тупого тагорянина ай-кью около двухсот пятидесяти, а у нас… не будем о грустном. Зато они интроверты и буки, а мы контактны и открыты миру, и звездолёты у нас ну очень большие.

Ну так, значит, хомячки. По-хорошему, зверьков надо было бы отдать на изучение яйцеголовым – вдруг найдут что-то интересное. Но Горби распорядился установить клетку с хомячками в малом холле Большого Мальтийского Дворца Мирового Совета – для демонстрации роста взаимопонимания с уважаемой внеземной цивилизацией. Даже лично сфоткался рядом с клеткой. С обычной своей смущённой улыбочкой.

Клетка простояла до ночи. Когда в зал вышли кибе-

ры-уборщики. Программы которых были написаны лет двести назад и с тех пор не менялись. И в этих самых программах была, среди всего прочего, прописана дератизация, то есть уничтожение крыс и мышей. Киберы приняли хомячков за крыс, разобрали клетку и прикончили тагорянский подарок ударами тока. Паре хомячков удалось удрать в какой-то лаз, куда киберы не пролезли. Действуя всё по той же программе, они сообщили в ремонтно-уборочный центр об обнаружении крыс. Центр сообщение принял и на автомате включил продувку коммуникаций воздухом, заражённым специальным вирусом. Который действует на мозг крысы так, что она сначала выходит на открытое пространство, а потом тихо ложится на самое освещённое место и помирает. После чего киберам остаётся их собрать и утилизовать. Однако это были не крысы, а хомячки, и крысиный вирус на них не подействовал. Киберы прождали до утра и укатили, потому что задача «не путаться под ногами у людей» у них в приоритете.

Следующим днём было тринадцатое марта. Естественно, в здании никого не было, кроме техперсонала. Который у нас учёный и ничему не удивляется. Ну разобранная клетка. Наверное, это какая-нибудь политика. Может, Горби хотел что-то показать тагорянам, общественности или кому-нибудь ещё. Так что обломки просто убрали.

Сам же Горбовский в то утро слёг с очередным обострением стыда и совести. Евгений Маркович мне говорил, по

какой причине, но я не запомнил. Так или иначе, когда он вышел, то про хомячков уже не помнил. Что в его возрасте вполне простительно. У него в башке текущие интриги не знаю как помещаются.

Конечно, компьютеры Дворца отправили коменданту подробный отчёт. Но место коменданта было уже полгода как вакантно, потому что Бадер пропихивал туда своего зятя, а Горби встал насмерть. Так что читать это было некому. Как и все последующие отчёты, регулярно отправлявшиеся по служебному адресу.

Так или иначе, через несколько месяцев разные люди стали слышать странные звуки – что-то вроде топота. Сначала этому не придавали значения. Потом стали говорить об этом в столовой – там топот слышался особенно часто. Пошли жалобы, но опять же – они в конечном итоге пересылались на адрес коменданта, а Бадер всё пытался как-нибудь пристроить зятюшку, и все жалобы ссыпались в казённый комп в запертом кабинете.

Где-то через полгода наш величайший гуманист, лёжа на любимой кушеточке, услышал топот за стенкой. В собственном здравом уме наш добряк не сомневается никогда, как и в зрении, слухе и так далее. Поэтому он поднял на уши безопасников. Те подтвердили, что к ним уже с этим обращались, но они значения не придали, потому что топотать тут некому. Леонид Андреевич пришёл в ярость и потребовал немедленно разобраться, найти кого следует и наказать кого

попало.

Спецура взяла во фрунт и побежала рыть носом землю. В частности – подняла все сообщения от автоматики здания за последний год. И открылось ей, что коммуникации самого охраняемого на Земле гражданского здания заражены хомяками. С каковыми хомяками система уборки здания ведёт затяжную войну, в которой по очкам побеждают хомяки: жрут столовские продукты и всё что попало, плодятся, гадят, портят электропроводку, а главное – топочут. Громко так топочут, потому что хомяк – зверь увесистый.

По словам Марковича, Горби, услышав про хомяков, устроил натуральную истерику. И вместо того, чтобы поручить проблему безопасникам, решил действовать сам. А именно – вызвал через свой личный код систему управления зданием и потребовал зачистить его от паразитов.

Собственно говоря, Леонид Андреевич не сильно-то и виноват. Просто он очень большой начальник, из таких, которым везде и всегда прописывают максимальные полномочия. Вот и в компьютере здания Совета у него был прописан приоритет «А-ноль». Что это значит, Горбовский, скорее всего, не понимал. Проблема в том, что этот приоритет предназначается для начальника службы безопасности здания Мирового Совета. Здания, охраняемого по «красному уровню», поскольку считается, что Мировой Совет правит миром именно на своих официальных заседаниях.

А программы «красного уровня» были писаны сто с лиш-

ним лет назад, причём в период обострения страха перед Странниками. То есть писали их по указивкам военных, заряженных на высочайший градус паранойи.

Практически это означало вот что. Предполагалось, что вызов по приоритету «А-ноль» означает в общем случае, что начальник службы безопасности может быть окружён, зажат в угол и отстреливается последними зарядами от наседающих сил превосходящего противника – скорее всего, инопланетного. И у него есть несколько секунд, чтобы принять непростое, но необходимое решение. Например, уничтожить здание вместе со всем, что в нём есть. Или уничтожить в нём всё живое. Или вот – зачистить.

Причём «зачистка здания», равно как и «штурм» или там «блокирование» – это совершенно конкретная войсковая операция по воинскому уставу 2170 года. Предполагающая, помимо всего прочего, задержание и изоляцию всех находящихся в здании, причём сохранение их жизни и здоровья не является высшим приоритетом.

Разумеется, начальник службы безопасности Большого Дворца всё это знал от зубов и слово «зачистить» не ляпнул бы даже в пьяном сне. Но Горби это слово сказал. Кто такие «паразиты», компьютер не знал и не заморачивался: «зачистка» подразумевает, что задерживать и изолировать надо всех вообще.

И началось. Взвыли сирены, закрылись двери, упали бронированные жалюзи. Особый отряд спецназа был поднят по

«красной» тревоге и десантирован на крышу здания. Уборочные, ремонтные и прочие киберы принялись хватать людей, при сопротивлении – бить током до отключки.

Что происходит, Горбовский видел и слышал. Но сделать уже ничего не мог. Потому что параноики, которые программировали всё это безобразие, исходили из того, что начальник службы безопасности сразу после принятия решения может быть – и наверняка будет, если уж дело до такого дошло – пленён врагами. Так что свой приказ он сам отменить не мог. Это мог сделать только другой человек, имеющий приоритет «А-ноль». На выяснение этого деликатного обстоятельства у Горби ушло минут пять. Осознав ситуацию, он бросился звонить Комову. По панельке, понятное дело. Но и здесь ждала подляна: совсем недавно систему безопасности здания радикально улучшили. В частности – снабдили генератором защитного поля, которое искажало все сигналы, а омега-контроллеры просто вырубало напрочь.

Чтобы разобраться в этом обстоятельстве, у Леонида Андреевича ушло ещё минут пять-шесть. За это время спецназ успел ворваться через крышу и начать зачистку верхнего этажа. Действуя всё по тому же уставу 2170 года. То есть – подходя к очередной двери, спецназовцы через матюгальник предлагали всем выйти, в случае молчания их киберы взламывали двери и закатывали внутрь гранаты. Светошумовые, конечно – это всё-таки зачистка, а не штурм. Но очень-очень сильно оглушающие, потому что неизвестно, в каком состо-

янии зачищаемые. Может, они зомбированы инопланетянами. Так что гранаты используются ну очень серьёзные, с эффектом – как по кумполу кувалдой.

Наконец, Горби вспомнил, что у него в кабинетике завалялся радиобраслет. Против мазерных импульсов поле почему-то не сработало, так что Леонид Андреевич сумел связаться с Комовым. Уж не знаю, как он там его убедил, что он не под инопланетным контролем, но Комов поверил и безобразие прекратил.

К счастью, дело происходило поздним вечером. Официальных лиц в здании не было. Пострадало около десяти человек – в основном мелкие клерки и сотрудники аналитических отделов, задержавшиеся на работе. Кому-то кибер сломал руку, кому-то выбило глаз, у кого-то лопнули барабанные перепонки. В общем, факап.

Ну Леонид Андреевич, как всегда, выкрутился, да ещё и с пользой для себя. По словам Евгения Марковича, он представил всё случившееся тестированием системы безопасности, которая, дескать, показала свою полную неадекватность. Добился тотального засекречивания и стирания памяти у всех пострадавших. Тут же создал ревизионную комиссию по безопасности, в основном из военных, начальником которой сделал Бадера. Естественно, они все тут же переругались – что создало предпосылки для дальнейшей изоляции Бадера, а это Горбовскому в тот момент было на руку.

Однако хомячки остались и продолжали топотать. Всё

больше и больше.

Тут-то Горби и попросил Славина об одолжении – то есть о каком-нибудь безвредном для человеческого организма веществе, которое решило бы хомячью проблему. Ну то есть что-то вроде модифицированного крысиного вируса. У Славина ничего такого не было, поэтому он попросил меня. Я удивился, но связался с биологами на Ковчеге, которые знали о моей роли в операции «Малыш» и имели ко мне за это респект и уважуху. Ребята слепили антихомячий спрей за пару часов и отправили мне по закрытому каналу. Дальше понятно.

К чему я всё это? Да вот подумалось: если бы на станции водились хомячки, было бы мне тут, пожалуй, веселее.

Хотя нет. Просыпался бы я ночью от их топотания и думал бы, что это за мной пришли.

День 21

С утреца перечитал вчерашнее и задумался: ну и зачем я всё это писал? Похоже, я как-то оттягиваю конец рассказа. Подсознательно отождествляя его со своим собственным концом. Нет, это не генитальный юмор. Это вообще не юмор, если что.

Ладно, вернёмся к Каммереру и его похождениям. Раз уж начали.

Остановились мы на том, что Макс подал в Мировой Со-

вет официальный запрос насчёт комиссии по Саракшу. Чтобы, значит, она подтвердила или опровергла приведённые им факты. А также выработала какую-то внятную политику по отношению к этой планете.

Вообще-то такие требования Совет может и должен игнорировать. Потому что планета в разработке ИЭИ священна и неприкосновенна.

Но тут поднялся такой кипеш, такой гнилой базар, что пришлось пойти на попятную. Решающую роль сыграли галакты, которые внезапно встали на сторону общественности. Так или иначе, комиссию сформировали и направили на Саракш – пусть разбирается.

И тут начались странности и непонятки.

Комиссия на планете побывала. Однако вместо отчёта, где всё было бы разложено по полочкам, разные члены комиссии стали делать заявления от своего лица, всячески подчёркивая, что это их личное мнение. Одновременно ИЭИ стал публиковать работы по саракшианской цивилизации, тоже никак не приводимые к единому знаменателю. Стали выступать всякие эксперты – откуда они только взялись? – всё на ту же тему, и все несли какую-то отсебятину. В общем, кто в лес, кто по дрова.

Общественность всё это сожрала и как-то переварила. В результате в её разжиженных мозгах образовалось примерно следующее. На планете Саракш в одном из государств действительно случилось что-то нехорошее. То ли там были раз-

работаны какие-то скверные технологии, то ли их пытались разрабатывать. Что за технологии, так и осталось непонятным. Некоторые говорили, что местные учёные и в самом деле пытались как-то воздействовать на сознание масс – то ли действительно излучением, то ли химией, то ли сверхизощрённой пропагандой. Другие говорили, что разрабатывалось какое-то супероружие массового поражения (это косвенно подтверждалось тем, что местные жители считали эти разработки как-то связанными с системой ПВО). Иные члены комиссии настаивали на том, что это была попытка выхода в космос, причём в военно-завоевательных целях. Четвёртые же пришли к выводу, что никакие разработки вообще не велись, а слухи о них были порождены пропагандой соседних государств.

Тем не менее большинство членов комиссии сошлись на том, что местные власти крайне интенсивно и бестолково тратили деньги из бюджета страны на неизвестные цели. Из-за чего экономика, и без того хилая, рухнула окончательно. Отчего население впало в совсем уж неприличную нищету, начался массовый голод и на всё это наложилась кстати подоспевшая война с соседями.

Дальше версии снова расходились. По одной, местные власти, чтобы разработки не достались врагу, решили уничтожить все их следы вместе с разработчиками. По другой (поддерживаемой в основном дэгэбэшниками), уничтожение центра разработок было делом рук агентов ИЭИ. Далее,

так и не было выяснено, точно ли разработки уничтожены или их просто хорошо спрятали. Наконец, осталось непонятным, были ли они вообще. Короче – темна вода во облацех.

Но кончилось всё это тем, что контроль над несчастной страной пришлось взять на себя КОМКОНу на паях с ДГБ, которое каким-то образом сюда тоже влезло. Что, конечно, радовало – но вот всего предыдущего так и не проясняло.

Роль Каммерера во всём этом безобразии тоже не прояснилась. Начать хотя бы с его появления на планете. Все сошлись на том, что никакое местное ПВО не могло сбить земное судно. Однако следы аварийной посадки и в самом деле обнаружились. Появилась даже версия, что Каммерер стал жертвой того самого супероружия. Однако большинство сошлось на том, что произошла какая-то крайне редкая и неприятная случайность, типа внезапной метеоритной атаки, случившейся как раз в момент приземления, когда защитные поля судна отключаются. Один шанс на миллион, но ведь бывает же.

Ещё непонятнее было то, каким образом долбодятлик из Группы Свободного Поиска мог получить разрешение на разведку в акватории, где работает ИЭИ. Сошлись на том, что это халатность сотрудников ГСП. Комиссия потребовала расследования данного инцидента, а впредь до выяснения обстоятельств ввести двойной контроль за разрешениями – со стороны КОМКОНа и ИЭИ. Рекомендация, кстати, была толковой, вот только галакты встали на уши и её благополуч-

но провалили.

Что касается деятельности Каммерера на планете – и, в частности, его утверждений, что именно он уничтожил зловещий Центр, – то на эту информацию наложил лапу КОМКОН. Самым простым способом – Максика официально взяли к нам на работу. Разумеется, не оперативником (вот уж чего не хватало), а в пиар-отдел к Рудольфу Сикорски. Решение было, конечно, странное: непонятно было и то, зачем нам нужен этот поц, и то, почему он согласился. Но, так или иначе, Максика оформили, он подписал все договора и согласился на все условия. После чего, разумеется, замолчал.

В общем, Комиссия так и не родила никакого итогового документа. Зато по первому федеральному каналу стали крутить сериал «Массаракш», якобы «по мотивам реальных событий» и со ссылкой на работу этой самой Комиссии. А также на Каммерера в качестве главного консультанта.

Сериал, честно говоря, вышел на редкость отстойным, даже на фоне образцов жанра. Особенно посмешил киношный Каммерер, которого сделали двухметровым блондином. И это на фоне реальной внешности Максика, по сравнению с которым академик Улитнер – скифский воин… Ну и всё остальное, конечно, там было такое, что оставалось только скорбно ржать, как выражается Славин в таких случаях. Чего только туда не намешали: каких-то героических повстанцев с уродливой тёткой во главе, пластмассовые танки, белые подводные лодки и прочую лихоту. С музыкой суровой, как

правда. Время от времени сменяемой песнями и плясками повышенной лиричности.

Я, честно говоря, выдержал две серии, ну ещё пятую смотрел. Пятую, правда, со смешной озвучкой Гремлина, чисто посмеяться. Потом этих озвучек, пародий, приколов и всего прочего стало столько, что уже утомило. А слово «массаракш» у молодёжи стало означать что-то вроде «полного отстоя».

В общем, после этого обсуждать Саракш всерьёз стало как-то неприлично. Даже среди общественности, известной своей всеядностью и неприхотливостью.

Ну конечно, я-то понимал, чьи уши торчат из-за всей этой веселухи. Мозгоклюйные приёмчики нашего главного чёрного пиарщика тут были видны за версту – для тех, кто в теме, конечно. Понятно стало и то, зачем ему понадобился Максик. Как и то, что родная контора и в самом деле пытается что-то скрыть и замазать. Но я в этом вопросе, как и во всех прочих, целиком и полностью на стороне родной конторы. Если что-то скрывают – значит, не надо общественности это знать. Будь моя воля, я бы ей, родимой, вообще ничего не показывал.

Однако Комиссия по Саракшу никуда не девалась. Более того, ей втихую придали статус постоянно действующего органа. Правда, было совершенно непонятно, что она там реально делает и делает ли что-нибудь вообще. Меня, во всяком случае, это не волновало вот ни на эстолько.

Если бы не дорогой и любимый Евгений Маркович, который мне внезапно пристряпал такую паскудную работёнку.

День 22

Сегодня слушал Вагнера и под «Тангейзера» вдруг дотумкал, как разблокировать дверь в силовой узел. Не надо было ползать по коммуникациям. Надо вырубить центральный компьютер. В таком случае управление передаётся аварийной автоматике, которая открывает все критически важные отсеки для прохода ремонтной команды или для спасения людей.

Конечно, штатными средствами я выключить комп не мог – он, собака, заблокирован намертво. Но я нашёл на задней панели слаботочный разъём и разрядил туда конденсатор, снятый с кибера-уборщика. Разъём, понятное дело, сгорел, а комп пошёл на перезагрузку. Ну а пока он перезагружался, я успел добежать до силового узла и отключить защиту. Конечно, я мог бы остаться при компе и попробовать перехватить управление. Но что-то мне подсказывало, что я обломлюсь. В любом случае – если захочу проверить, попробую ещё раз устроить ему электрошок.

Обыск силовки я отложил на завтра. Там всякие устройства, с которыми нужно осторожно. У меня даже мысль была: а может, они её заминировали? Полезу – и бубух. Нет, конечно. Хотели бы – бубухнули сразу. Чего тянуть-то? Или,

наоборот, есть что тянуть? Тогда почему не закрыли силовку понадёжнее? Могли и дверь к косяку приварить, в конце-то концов. Ни-хре-на не понимаю.

Ну раз так, продолжим про совещание по Саракшу.

Собралось Совещание в Аризоне. Терпеть не могу эти места, дикие они какие-то. До сих пор чувствуется, что освоили их относительно недавно и что пейзажи искусственные. Ну то есть восстановленные, но от этого не легче. А Социальный центр – то ещё уродище, ублюдочное творение в стиле постинсектоморфик. То есть это какой-то гибрид улья со свиньёй, всё кривое, страшное и непонятно на чём держится. Ни жить, ни работать в этом уродище никому не хочется. Вот его и используют под всякие мероприятия.

Честно скажу: мне туда не хотелось ужасно. Поэтому прибыл на место ровно за десять минут до начала первого доклада, наглотавшись спорамина – ужасно спать хотелось. Не прилечь, а по-серьёзному. Судя по рожам присутствующих, у всех были те же проблемы. Ну то есть люди или не выспались, или наоборот – уже тянуло в сон. Кстати, часто замечал такое, причём именно на таких мероприятиях. Если дело важное, то обычно рассчитывают время, чтобы большинству было удобно, а остальные пусть на таблетках вытягивают. Но вот если чухня какая-то – наоборот, делают так, чтобы большинству было неудобно. Потому что один из Норильска, другой из Алабамы какой-нибудь, а третий и вовсе с Процион, у всех своё локальное время, все зевают и через

это чувствуют солидарность. А на немногочисленных живчиков смотрят косо и против них психологически сплачиваются.

На этот раз в роли живчика был предкомиссии, такой Фокин Борис, ксеноархеолог. Я с ним шапочно знаком через Комова. Великолепный специалист, очень въедливый и дотошный. Правда, физиономия у него как у верблюда и такой же характер. С коллегами он уживается трудно, а если его вдруг назначить на руководство проектом – всё, туши свет, сливай воду. Задание он вытянет, это точно, но по ходу все переругаются, а половина людей уйдёт, хлопнув дверью. Все это, в общем, знают, так что…

Остальные были мне незнакомы совершенно. Единственным человеком, помимо Фокина, которого я хоть как-то знал, была Майя Глумова, симпатичная барышня, участвовала в «Ковчеге». Я к ней даже подкатывал – увы, без толку. Потому что она западала на жгучих брюнетов с усиками. А я тогда был рыжий и носил баки. В общем, герой не её романа. Потом она, кажется, поступила в аспирантуру ИИКИ – или, во всяком случае, туда собиралась. В характеристике было сказано, что она специалист по ранней эпохе НТР и истории первых космических исследований. Это, в общем, объясняло её присутствие. Что там делали остальные и зачем – я так и не понял.

Зал был маленький, но набитым не казался. Все уже расселись, причём было заметно, что никакой общей компании

– одной или нескольких – здесь нет. Так, случайные люди, более-менее знакомые. Моё появление интереса не вызвало. Только Фокин печально улыбнулся, да Майя – как обычно, миленькая, даже похорошевшая – окинула меня рассеянным взглядом, означающим у барышень «где-то виделись, а ну и ладно». Зато мелкий лысоватый блондинчик – дэгэбэшник, по роже видно – зыркнул на меня как доберман на скунса: типа, загрыз бы я тебя, комконовец, да не хочу лишней вони. Я ему взгляд вернул с усилением, на чём знакомство и завершилось. Нашёл место с краю и приготовился скучать.

Однако первый доклад меня заинтересовал. Ибо это был отчёт по расходованию средств, а такие вещи меня всегда цепляют.

Вот, кстати, насчёт средств. Наша драгоценная общественность вообще не понимает, что это и с чем это едят. Потому что с точки зрения отдельно взятого обывателя их просто не существует. Если тебе что-нибудь надо, ты или идёшь и берёшь, или пишешь запрос, где мотивированно излагаешь, что хочешь получить. Добрая и мудрая власть должна его или удовлетворить, или мотивированно отклонить. Поскольку материальные возможности у Земли неплохие, то отказы бывают редко, и они действительно обоснованы. Ну, скажем, ты можешь получить звездолёт прогулочного класса, потому что тебе нравится пилотировать. Но ты не можешь получить боевой звездолёт, потому что ведение войны – прерогатива Мирового Совета. Ты можешь потребовать

себе дом, и для тебя его построят. А вот базилику Святого Петра для личного проживания никто не получит, потому что она имеет статус общечеловеческого достояния. Ну и тэ пэ: тебе или дают то, что ты хочешь, или отказывают. Но в любом случае ты не думаешь, во что обошлось полученное. Нет у них в голове такого вопроса.

Есть, конечно, всякие сложные случаи. Типа когда меняют место в очереди к хорошему психологу на дом с видом на Фудзи. Или череп тахорга на сенсокристалл с Синих Песков. У нас это почему-то называют «чёрным рынком» и както жмутся, что ли, хотя всё делается совершенно законно – через БВИ или через посредников. Я, кстати, этим занимался, когда курсантом был: подбарыживал инопланетными артефактами. Нет, коллекционером я тогда не был. Мне хотелось ровно одну вещь. Я тогда курить начал. Хотя курсантам нельзя, но все курят. Так вот, мне хотелось янтариновую трубку. Чтобы понтоваться. А обосновать кусок янтаря нужного размера у меня шансов не было. Это теперь я могу себе что угодно выписать, хоть гугонские алмазы, если очень занадобятся…

Пёс, пёс, пёс. Ничего я теперь не могу.

День 22

Закрыл зачем-то файл. Хотя нет, не зачем-то. Просто настроение резко испортилось. Вспомнил, что называется. Где

я, что со мной и какие у меня перспективы. Ну и курить захотелось – мочи нет.

Ладно, чего уж теперь-то. Дальше поехали.

Значит, средства. На самом деле всё чего-то стоит, и стоимость эта в чём-то измеряется. Конкретно – в натуральных ресурсах, энергии и человеко-часах квалифицированного труда. Поскольку ключевым фактором является человеческий труд, то всё остальное приводят к человеко-часам. Приведение осуществляется через технологические нормо-коэффициенты, утверждаемые Мировым Советом. Рассчитываются они на основании модельных матриц спроса, а откуда берутся эти матрицы – очень хороший вопрос. Потому что эти матрицы, как мне клялись и божились знакомые математики, можно корректно просчитать только с применением техники и методов моделирования, которых у нас нет. В смысле – у Земли. У Тагоры разве что есть нечто подобное, расчёт последствий – их конёк, но где мы и где Тагора… Я думаю, коэффициенты задаются политическими решениями на основании каких-то упрощённых моделей. Рискованно, но Земля богатая, так что это прокатывает.

Лена, если ты это читаешь, то не ехидничай, пожалуйста. Ты-то, наверное, знаешь, как оно на самом деле. Но я понимаю, не мой это уровень.

Интереснее про человеко-часы. Формально они считаются учётной единицей, нужной для составления бюджета. Однако балансовые чеки обладают интересной особенностью:

ими могут быть закрыты заявки на так называемые уникальные работы. Например, на создание конструкций, не имеющих аналогов и требующих новых разработок. Или на исследования, не являющиеся тематическими для научных центров. Фактически же их можно пустить на что угодно. Вот именно на что угодно. Более того, они переходят с баланса на баланс, что делает их похожими на платёжные средства. Алгоритм учёта довольно сложный, но если в нём как следует разобраться, открываются разные интересные возможности. Предусмотренные создателями алгоритма, тут к бабке не ходи.

Я в этом смысле своё место знал и не зарывался. Да, кое-что у меня есть. Попробуйте найти. Славинские чеки я лично перепрятывал. Но это, конечно, кошкины слёзки, по сравнению с тем, что доступно людям, повыше сидящим. Помню, однажды я случайно наткнулся на такую интересную лавочку, как «Общество ветеранов Дальнего Космоса». Лена, если ты вдруг не в курсе, поинтересуйся уставом этой почтенной лавочки, существующей уже больше века. Полюбопытствуй, сколько человеко-часов у них на балансе и какой именно ветеран ими может единолично распоряжаться. И это, я думаю, даже не верхушка айсберга, а так, отдельно плавающая льдинка.

Хотя ладно. Вернёмся к нашей комиссии.

Доклад делал Фокин – в своём обычном стиле и даже более того. Во всяком случае, физия у него была не просто вер-

блюжья, а как у верблюда, которому ставят клизму. Тем не менее формальности он соблюл – в частности, объявил публично, сколько чеков выделили Совещанию на его жизнедеятельность. Оказывается, пятьдесят тысяч в год. Силовая установка станции, где я ныне квартирую, примерно в это и обошлась. То есть средства не то чтобы значительные, но заметные. Тем более мне стало интересно, на что же именно они были израсходованы.

Сразу говорю: я и в этом смысле всякое повидал. Например, как истратили семьсот тысяч чеков на постройку прогулочного лайнера, который отличался от стандарта только размерами центрального салона, – для чего потребовались оригинальные инженерные решения и сборка с нуля. Или накладную в двести тыр на установку планетарной атмосферной очистки, которая не могла работать в принципе, так как в атмосфере планеты не было кислорода. Или вот, скажем… хотя нет, вот об этом я даже здесь писать не буду. Так что фокинский доклад меня не потряс. Но удивить – удивил: если уж переводить человеко-часы на опилки, то это можно было сделать как минимум аккуратнее.

Двадцать тысяч определили на тему «утраченных технологий Саракша и в особенности так называемой Страны Отцов». Программа предполагала сбор информационных материалов (каких, где, как, чьими силами – я не уразумел), а также обработку полученного на Коллекторе Рассеянной Информации. Программа была рассчитана, по словам Фоки-

на, на пять лет и в настоящее время находилась в стадии формулирования проектной задачи. Что обычно означает: «Мы никак не можем оформить эту чушь так, чтобы выглядело прилично». При этом имя ответственного за проект названо не было. Да, кстати, насколько я понял, согласования насчёт доступа к КРИ у них на руках тоже не имелось. Что наводило на мысли совсем уж невесёлые. Тем не менее человеко-часы были зарезервированы и выведены с общего баланса.

Восемь тысяч поглотила программа изучения неких артефактов. Я так понял, речь шла о какой-то саракшианской технике, любезно предоставленной в распоряжение Комиссии галактами. Это объясняло и то, что работа была заказана не ИЭИ, а какому-то инженерному подразделению Института ксенопсихологии, в котором галакты хозяйничали как у себя дома. Скорее всего, это шло по линии белобрысого – который, судя по всему, играл роль роль фокинского контролёра. Смысл исследований я опять же не уловил. Понял только, что в результате исследований был получен какой-то «интересный промежуточный результат», нуждающийся в дальнейших вливаниях… После оглашения этого пункта из зала вышли сразу трое, включая Майю.

Пятёрка ушла на проверку какой-то «гипотезы Пильгуя». Что за Пильгуй и какая у него гипотеза, я так и не понял – Борис не стал вдаваться в подробности. Правда, белобрысый гадёныш-дэгэбэшник явно заволновался, что меня порадовало. Тем не менее на что ушли чеки и каков был итог изыс-

каний, опять же осталось покрытым мраком неизвестности.

Трёшка с хвостиком улетела на некие «анализы замеров сравнительной интенсивности психоактивных компонент естественных полей планеты Саракш». Тут Фокин хотя бы сообщил результат – как выяснилось, интенсивность этих самых компонент полей у планеты Саракш находится в пределах нормы. Судя по выражению лиц собравшихся, они ничего другого и не ожидали.

От оставшихся чеков Фокин отделался парой невнятных фраз, после чего передал бюджетному подкомитету какие-то документы на накопителе. И, перекособочив нижнюю губу, передал слово старичку в серой кофте. Старичок выглядел идиотом, и я решил, что это общественник. Так и вышло – он поднялся и заблекотал: «Мы должны знать правду, мы так и не узнали правды, я уже пять лет жду, когда же будет сказана правда, и так и не услышал ни единого слова правды».

Ну, я встал и вышел. Не демонстративно, нет – просто покурить.

И как раз набивал трубку, когда увидел Майю Глумову, возвращающуюся из туалета.

День 23

Сегодня всё удачно, тьфу-тьфу-тьфу.

С утречка пошёл обследовать силовой узел. Сначала ничего не нашёл. То есть нашёл много чего. Например, рулон

космического пластыря для переборок, пиропатроны, целых три фонарика, аптечку, набор всяких инструментов и ещё много полезного, включая тостер. Не знаю, правда, зачем мне тостер, но пусть будет.

Однако я вообще-то не только за этим сюда рвался. А ещё и за ништяками гастрономического свойства, которые техники обычно прячут в таких местах от всяких комиссий и проверок.

Так вот, сначала я ничего не обнаружил. Потом применил дедукцию. Ну, в смысле, стал думать, куда бы я сам спрятал ништяки, чтобы какая-нибудь проверочная комиссия не полезла бы. И точно – нашёл в воздуховоде коньяк, три сладких сухаря и две банки сардин в винном соусе. Сардин! Нет, я всё понимаю, но почему сардины-то? Под коньяк? Хотя, конечно, вкусы бывают разные, но не до такой же степени?

Вот, кстати, тоже интересный вопрос. Зачем техники пьют в космосе? Ну, кроме того, что это запрещено и можно вылететь из профессии. С другой стороны, а зачем пилоты линейных рейсов летают с отключёнными гравикомпенсаторами? Ну, кроме того, что это риск сломать себе рёбра при неожиданном манёвре и тоже вылететь из профессии? Но вот както так сложилось. Техники бухают, пилоты отключают гравикомпенсаторы. Потому что душа жаждет подвига. А других подвигов на таких работах не бывает. Ну почти. А то, что не входит в это почти – всегда чей-то факап. На преодоление последствий которого иногда уходят тонны героизма,

вот только величия ему это не прибавляет.

Взять хотя бы ту же катастрофу у Слепого Пятна. Ну да, всё в итоге списали на нуль-физиков и неконтролируемое развитие науки. Но вообще-то весь ужас случился потому, что регулярные доклады экспериментальной группы – из которых было видно, что ситуация нехорошая и что-то идёт не так – руководство Института Физики Пространства систематически игнорировало. И это можно понять. Так как в случае успешного гиперпробоя весь Космофлот превращался во что-то вроде парусного флота после спуска на воду первого парохода. То есть в хромую утку, которая ещё лет тридцать-сорок проковыляла бы, но и только. А руководство ИФП получило бы не просто неограниченные ресурсы, но и реальную власть на уровне Мирового Совета. Естественно, космачи это понимали и гадили как могли. И вцепились бы зубами в любую непонятную ситуацию, чтобы затормозить исследования и выиграть время. Поэтому никаких реляций, кроме победных, руководство Института просто не рассматривало. В принципе, нормальная административная логика. Могло бы и проканать. Но не проканало, случился факап с гигантскими жертвами, и теперь ИФП разгромлен и лежит в руинах. Зато наши парусники, то есть, извините, звездолёты – самые большие в Галактике. И самые красивые, это уж точно.

Опять я не о том. Ладно, про Майю.

В общем-то, она, наверное, мимо прошла бы. Но ей очень

не хотелось обратно к общественности, поэтому она предпочла меня всё-таки вспомнить. Я воспользовался случаем, так что вместо заседания мы пошли на соседний этаж пить кофе. Кофе, правда, оказался так себе, зато там был чудный кукурузный виски, очень мягкий, как я люблю. С которым я Майю и познакомил. Ну а потом мы полетели смотреть на вечернюю пустыню, и, в общем, на этот раз она меня не отшила.

Хотя я понимал, что это не всерьёз. Просто ей было очень одиноко. Бывает такое с женщинами. Пользоваться этим можно, почему нет, всё равно кто-нибудь воспользуется. Но надо знать меру и не перегибать палку, чтобы не выглядеть идиотом. Поэтому на следующее утро я не стал лезть и приставать, а чмокнул в щёчку и пошёл по делам: решай, мол, сама, нужно тебе продолжение или нет. Она поняла правильно и посмотрела благодарно. Типа – всё правильно сделал, Яша, я подумаю.

Хотел бы я знать, что у нас дальше было. Хотя, скорее всего, мы просто расстались. Потому что я, наверное, ушёл сразу после того звонка.

О пёс, коньяк уже действует. Не о том пишу.

Значит, так. На заседании выяснилось, что мы с Майей пропустили доклад контрольно-ревизионной комиссии и последовавшую затем дискуссию. Я об этом не особо пожалел. Дальше началось какое-то унылое безобразие. Взял слово мутный дедок-астроном и склочно потребовал, чтобы Фо-

кин ему что-то там объяснил или о чём-то доложился, я не понял. Белобрысый галакт неожиданно принял сторону дедушки и принялся вставлять свои замечания. Фокин сделал верблюжью морду и бросил через губу пару слов, от которых дедок завёлся и начал орать. Общественник в серой кофте снова выскочил и добавил жару.

Короче, мы с Майей переглянулись, да и пошли в ту же кофейню. Только на этот раз мы пили действительно кофе. С алапайчиками, которые оказались очень даже ничего.

Мне бы их сюда.

День 24

Извините, вчера опять расстроился, к тому же коньяк. От коньяка я впадаю в сигарное настроение, а курить мне тут нечего. Оставалось смотреть на звезду класса G, слушать псалмы Герардески и думать о том, смогу ли я выйти в открытый космос, если нечего будет кушать. Пришёл к выводу, что нет. Вот если дышать станет нечем – тогда выйду.

Ладно, не будем о грустном. Вернёмся, что ли, в Аризону.

В общем, мы с Майей пошли в кафе. И там под алапайчики она мне начала рассказывать, что, собственно, происходит.

Выяснились довольно интересные вещи.

Начала она с реальных возможностей и полномочий Совещания. Оказалось, что они довольно значительны, вклю-

чая право постоянных членов посещать Саракш и даже вести на планете какую-то деятельность. Связано это было с тем, что сразу после каммереровского скандала планету объявили протекторатом ДГБ (о чём я, кстати, не знал). Понятное дело, КОМКОН, чтобы вструмить галактам шишку в задницу, встал на сторону Совещания и добился максимально возможного расширения его прав. Кто конкретно над этим потрудился, Глумова точно не знала, но догадаться было несложно – Сикорски, кто ж ещё-то.

В отличие от меня, Глумова в комиссию попросилась сама. Как я и думал, связано это было с её научными интересами – то есть с ранней эпохой НТР. Конкретно она занималась проблемой интегрального когнитивно-технологического барьера, ограничивающего возможности цивилизации в эпоху массового производства. Тема была хороша уже тем, что любые результаты можно было обосновать с точки зрения ТИП без особого насилия над материалом. Во всяком случае, она так думала, пока не столкнулась с данными по Саракшу, которые её заинтересовали.

Картинка, которая у неё сложилась, была такова. На планете, уровень развития которой соответствовал примерно середине земного двадцатого века, у одного из государств имелась ментоскопическая техника. Её уровень никак не соответствовал тому уровню биологических знаний и технических возможностей, которые местной цивилизации полагались. На земную технику эта аппаратура тоже была непохо-

жа: инженерные решения были другие, причём, по словам Майи, крайне неестественные. У неё создалось впечатление, что всё это оборудование переделано из чего-то другого, а потом эти переделки копировались. Тот же самый эффект наблюдался и на другой технике. Например, оружие: обычный огнестрел, но состав взрывчатой смеси довольно экзотический. Или, скажем, уровень биологии – туземцы всерьёз занимались выведением разумных животных. И преуспели: оказывается, милые собачки-голованы были родом именно с Саракша.

Что касается пресловутых каммереровских лучей, то ничего подобного не обнаружили. Однако население страны было убеждено, что такая штука существовала и применялась. Грешили на какой-то «центр», якобы располагавшийся в столице и облучавший всю страну. Центр искали, но не нашли. Впрочем, Каммерер утверждал, что он его взорвал, а взорванных зданий в столице хватало – в стране косяком шли военные путчи и перевороты. В настоящий момент там воцарился настоящий хаос, чем воспользовался КОМКОН и наложил на посещение планеты временное вето.

Я всё это выслушал и спросил Майю, что она сама об этом думает.

– Понимаешь, Яша, – сказала она, ставя на стол чашечку, – я теперь думаю, что прав Пильгуй. Гипотеза его мне не нравится, но других объяснений не вижу.

Тут у меня затрезвонила рабочая панелька, и это послед-

нее, что я помню.

День 25

Кончился шоколад. Ну и пёс с ним, я на него уже смотреть не мог. Осталась стандартная биологическая смесь, типа той, что нас заставляли жрать в лётном. По вкусу – что-то вроде жёваной резины, но содержит все необходимые питательные вещества и микроэлементы. С точки зрения пищеварения и вообще здоровья – самый оптимум. Буэээ.

Хотя вообще-то человеческое сознание является органом упреждающей адаптации. И само отлично адаптируется, особенно если ему немножечко помочь. Проще говоря, человек такая скотина – ко всему привыкает.

Взять хотя бы стирание памяти. Неприятная вещь. Калечащая процедура. Но в большинстве случаев человек очень быстро забывает сам факт, что у него что-то стёрли. Потому что если аккуратно выстричь из памяти ненужные кусочки, мозг поработает и заполнит пустые места ложными воспоминаниями. А этому можно и поспособствовать, подобрав подходящие по смыслу фрагменты и их логично простроив. У хорошего психокорректора вроде Бори Левина клиент вообще ничего не ощущает, кроме чувства глубокого удовлетворения. Потому что внутренний мир становится проще, а это вызывает облегчение… Можно, кстати, вообще ничего не стирать – просто убрать логические и эмоциональные

связки между воспоминаниями. В памяти всё останется, вот только вспомнить человек ничего не сможет. Ещё есть такой приём, как эмоциональное вытеснение. Память саму по себе оставляют, просто вспоминать какие-то вещи или думать на какие-то темы становится неприятно. И мозг сам затирает ненужное… И ещё много всяких вариантов, Левин меня по этой части изрядно просветил.

В общем, вы можете понять, как я удивился, когда мне вырезали четыре недели жизни целиком. Ножницами, можно сказать. Вот прямо так – я сижу с Майей в кафе, у меня звонит панелька. И сразу после этого, без перехода, с меня снимают шлем, отцепляют датчики и суют на подпись документы о характере проделанной надо мной процедуры, правовых основаниях и отсутствии технических претензий. Каковые я завизировал, пребывая при этом в полном недоумении. Потому что меня никогда так не резали. Хотя нет, один раз было, но тогда действительно повод был. (И я его помню, хе-хе.) Но даже тогда – вырезали двое суток. А не четыре недели.

Более внятно картину мне обрисовал Евгений Маркович, с которым я встретился на следующий день.

Славин был весь такой в костюмчике, галстук под цвет глаз, волосы на пробор. Из чего я сделал вывод, что дела у него идут неважно: он обычно причепуривается именно в таких ситуациях. Уж не знаю почему. Может, это ему уверенности добавляет. Но есть примета верная: если Маркович

при параде – значит, беда. Так вот, в тот день на нём были запонки с гугонскими алмазами.

Разговаривал он со мной час, сыпал пословицами, поговорками и прибаутками и вообще разводил турусы на колёсах, как он же в таких случаях и выражается. Из всего этого словесного мусора вырисовывалось следующее. Оказывается, Яков Вандерхузе добровольно-принудительно участвовал в чрезвычайно важной и крайне секретной операции, даже название которой ему знать не положено. В ходе операции упомянутый Яков Вандерхузе проявил мужество и героизм, а также ум и сообразительность. В связи с чем ему выписаны аж три разные цацки. А также настоятельное приглашение малость отдохнуть и укрепить силы. И чистый бланк путёвки, куда я могу вписать любое место. От Пандоры с Яйлой – и вплоть до Леониды, где у нас есть маленький ведомственный курорт-санаторий. Попасть туда практически невозможно, разве что по великому блату на самом верху. Но лично для Якова Вандерхузе сделано особое исключение и он может – а точнее, должен – целый месяц отмокать в леонидянских «живых озёрах» и сливаться с природой на гормональном уровне. Не забывая при этом мысленно благодарить начальство, которое так заботится о своих сотрудниках.

Когда дело дошло до этого, я кисло улыбнулся. И сообщил, что чувствую себя отлично, в дополнительном отдыхе не нуждаюсь и намерен как можно скорее приступить к своим непосредственным обязанностям. Ибо меня беспоко-

ит состояние вверенных мне материальных фондов. Если же, добавил я, моё желание не будет уважено, я потребую встречи с Комовым.

Славин понял меня правильно. Ну, то есть молча достал пачку сигарет и пошёл вон из кабинета – курить. А мне вручил сигару. Так себе, кстати, сигара оказалась.

И вот, в замурзанном и задымлённом углу какого-то технического коридора, который Славин почему-то счёл относительно безопасным, он мне кое-что поведал. Кое-что отдалённо похожее на правду.

По его словам, на Земле случился глобальный факап нулевого уровня. Я ответил, что могу это понять только в одном смысле: имела место агрессия инопланетной цивилизации, превосходящая земную по уровню развития. Евгений Маркович на это ответил, что ситуация была чисто земная и абсолютно непредсказуемая: дескать, произошло что-то такое, что одни тагоряне могли предусмотреть, и то вряд ли. Так или иначе, КОМКОН был брошен на амбразуры чуть ли не в полном составе. В последний момент катастрофу всё-таки удалось предотвратить, причём я в этом деле сыграл выдающуюся роль, добыв из каких-то закромов то, что даже Горбовский считал давно и прочно похороненным. Я сообразил, о чём идёт речь, и пришёл к выводу, что факап был и вправду серьёзный.

В результате беду удалось не только одолеть, но и затереть все следы. Правда, очень многим людям пришлось экстрен-

но редактировать воспоминания, в особенности у комконовцев. Мне бы, может, что и оставили, но я пал жертвой гнева Горбовского. Который, когда гроза миновала, обвинил меня, Славина и Арама Григорянца в преступном сокрытии крайне опасных артефактов. Которые, конечно, спасли мир и всё такое, но вот тех, кто их не уничтожил, а спрятал, надо бы образцово-показательно раздавить. По каковой причине великий гуманист настаивал на расследовании моих действий во время кризиса и даже собрал соответствующую комиссию. Григорянц, однако, успел раньше: вовремя предупреждённый, он срочно подписал приказ о полной ампутации всех моих воспоминаний за весь период операции. Что автоматически выводило меня из-под обязанности давать какие бы то ни было показания, да и вообще из-под официальной ответственности как таковой. А для надёжности решил меня отправить подальше – и устроил мне ту самую путёвку.

Я всё это выслушал и разделил в уме на девятнадцать. То есть поверил я ровно одному куску информации: приказ о стирании моей памяти подписал Арам Самвелович, чтобы прикрыть свою задницу. Это, скорее всего, правда. Остальное – хрен его душу знает, что там было.

Но, вполне возможно, великий гуманист и в самом деле на меня зол. Потому что, если Славин не гнал, то, похоже, я достал из заначки вероятностный инвертор. Который у меня был припрятан в одной только мне известной захоронке на Тёмной Стороне, в самом-самом пыльном углу.

Вообще-то использование подобных технологий на Земле запрещено. Причём запрет продавил лично Горби. И это тот редкий случай, когда я с нашим великим гуманистом согласен. Ну не то чтобы целиком и полностью, но всё-таки. Потому что поле отрицательной вероятности – это вообще-то способ творить чудеса. А чтобы творить чудеса, нужно быть богом. Или хотя бы действительно разумным существом. Про нас не скажешь ни того, ни другого. И пока это так – не нужно брать в руки волшебные палочки. Намахаем ими себе таких приключений на разные места, что мало не покажется. Но лучше всё-таки волшебную палочку не выкидывать, а положить подальше. Не дай Космос, пригодится… Вот только кто бы осмелился сказать это Горбовскому, у которого на этом месте пунктик.

Хотя это всё возвышенные материи. А мне грозили очень конкретные неприятности. Потому что, несмотря на все успокаивающие мурлыканья Евгения Марковича, отправка меня на курорт означала, что в моё отсутствие готовится какая-нибудь реорганизация. Причём такая, в результате которой я как минимум лишусь части полномочий, а как максимум – меня выпихнут с моего тёплого местечка. Причём даже не на низовку, а вообще. Так как людей с такими цацками, как у меня теперь, на низовку не кидают в принципе – только вон из системы. В лучшем случае мне светит постоянное членство в парочке маловажных комиссий, в худшем – комаров на даче кормить и спиваться от скуки.

Всё это я своему боссу и высказал открытым текстом. Добавив к тому, что меня это категорически не устраивает, так что встреча с Комовым становится для меня жизненным приоритетом номер один. И что я её добьюсь, даже если для этого придётся протаранить его личный глайдер.

Я ожидал, что Маркович на меня спустит всех собак. Но он ехидненько ухмыльнулся и сообщил, что не имеет ничего против нашего с Геннадием Юрьевичем общения, вот только полёты глайдеров над Леонидой категорически запрещены.

День 26

Какая всё-таки мерзость эта биологическая смесь. И звезда класса G. И классическая музыка, пожалуй, тоже.

Сегодня посмотрел на руки – а они в чёрных пятнах. Вчера возился с киберами, а помыть руки забыл. Отвык. Потом вспомнил, что уже неделю не мылся. Не ощутил, а именно вспомнил.

Принюхался, что называется. Так и запаршиветь недолго.

Тогда я решил покончить с проблемой радикально, благо силовой узел теперь мне доступен. Провёл в хозблок кабель и запитал его. Рисковал, конечно – могло и прибить током. Но не прибило, и теперь у меня есть горячая вода и ионный душ. Хотя нет, ионный душ я запустить не смог, там какая-то непонятная конструкция с отдельной схемой питания. Зато с горячей водой нет проблем. Там и ванна есть, так что я час

отмокал. И жалел только об одном – что нет коньяка. Ну и сигары, но это уже вообще предел мечтаний.

Заодно постирал тряпки. Если честно, последнее время хожу голый. Ну не перед кем стесняться, разве что перед убойной командой, если она всё-таки соизволит явиться. Но этим-то похрен, как на мне костюмчик сидит и есть ли он вообще. Зато теперь я могу предстать при полном при параде, даже в чистых носках. Одно плохо: вода кончилась, очистится она часа через четыре, а пока мне даже смыть в туалете за собой нечем. Так что сижу, терплю и пишу дальше.

Вот есть один вопрос, который меня давно смущает. Мы, ну то есть Земля – одна из самый крутых цивилизаций в Галактике. То есть самая крутая, исключая Странников, которые вообще непонятно что такое. Мы открыли некоторое количество гуманоидных и негуманоидных цивилизаций. И вот какая штука: никто из них почему-то Землю не уважает. Особенно негуманоиды.

Ну, допустим, Тагора. Эти очень круты, и могли бы быть круче нас, если бы захотели. К тому же поголовно гении. У них есть какое-то право общаться с нами через губу. Но они нас хотя бы опасаются. Как мускулистых придурков, но всё-таки. А, скажем, слизни с Гарроты? Которые, видите ли, принимают нас за собственные галлюцинации – хотя вообще-то всем понятно, что они просто глумятся. Или те же голованы? Эти псы нам в лицо хамили, а потом вытерли об нас лапы. И так со всеми. Не умеем мы себя поставить, что ли?

Вот и на Леониде та же история. Кто такие леонидяне? Биологическая цивилизация, гармонично слитая с природой родной планеты. Ну очень мило. За сто тысяч лет плавного гармоничного развития они научились кое-каким штучкам. Хорошо, допустим. Нормальной науки у них при этом так и не возникло, все достижения – методом тыка. При этом они явно считают себя выше нас и терпят на своей Леониде в качестве великого одолжения. И обставляют наше присутствие кучей всяких условий: того не трожь, этого не смей. Некоторые ограничения просто издевательские. Например, нельзя летать. То есть можно, но только на ихних летучих ящерах. Нормальный глайдер – нельзя. Почему нельзя – никто не ведает, а сами леонидяне до объяснений никак не снизойдут. Или, скажем, нельзя привозить земную еду. Ну, тут хотя бы какое-то объяснение – вдруг в каком-нибудь хлебном батоне останутся какие-нибудь дрожжи, и это навредит их драгоценной биоте. Но вот, скажем, коньяк им чем не угодил? Не какой-то там специальный из винограда – обычный химический? А у меня его отобрали, да ещё и нотацию прочли: дескать, мы тут гости и надо себя всячески блюсти. Ну а смысл? Химия – она и есть химия. А что местные не понимают разницы между химией и настоящей органикой – это их проблемы, так? Нет, это почему-то наши проблемы.

Наверное, какой-нибудь специалист по ТИП объяснил бы и это. Дескать, объективное превосходство земной цивилизации диалектически приводит к потребности в символиче-

ской компенсации, развивающейся в форме хамства со стороны представителей цивилизаций, менее продвинувшихся по пути исторического развития. А по-моему – поставить себя не умеем, вот и вся диалектика.

Хотя, надо признать, местные напитки, в том числе алкогольные, очень даже ничего. И курево тут своё, очень специфическое, но привыкнуть можно. Я, например, привык.

Да и вообще – если честно, на Леониде мне понравилось. Добираться только неудобно. Вместо нормальной цепочки нуль-станций нужно садиться в лайнер – красивый, конечно, и довольно удобный, вот только летит он на досветовой скорости, и путь занимает двое суток. При этом на орбите есть работающая нуль-станция, но она заблокирована. Причина всё та же: общественность. Среди которой полно поклонников леонидянской цивилизации, такой гуманной и экологичной. И желающей чему-нибудь поучиться у добрых и мудрых аборигенов. Которые их у себя видеть не желают, и вот в этом конкретном случае я их понимаю и даже поддерживаю. Хотя трястись двое суток в тесной каюте, развлекая себя сериалами и прочей хренотенью – это очень уныло.

Зато на самой планете всё оказалось даже лучше, чем я предполагал. Взять хотя бы те же «живые озёра». Они на самом деле живые – это такие жидкие растения, что ли. Первоначально они были чем-то вроде нашей росянки – ну то есть кушали всякую мелкоту, прилетавшую напиться. Леонидяне за тысячелетия селекции научили их выедать прямо из жи-

вого организма всякие плохие клетки, ну и заодно стимулировать восстановление хороших. Честно говоря, эффективность примерно та же, что у нашей медицинской техники, зато это дольше и приятнее. Примешь на грудь местного винца, да и лежишь себе в тёплой прозрачной жижице, как муха в янтаре, и она тебя этак везде пронизывает. Даже дышать не надо – кислород в тебя вместе с ней входит. И ничего не хочется. Совсем ничего. Даже курить.

Ну а Комова я видел. Часто. Когда его из «живого озера» в медицинскую камеру носили. Был он очень тихий и какой-то синенький. И глазки стеклянные, в одну точку сосредоточенно смотрящие. Не знаю, подо что он такое попал, но пристукнуло человека капитально.

Врачики, к которым я пристал с расспросами, честно сказали, что сами не знают, что с ним: впервые, дескать, сталкиваются. Потому что формально у него все показатели в норме, включая мозговые, только он почему-то синий и ни на что не реагирует. Поэтому и повезли на Леониду: может, какая-нибудь местная хреновина сработает.

Я подумал и решил, что это, скорее всего, из-за инвертора. Комов у нас подо всё попадал, начиная от альфа-излучения и кончая крупнокалиберными пулями, а теперь, видимо, угодил под вероятностное поле. О котором мы знаем меньше, чем дикари с Панты о плазме. Те хоть костёр способны развести, не обжигаясь и не устраивая пожар. А у нас с вероятностными полями даже с этим пока проблемы.

В общем, возникло такое ощущение, что меня как бы тыкают носом: посмотри, до чего ты и твой пёсов генератор довёл героя космоса. Осознай и проникнись.

Но я подумал и решил этим ощущением не проникаться. Потому что себя-то я знаю. И если уж я достал такую штуку из загашника, то, значит, и впрямь был самый край. Ну а коли так – я не виноват, господа вселенские гуманисты. Не надо вешать на старого пузатого дядю Яшу всякие левые косяки. За своё отвечу, а чужого мне и даром не надо.

А вообще на Леониде хорошо, хотя поначалу мне показалось скучновато. Поскольку, кроме Комова и меня, остальные отдыхающие были сверхзаслуженными комконовскими старичками. Которые дружны со времён покорения Бетельгейзе. И в своё уютненькое общество посторонних пускать не расположены. Да я и не рвался – что мне с ними делать.

Однако нашёлся один товарищ, которого я в каком-то смысле знал. Ингмар Виттель, астроном и не только.

День 27

Скоро месяц пребывания в этой предвариловке. На такой случай у меня есть последний глоток коньяка и банка сардин. Сам от себя прячу.

Начал переслушивать Баха. С первого раза он у меня както не пошёл, а сейчас я проникся. Великая музыка. Одна проблема: курить под него хочется просто жутко.

Торжественно обещаю и клянусь. Если буду жив и выберусь отсюда – первым делом устрою себе сигарный ужин. Нет, не так. Каждый день буду устраивать себе сигарный ужин, пока никотин из ушей не польётся. А на пути в медкамеру ещё пахитосочку выкурю и коньячком усугублю.

Эх, мечты-мечты. Пора бы и делом заняться. То есть вернуться в те славные времена, когда у меня всё было и мне за это ничего не было.

Значит, Виттель. Познакомились мы из-за его голоса. Он у него не то чтобы громкий, но какой-то проникающий, что ли. У нас в лётном был такой препод, мы его все ненавидели, потому что после тренировок хочется покемарить, а он со своими формулами буквально вгрызался в мозг. Вот и у Ингмара есть такое свойство.

Первый раз пересеклись мы в курительной комнате. Место это спокойное, тихое, ходил туда я и ещё два старичка, из которых уже песок сыпался. Виттель сам не курит, а к нам он впёрся в поисках кофемашины.

До сих пор помню эту сцену. Я сижу в кресле, вдумчиво созерцаю содержимое хьюмидора, и тут вдруг вкатывается маленький лысенький человечек с толстыми губами. Ни с кем не здороваясь, бежит к кофейнице и принимается её ломать. Сначала нажимает не на те кнопки, потом отсоединяет какую-то трубочку, из которой хлещет пар, а потом сражается, как лев, с капучинатором. Комментируя свои потуги вот этим своим сверлящим мозг фальцетом. Меня это до того

достало, что я пошёл и сделал ему кофе с пенкой. Причём он меня эту пенку два раза заставил переделать.

Потом-то я понял, что данный товарищ вообще всего в жизни добивался примерно таким же способом. Но тем не менее – какая-то симпатичность в нём всё же была, и собеседником он оказался приятным. А когда я привык к его, так сказать, тембру, и вовсе хорошо стало. Правда, для этого понадобились две бутылки местного вина и Виттелев коньячок. Он его каким-то образом контрабандно протащил, не знаю как. Очень меня тем самым порадовав.

Нет, сразу-то я не сообразил, что это тот самый Ингмар Виттель, мемуары которого я читал. Мало ли Виттелей. Вот что человек всю жизнь прослужил в действующем резерве ДГБ – это было у него на физиономии написано. Что довольно быстро подтвердилось, как раз за коньячком, когда начали вспоминать всякие истории из жизни. Хотя по сравнению с Ингмаром я, можно сказать, вообще не жил: у него был какой-то неистощимый запас баек. Он всех знал, всё видел и везде бывал, даже у тахорга в заду. Нет, это не скатологический юмор, во всяком случае, не мой. Он мне такую телегу прогнал в качестве охотничьей истории. Как сопровождал группу начальников-астрономов, решивших поиграть в охоту на крупного зверя, дальше с ними случились всякие злоключения, и, в общем, он остался один в джунглях и два дня прятался от хищников в левом заднем проходе тахорга, впавшего в весенний анабиоз. И хотя я знаю, что тахор-

ги весной в анабиоз не впадают, но всё равно слушал: вот сейчас вспоминаю, с какой серьёзной рожей он мне всё это рассказывал, и ржу.

С другой стороны, навязчивым он не был. И после сеанса человеческого общения, по которому я уже успел соскучиться, не стал портить впечатление, а быстренько попрощался и убежал по каким-то своим делам.

Ситуация с книжкой выяснилась где-то дня через четыре. К тому моменту мы уже поняли, что у нас с ним где-то четыре часа разницы. Что в данном случае не критично. Так что у нас выработался такой ритуал: Виттель заходил в курительную, я ему делал кофе (капучинатор он то ли так и не освоил, то ли делал вид – ставлю на второе), а потом мы шли пить и трепаться. Потом он уходил покемарить, а я – отмокать в «озеро». И уже во время отмокания до меня, как правило, доходило, что я как-то незаметно успел слить Ингмару кусок актуальной информации. А он меня накормил очередной задницей тахорга. Но сердиться я на него за это не мог. Вытягивать инфу – это была не только его работа, но и любимое занятие. Которому он предавался во всех своих обличьях. А их было много. Хотя базовой его профессией была всё-таки астрономия.

В тот день он мне как раз рассказывал байку про вытягивание очередной инфы. История была сложная и запутанная, но ключевым моментом там было вот что. Ингмару нужно было кровь из носу посмотреть один документ. Который на-

ходился в информатории Института Истории Космофлота и никогда не экспонировался в БВИ. Проблема была в том, что никаких разумных и легальных причин для интереса к документу у него не было, а космофлотчики, как известно, люди чрезвычайно дотошные. Документ ему бы в конце концов выдали, но с легендой прикрытия, которую он тщательно выстраивал, можно было бы попрощаться.

Ингмар пошёл нетривиальным путём. Среди прочих масочек, которые он носил, значилось членство в одной астрономической комиссии. Так вот, он принялся писать мемуары о своей работе в данном коллективе. Типа охватил его творческий зуд. И он их не просто писал – нет, он с ними носился, заставлял читать черновики знакомых и незнакомых людей, в общем, всячески изображал вспыхнувшее авторское тщеславие, чем всех доставал неимоверно. В частности, регулярно требовал под это дело большие массивы данных, хоть как-то относящихся к работе комиссии – в том числе и у историков космоса. Этих он затеребил до такой степени, что они выправили ему допуск в несекретную часть архивов. А нужный ему документ порекомендовали сами, только бы отвязался… Закончил Ингмар свой рассказ хвастливым заявлением, что книжку он действительно написал – и, по его скромному мнению, очень даже неплохо вышло.

Тут у меня в голове наконец щёлкнуло, и я спросил, не о «Воспоминаниях астронома» ли идёт речь.

Это, наверное, редкое зрелище – Виттель с отвалившейся

челюстью. Не такой это человек. Но я это видел.

Дальше он, естественно, в меня вцепился. Потому что прекрасно понимал, что его мемуар интересен очень узкому кругу лиц, в число которых я не вхожу никаким боком. И если я его читал, то с какой-то специальной целью.

Ну я ему рассказал. Не сразу, конечно, а где-то в течение двух бутылок. Выложил всё, начиная с монетки и кончая академиком Улитнером, Сноубриджем и разговором с Левиным. Про комовский личный ключ-пароль и всё с ним связанное я, конечно, промолчал. Но до этого места – расписал как по нотам.

Ингмар стал задумчив и тих, что с ним случалось крайне редко. И промолчал минуты две. Я даже как-то забеспокоился.

Наконец, он поднял на меня водянистые глазёнки и сообщил:

– Нехорошая это история. Я бы дальше не стал. Но ты же будешь?

Пришлось согласиться – буду. На что Виттель пожал круглыми плечиками и сказал:

– Я так думаю, этот твой Улитнер искал подробности о переименованиях. Звёзд и планет. Может, конкретной звезды или планеты. Эти данные есть только в протоколах Межведомственной комиссии. В общем доступе протоколов нет, они в базе данных Института Астрономии. И ещё надо знать, где искать. У академика шансов не было. Но у тебя они есть.

Когда я книжку писал, то скачал себе весь архив, а выкидывать я ничего не выкидываю. Только давай вот что: ты у меня больше ничего не спрашиваешь. Потому что материалы, в общем, легальные, а вопросы ты можешь задать всякие. А вру я только на работе. Или так, или никак. Устраивает?

Насчёт «только на работе» я ему, конечно, не поверил, но условия принял. И через полчасика он вручил мне свежезаписанный мнемокристалл, по каковому поводу мы немножко выпили, а потом ещё усугубили. Потом я пошёл на «озеро», там хорошо расслабился и вернулся затемно.

И вот представьте: иду я по коридору, ищу в кармане карточку от номера, захожу. Намереваясь занять любимое кресло, покурить, послушать музыку какую-нибудь хорошую, да и баиньки.

Включаю свет. А в моём любимом кресле сидит Комов. В одних плавках. По-прежнему синенький, но живой.

День 28

Не утерпел, всё-таки допил коньяк. Под «Флейтовый сад наслаждений» Якоба ван Эйка. Вот ты, Лена, можешь войти в БВИ и узнать, что это за парень был. А я не могу. Но если ты это читаешь – послушай, пожалуйста. Блокфлейта. Очень душевно. Я до того расчувствовался, что съел ещё и сардины. О пёс, никогда бы не подумал, что сардины такие вкусные. Потом в масле от сардин размешал немного биологической

смеси. Тоже ничего, особенно на безрыбье.

Жаль, что это всё. Если только не найду ещё какой-нибудь заначки, но что-то мне подсказывает, что больше тут ничего нет.

Что ещё нового. Помылся, постирался. С ногтями проблема – отросли так, что по клавишам стучат, как те хомячки по трубам. Вроде бы мелочь, но раздражает. Ножниц, разумеется, тут нет. Лазерный резак, правда, имеется. Нашёл в силовом узле. Точный инструмент, щель даёт в десять микрон на минималочке. Вот только ногти я им стричь не буду, пальцы дороже. Нож тоже не хочу делать, по той же причине. Нужно как-то соорудить ножницы. Вот тем же резаком, например, вырезать две болванки, а потом как-нибудь наточить и свинтить. Но этим я завтра займусь, а пока – ежедневная порция мемуаров.

В общем, наш диалог с Геннадием Юрьевичем таки состоялся. Причём по его инициативе.

Оказывается, пока я пьянствовал с Виттелем, наши привезли каких-то леонидянских докторов. Уж не знаю, как их умолили, леонидяне людей вообще-то не лечат. Но Комов – это федеральное достояние. Так что, видимо, нашли подход.

По словам Ген-Юрьича, вели они себя в своей обычной манере. Явились к тому самому «живому озеру», где он отмокал в отключке, людей попросили удалиться, ну и что-то такое сделали. Что – Комов не понял, не в том состоянии он был, чтобы что-то понимать. А когда он всё-таки пришёл в

себя, леонидяне на него посмотрели и молча ушли. Точнее, улетели на своих ящерах, не соизволив даже сообщить земным врачам об успехе.

Ну это-то было предсказуемо. Однако дальше Комов меня удивил. Сколько я его знаю, он, даже вставая с реанимационного стола, тут же хватался за браслет дальней связи и начинал орать и распоряжаться. На сей раз, по его словам, он вместо этого добросовестно домок в «озере» и позволил перенести себя в медицинскую камеру. Куда и намерен вернуться к утреннему обходу, вот только со мной поговорит.

Естественно, я напрягся. А дальнейшие откровения Комова меня, честно говоря, напугали.

Для начала он подтвердил, что на Земле случился экстраординарный факап. Что именно – не сказал, пообещав что-то объяснить, «когда всё устаканится». Но, по его словам, я и в самом деле принимал во всём происходящем самое непосредственное участие, так как на меня легло всё снабжение. Про вероятностный инвертор я тоже оказался прав: когда припёрло, я его достал из захоронки. Однако гнев Горбовского был не по этому поводу. Оказывается, по ходу дела я как-то очень расстроил нашего великого гуманиста – то ли отказался выполнять приказ, то ли саботировал выполнение, то ли сказал ему что-то грубое. Подробностей Комов не сообщил, сказав, что этого теперь никто не знает, кроме Горбовского: всем свидетелям вырезали память, включая меня. Но Горби был страшно зол. И если бы не Арам Самвелович,

который меня быстренько пристроил под ментоскоп на чистку головы, то сейчас бы меня уже судили судом неправедным, и это ещё в лучшем случае.

После этого Комов признался, что очень опасается за свою позицию. Поскольку, по его словам, Горби воспользовался ситуацией, чтобы ввести в Мировой Совет Рудольфа Сикорски. Что по сути означает пересмотр всей концепции кризисного реагирования. А также ликвидацию его, Комова, уникального места в системе. С последующим торжественным возложением на него всех факапов и дальнейшим низвержением.

Вот тут я его понял. Потому что если Комова кем и заменять, то, ясен пень, это будет Руди. У которого свои представления о том, как нужно наводить порядок. И главное – зачем.

День 29

Очень странные дела. Проснулся не сам, а от писка компьютера. На экране – непонятные кракозябры. Впечатление такое, будто кто-то пытается подключиться удалённо. Я попытался ответить – хренушки, ничего не работает.

Пока сидел за компом, сочинилась новая версия моего застревания здесь. Может, это Комов отмашку не даёт? В конце концов, это не только мой факап, но и его тоже. Хотя, насколько я знаю нашего великого героя, он вообще-то

гуманизмом не страдает. Геройствовать он любит, это да, а вот насчёт человекосбережения у него не очень. Он из тех славных ребят, которые легко положат десять человек, чтобы красиво вытащить одного.

Но если выбирать между Комовым и Сикорски, то я, конечно, всеми конечностями за Комова. Потому что Комов – просто адреналиновый наркоман, а Сикорски – маньяк.

Лена, если ты это читаешь: не принимай меня за идиота, не надо. Я не про психологические комплексы, от которых избавиться всего-то делов – пара сеансов у кого-нибудь вроде Борьки Левина. Я про мировоззрение. Которое, как известно, не лечится.

Ну, я знаю, что про Руди рассказывают. Типа, если он хоть раз в год кому-нибудь не прострелит башку, то у него обостряется диабет. Или – что он в командировке на Земле Гаррета спровоцировал ядерную войну, имея в своём распоряжении две вечерние газеты. Или что он раз в год сам себя корректирует на ментоскопе – вычищает из психики наросшую симпатию и доверие к коллегам. Скорее всего, все эти слухи сам Сикорски и распространяет. Он такие вещи любит.

А вот за что я его и вправду считаю маньяком – так это я расскажу. У меня тут личная история. Сикорски её и не помнит, а я вот запомнил очень хорошо. На всю жизнь запомнил.

Это ещё в лётном было. Вроде уже писал – тогда я немного барыжил артефактами. Не то чтобы очень ценными – ну от-

куда у меня ценные. Так, менялся чем-то с разными людьми. Хотел наменять на кусок янтарина, чтобы трубку сделать. Ну хотелось мне. Ничего в этом такого нет, обычное дело.

И вот, значит, прилетает к нам комиссия – а может, делегация. Официальный повод уже не помню: какая-то штатная проверка. Комиссия смешанная, ну и представитель КОМКОНа в ней обязательно есть. Обычно это какая-нибудь серая мышь из неудачливых карьеристов, которую гоняют по таким комиссиям, чтобы под ногами не путалась. Но нам повезло. К нам приехал лично Рудольф Сикорски – молодой да ранний.

Надо сказать, на нас, курсантов, впечатление он произвёл и пыль в глаза пустил. Например, тем, что ходил в смокинге, чёрных брюках с шёлковым лампасом, рубашке с запонками и при бабочке. Чёрной. Мы с нашими селёдками защитного цвета не знали, куда глаза девать. Ещё визитки раздавал. Ну, те самые, знаменитые, нежно-жёлтые, как его кожа. И точным временем. "Рудольф Сикорски. Рабочие часы 9:00~20:30" Ну то есть что он хотел сказать – я биологически лидер, я в коллектив не вписываюсь, это под меня коллективы вписываются. Кстати, да, вписываются. С кем только Руди не работал, а рабочие часы у него всё те же.

В общем, чего уж там, произвёл он на нас впечатление. На меня тоже. И, конечно, думал да гадал – вызовет он меня на разговор или нет. Потому что уже как полгода считал себя комконовцем и готовился к учёбе в «трёшке».

Вызвал. На третий день, уже перед отъездом. Принимал у себя. Типа, посмотреть.

И вот мы сидим. Он меня так, сяк. А на столе у него вместо пресс-папье – кусок янтарина. Как раз для трубки. Редкий янтарин, розоватый такой, он только на Фобосе бывает и ещё в какой-то системе на окраине. Трубка из него – мечта курильщика. Сейчас-то у меня таких трубок три, и не самые любимые, кстати. Но тогда я был курсантом, ни в чём особенно не разбирался, ну и к тому же понты.

Конечно, я на этот янтарин не смотрю. Изо всех сил не смотрю. И понимаю, что меня насквозь видно. Пропускаю, соответственно, какие-то вопросы. Где-то он меня ловит. Но это всё не всерьёз, большой опасности я не чувствую и слегка расслабляюсь.

Как сейчас вижу: сидит напротив меня Сикорски, тощий, ушастый, зеленоглазый. Смокинг висит на стуле, но рубашка и бабочка всё те же. Сидит себе, откинувшись, и текстует на меня. Уже как бы как своему, принятому в ряды:

– Пойми главное, курсант. Мы КОМКОН. Нам можно всё. Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флуктуациях. Мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился чёрт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды

в промышленных масштабах…

И сразу после этого предлагает мне написать психологическую характеристику на Игоря Семёновича, нашего препода по лётному делу. Потому что, видите ли, ему Семёныч показался странноватым и ему хотелось бы выяснить, в чём там дело. Для себя лично. Ну и чтобы составить впечатление о моих способностях к оперативной работе… И, значит, делает такую специальную физиономию – мол, смотри, парень, сейчас всё от тебя зависит.

Тут-то я и подвис.

Игоря Семёновича у нас в училище уважали. Хороший пилот и отличный препод. То есть умел и летать, и учить. А это редко бывает: хорошие пилоты, как правило, паршивые преподы. Они с людьми разговаривать не умеют, они под общение с кораблём заточены. А Семёныч и объяснит, и покажет. Ну и по жизни человек хороший. Жаль, фамилия вылетела из головы. То ли Иванов, то ли Петров. А так – хорошо помню. Спокойный такой мужик, цельный, и главное – без дерьма внутри.

Числилась за ним, правда, одна странность. Верующий он был. В смысле – в бога верил. Причём не в какого-то нашего земного, а в инопланетного.

Подхватил он это так. Семёныч высаживал исследовательскую экспедицию на планете системы Гаммы Пророкоугольника, если я ничего не путаю. Там как раз нашли гуманоидную цивилизацию, и надо было понять, что за люди и где у

них чего лежит. Корабль Семёныча был из новой серии, с секторально-распределённой системой управления. Она тогда была в большой моде, секторалка, и считалась супернадёжной. Это было доказано математически, так что проверками особо не заморачивались. Вот только в доказательстве была маленькая ошибочка, которую потом нашли. Но до того сектор-распределёнка уже успела привести к двум крупным факапам. И здесь она тоже подвела: корабль в атмосфере потерял управляемость, пришлось катапультироваться. Шлёпнулся он посреди пустыни, где практически не было воды, зато были какие-то ядовитые пауки типа наших скорпионов, прыгающие песчаные пиявки и ещё всякая гадость. Соваться в такие места не хотелось от слова совсем. Однако спасательная капсула была облегчённой, с расчётом на двое суток автонома. А спасатели не приехали ни через двое суток, ни через трое. Потому что панелек с омегой, как сейчас, не было, а стандартная аварийка была завязана на всё ту же секаторалку, пёс бы её драл. И сигнал SOS не прошёл. Игорь Семёныч этого не знал, так что прождал пять дней и ночей. После чего вышел и попёрся через пески, с десятью зарядами в скорчере и верой в светлое будущее.

Вряд ли бы он дошёл до обжитой земли. Но на пути он наткнулся на крохотный оазис, где находился местный монастырь. Ну, в смысле верующие, которые специально поселились в таком месте, чтобы их никто не трогал. Жили в песках, молились какому-то кружочку с палочками. Это у них

символ единого творца или всеблагого дарителя – ну, в общем, ихнего бога. Вот они Семёныча нашли. Еле живого, без скорчера и опухшего от укуса какой-то гадины. Принесли к себе, выходили, подлечили, и он у них какое-то время жил. Выучил язык, ну и разговоров ихних наслушался. Что-то его в их религии зацепило. А может, просто благодарен был за спасение. А может, всё вместе сработало. Так что когда он всё-таки вышел к человеческому жилью, на шее у него болтался этот ихний кружочек с палочками.

Тем не менее здравого смысла он не утратил. Просил милостыню, потом пристроился к каким-то паломникам, таким способом добрался до местной столицы. А там нашёл одного из тех, кого высаживал. Тот связался с Землёй, и Семёныча эвакуировали в тот же день.

Скандал был не то чтобы крупный, но неприятный. Корабль считали погибшим, потому что верили в сектор-распределёнку: если сигнала бедствия не было, значит, с кораблём всё, кранты. За этот факап, в частности, слетел тогдашний космофлотовский предкомиссии по чрезвычайным ситуациям. Хотя впоследствии я с ним познакомился – уже на совершенно другой работе – и узнал, что дело было не в этом. А в том, что на это место его рекомендовал Этьен Ламондуа. Который, конечно, гений и солнце, но после факапа на Радуге Горбовский его невзлюбил крайне и все его креатуры убирал при первой же возможности. В общем, не повезло мужику – попал под Горби, как выражается Славин в таких

случаях.

Зато Семёнычу повезло больше. После того случая пилотирование он оставил и пошёл учить курсантов. Это все поняли – ну, чисто по-человечески. То, что он верующий, наше начальство узнало где-то через год, во время сессии: настучал какой-то хмырь, которого Семёныч не допустил до пересдачи. Хмырю сначала не поверили, но Семёныча на всякий случай вызвали на ковёр. А он спокойненько так всё и подтвердил: да, дескать, верую в творца Вселенной. Нет, ни от кого не скрываюсь. Все обряды, как положено, исполняю. С научным мировоззрением и профессией проблем не имею. Не ислам, не фашизм, проверено. Если вас что смущает – хорошо, как скажете, пойду работать в другое место. На подводную станцию, например, там высокая квалификация особо не требуется. Жаль, конечно, но на всё воля божья.

Разумеется, Семёнычу тут же велели идти на психокоррекцию: пилотирование – и так занятие нервное, а тут у человека психоз, надо срочно лечить. На что он заявил, что на психокоррекцию не пойдёт. У ментоскопистов он проверялся, и те считают его нормальным. Что касается убеждений, он вправе их иметь, согласно каким-то старинным законам, которые гарантировали, оказывается, свободу вероисповедания. Нет, Лен, ты представляешь – вероисповедания! Слово-то какое! Но он его откуда-то узнал. Как и то, что это гарантировано конституционно. Хуже того – это гарантировано не абы как, а по причинам, связанным с поли-

тикой Халифата. То есть там за это убивали людей. И теперь никто никогда на эту свободу не посягнёт. Несмотря на всю дикость ситуации.

Нет, ну мы все понимаем, что в бескрайних рядах общественности полным-полно людей с клёпками в голове. Хотя бы тот же Юмизава, который на старости лет астрологией занялся. У других и не такое водится. Бывает, что и на почве какой-нибудь веры. Но это всё психозы, и они лечатся. Есть, конечно, нормальные люди, которые исторической реконструкцией занимаются, обычаями там всякими старинными, ну и религией тоже. Я с реконструкторами раньше имел дело, им тоже артефакты нужны. Нормальные ребята. Помню, как-то раз даже приглашали меня в буддистский монастырь. И мне там понравилось. Красиво, спокойно, роль настоятеля исполнял молодой парень из театрального училища. Отлично, надо сказать, исполнял. Сидит такой, в белых одеждах, и говорит что-то вроде «если природа Будды всегда извечно чиста, как на ней может быть грязь?».

Но это же всё не всерьёз. А тут живой верующий, причём с виду адекватный. Который учит молодых ребят летать. И который хорошо с этим справляется. Так что отпускать его на подводную станцию очень уж не хотелось.

В общем, посидели, покумекали и пришли к такому решению: оставить человека на должности до первых неприятностей. Если они будут – быстро убрать. Ну а так – пусть работает. Небось, со временем придурь из головы сама вы-

ветрится.

Наш курс Игорь Семёнович принял, когда проработал уже десять лет. Никаких проблем не создавал, кроме мелких нареканий. Символ этот свой на груди носил, перед занятиями молился в кабинете, а в речи у него нет-нет да и проскакивали обороты вроде «не дай творец, шлюз перекосило» или «видит всевышний, я был против этой модели». Но шизой от него не пахло, дело своё знал, и, в общем, все привыкли. Ну чудак. Мало ли чудаков.

И вот теперь этот Сикорски из комиссии предлагал мне написать на нашего препода бумажку. В которой я – хошь не хошь – должен прописать и про кружочек с палочками, и про всё остальное. Причём получилось бы так, что это я на Семёныча в комиссию стуканул. Хотя ясно и ежу: Сикорски навёл справки, всё уже знал заранее и нацелился специально. Непонятно только, зачем и почему.

В общем, мнусь я, торможу. А он смотрит мне в глаза, с этакой укоризной: что же ты, парнишка, меня подводишь? Ты же уже почти комконовец, должен понимать: приказ начальника – закон для подчинённых, нам не простят недооценку опасности, ну и про серу и святую воду. И янтарин, опять же, который просто лежит себе на столе, но каким-то боком влияет.

И вот тут Сикорски как-то неудачно повернулся, совсем чуть-чуть. Но я заметил. Маленькую такую деталюшку. Пустячок. Но этот пустячок не вписался в образ. Наверное, это

и сыграло.

В общем, набрал я в грудь побольше воздуха да и выдавил из себя фразу: «По личным причинам не считаю себя компетентным в этом вопросе». Попрощался лицом в угол и ушёл. Заодно и с КОМКОНом мысленно простился.

Со мной связались через две недели – предупредили, чтобы я собрал все документы и готовился к отбытию на Землю. Я удивился слегка, но потом решил, что это была какая-то проверка.

Я тогда ещё не знал, что у Сикорски уже были две бумажки. От других завербованных. Которые, видимо, тоже решили, что это какое-то проверочное задание. И отнеслись к нему ответственно.

А Руди с этими бумажками пошёл к нашему директору. Который – ветеран дальнего космоса и вообще человек заслуженный, но начальства и особенно спецуру боялся до потери пульса. Ну а Сикорски умеет производить впечатление. И тогда уже умел. Чего уж.

Так что буквально на следующий день Игорь Семёныч со всеми нами попрощался, извинился за срыв занятий посреди семестра, дал напоследок ценные советы, ну и уехал. Говорили, на подводную станцию. На ЕН-3036. На Земле места не нашлось, хотя вообще-то желающих работать под водой не так много.

Ну, естественно, потеря преподавателя лётного дела посреди семестра – это вообще-то катастрофа. Потому что лёт-

ное дело – такая штука, тут важны навыки, а они через человека передаются. У другого препода другие приёмы, другие фишки, и когда их тебе по новой впиливают – одно на другое не ложится. К тому же Семёныч ещё и объяснять умел, и мы к этому привыкли. А нам прислали какого-то субчика из Высшей Лётной, который рулил здорово, но двух слов связать не мог, зато обожал гонять нас по справочникам.

Короче, поднялся кипеш. Стали выяснять, кто виноват, и довольно быстро нашли. В том числе и тех, кто написал характеристики.

Знаете, что такое бойкот в лётном училище? Это когда весь курс идёт к начальству с бумажками, а на каждой написано: "Отныне и впредь отказываюсь быть пилотом-напарником такого-то в связи с острой психологической несовместимостью". И они имеют на это право, которое записано в Лётном Уставе. Так что летаешь ты только с преподавателем, что случается редко. На тренажёрах дело другое, там тебе напарника назначают. Который проваливает задание, и вы оба получаете низший балл, но он нагонит свои баллы с кем-нибудь другим, а ты нет, потому что следующий сделает с тобой то же самое. В очереди в столовой человек, стоящий перед тобой, всё время кого-то пропускает вперёд – пока не пройдут все. Разумеется, с тобой никто не заговорит, не даст прикурить, ничего никогда не объяснит и не покажет. Пока ты не покинешь коллектив – тем или иным образом.

Первый парень из написавших бумажку попытался нагло-

таться каких-то таблеток. Его откачали и на следующий день выкинули из училища на законном основании: попытка суицида для пилота означает профнепригодность. Второй дотянул до конца семестра и провалил экзамены.

Да, понятное дело, никакой КОМКОН двоечнику и суициднику не светил в принципе. Так что в «трёшку» поехал я один. И уже там узнал, что на следующий год наш директор ушёл на покой. Видать, работа разонравилась.

Я потом не раз думал, зачем Сикорски всё это провернул. Ведь это была явно его инициатива. Где-то он наткнулся на инфу о том, что в лётном есть странный препод. Напросился в комиссию. Доказательств у меня нет, но я уверен, что напросился. И устроил всё это дерьмо.

Теперь-то я понимаю, что Руди, когда говорил о чертях и сере, в общем-то и не лукавил. Он действительно так думает. Что главное – вовремя заметить опасность и ликвидировать её в зародыше. Так вот, в его голове наш Семёныч, хороший спокойный мужик с кружочком на шее, проходил под бирочкой «инфицирован неизвестной ценностной системой внеземного происхождения». А десять лет, что он нас, дураков, учил – под бирочкой «десять лет бесконтрольно функционирует в организации, по роду деятельности относящейся к сфере стратегической безопасности Земли». Что в сумме давало «обезвредить». Хорошо хоть не убил. Хотя, кажется, у него тогда таких полномочий не было – убивать.

Ну а теперь – почему я не написал ту бумажку.

Честно скажу. Руди меня совсем заморочил, я был уже готов. Просто в решающий момент у Сикорски чуть сбилась эта его пижонская бабочка. Тут-то я и увидел, что она у него на резинке. Фальшивая.

Мелочь, конечно. Но символичная, что ли.

Вот она-то и сыграла.

День 30

Месяц! Месяц уже я здесь торчу! Нет, ну так не бывает. Невозможное дело.

Что нового? Да ничего ровным счётом. Даже сны стандартные снятся. Например, под утро – обязательно девочки из «Барвинка» поют жалостными голосочками «Это было тринадцатого марта». Ненавижу эту песенку. С детства причём. Ну да, понимаю, с точки зрения воспитательной, это очень выигрышно – маленькая девочка умирала от радиации, сочинила добрую песенку и выжила, потому что очень хотела жить, ура. Давайте, ребятишки, и мы такими будем. «И сгорали дома и деревья, и никто не остался в живых, но надежда ещё не пропала, всё же будем мы жить на Земле». Буэээ. Хуже только «Этот большой мир», под которую пьяным пилотам полагается рыдать. Я как услышу в кабаке «там, вдали, там, возле синих звёзд», так сразу оттуда делаю ноги. Потому что примета верная: сидят пилоты транспортных линий, упитые в зюзю, и воображают себя участника-

ми Первой Галактической, не меньше. Один такой меня чуть до белого каления не довёл рассказом о том, как он с Комовым в обнимку штурмовал Слепое Пятно. Всех там спас, но по интригам завистников был сослан на трассу «Москва – Кассиопея», возить детишек в летний лагерь. Я потом даже проверил – действительно есть такая трасса с Москвы. Точнее, со станции «Чертаново», где есть космопорт. Да-да, возят именно челноками. Так как в кассиопейском лагере нет нуль-Т. Чтобы детишки в припадке тоски по родному интернату не пытались вернуться своим ходом. Воспитательный процесс требует жертв, ага.

Ладно, не будем о грустном. Лучше уж обратно в прошлое.

В общем, Комов опасался Сикорски и его интриг. По его мнению, Руди постарается задержать его на Леониде под любым предлогом. Поэтому он намерен и дальше притворяться овощем, а при первой оказии бежать на Землю. План у него есть. Единственное, что ему нужно – личные вещи. Которые прибыли вместе с ним и хранятся где-то здесь.

Комова я понял. И пообещал помочь. После чего тот отправился к себе в медкамеру, и с тех пор я его больше не видел. И вряд ли теперь увижу, но тогда я этого не знал.

В общем, мы попрощались, и я занялся делом. Для начала – выяснил, в каком виде Геннадий Юрьевич сюда попал. В базу санатория я залез довольно быстро, крысиный ход там был стандартный. Как защёлку пальцем снять.

Вот, кстати, смешная тема. Все знают, что в любой программе, работающей с какими-то данными, есть закладки, позволяющие обойти защиту, пароли и тэ пэ. По идее, никого это не должно особенно парить. Потому что защита и пароли ставятся не для того, чтобы скрывать какие-то страшные тайны. А исключительно от дурака. То есть это мера чисто техническая, к личным делам и секретам не имеющая отношения. Чтобы какой-нибудь стажёр не стёр случайно ценную информацию, например. А в компетентных инстанциях вроде нашей дураков не держат, если мы чем-то интересуемся или что-то меняем – значит, так надо для дела. Поэтому для нас есть чёрный ход, который всегда открыт. Вроде бы доступная мысль. Даже для общественности. И тем не менее по этому поводу регулярно возникает какой-то кипеш. Страшные спецслужбы лазают по нашим базам, что-то вынюхивают и портят, ужас-ужас. Я лично знаю пару эпизодов, когда солидные вроде бы люди на голубом глазу прикрывали свои факапы.

Взять, к примеру, такой случай пару лет назад. К Евгению Марковичу обратился – неофициально, по старой памяти – один его старый знакомый, климатолог-океанограф. И слёзно попросил защитить его данные от злобного вмешательства ДГБ, которое, по его мнению, портит ему базу.

Славин удивился и попросил объяснений. Тот ему сказал, что построил глобальную модель мирового океана, точно и качественно предсказывающую долгосрочные измене-

ния системы мировых течений. Данные для модели обеспечивали миллионы датчиков, распределённые в океанской толще и измеряющие все характеристики воды, от плотности до химсостава. Так вот, океанограф верил, что у ДГБ на дне морском есть секретные базы, которые нагревают воду и выделяют какие-то вещества. И чтобы скрыть их расположение, галакты регулярно влезают в его базу и фальсифицируют данные.

Естественно, это был полный бред. Секретные базы ДГБ в земных океанах не держит с послеполуденных времён. А если бы они и были, то никаких веществ не выделяли уж точно. А если и выделяли, то зачем им вмешиваться в расчёты климатологов?

Но Маркович всё-таки поговорил с Фокиным и получил от того разрешение на расследование.

И что же? Выяснилось, что данные и вправду затирали и фальсифицировали. Но делали это не галакты и не мы, а того самого климатолога любимый аспирант. Этот паршивец сочинил красивую теорию взаимодействия литосферных плит с океанской толщей и собирался защищать по ней диссер. Он его уже написал, и тут выяснилось, что есть один факт, опрокидывающий все его наработки – наличие гидротермальных источников на тех участках океанского дна, где, по его расчётам, их нет и быть не может. Что требовало как минимум серьёзного пересмотра всей концепции, а как максимум отправляло её в мусорку. Парень был к этому, в прин-

ципе, готов. Но ему очень хотелось защититься: чтобы получить доступ к ресурсам, персональный резерв человеко-часов и прочие радости человека с научной степенью. Поэтому он решил сначала получить корочки, а потом уже признать факап. Ну а чтобы подстраховаться, подкорректировал данные по теплу и выбросам сульфидов и оксидов. Подкорректировал неаккуратно, поэтому научник, на этой теме собаку съевший, вмешательство заметил. И принял за козни спецслужб. Конкретно – галактов, потому что как раз в это время шёл очередной сериал про них, родимых. Ну говорю же, учёные глотают не жуя даже пропаганду по федеральным каналам. И сериалы смотрят за милую душу, черпают из них знания о жизни. Тьфу, да и только.

Ладно, что-то меня опять не в ту степь занесло. Вернусь-ка лучше к своим делишкам скорбным.

Короче, в базу санатория я вошёл. Прошёлся по файлам и быстро обнаружил, что Комова сюда привезли вместе с носильными вещами. Которые хранятся, в силу их особой значимости и ценности, в директорском кабинете, в сейфе.

Это осложняло ситуацию, но ненамного. Потому что в директорском кабинете я уже бывал и сейф этот видел. Обычный железный ящик с электронным замком, открывается обычным сканером, если знать как. А сканер можно прихватить у медиков.

Однако неофициальный визит в директорский кабинет я отложил на следующий день. Потому что ночью медблок за-

крыт, и там сидит дежурный. А днём всё открыто и полно людей, так что я смогу спокойно зайти, взять что нужно и не привлечь особого внимания.

Что я собирался делать после этого? Ну, естественно, вернуть всё Комову. Его дальнейших планов я не знал, да и зачем. Я и без того был уверен, что он выберется. Человек из чёрных дыр выбирался, а тут какой-то паршивый санаторий.

В принципе, надо было бы поспать. Но сон не шёл, даже сигара не помогла. Так что я открыл файлы Виттеля и принялся в них вдумчиво ковыряться.

Протоколы МКпИПКО оказались объёмными и хаотичными. Содержали они не только решения, но и расшифровки прений. А также разнообразные приложения, от официальной переписки до объёмистых докладных. Всё это было не рассортировано, а навалено в кучу и так заморожено. Разобраться во всём этом хламе мог бы, наверное, Коллектор Рассеянной Информации, вот только зачем.

Поэтому я начал с поиска по ключевым словам. Первым ввёл слово «Аврора». Просто на всякий случай.

Выяснилось нечто странное. Лет с двадцать назад имя запрещённой планеты начало появляться в репликах членов комиссии. Раньше о ней вообще не вспоминали. А тут начало проскакивать: «Ну и будет как с Авророй», «Нам ещё одной Авроры не хватало» и всё такое. Контекст разговоров – обсуждение различных факапов, связанных с переименованием планет, разрабатываемых какими-нибудь специфиче-

скими ведомствами, и прочих таких осложнённых случаев.

При этом никаких официальных следов самой «истории с Авророй» я не нашёл. Никаких прений по планете с таким названием не было. Во всяком случае, следов какого-нибудь заседалова по этому вопросу я не обнаружил. Члены комиссии явно что-то знали, но наружу не выносили, по крайней мере, на официальных сборищах.

И я уже совсем пал духом, когда посреди очередного скучнейшего протокола наткнулся на аккуратно вставленный в строчку ключ к неиндексируемому БВИшному файлу. Виттель всё-таки оказался не совсем уж бесчувственной скотиной: дал мне маленький шанс. Дескать, найдёшь – твоё, не найдёшь – извини.

Но я нашёл.

День 31

От же пёс, до чего же громко ногти по клавишам стучат, как же это меня раздражает. Ещё усы над губой нависли, тоже неприятно. Надо всё-таки заняться ножницами. Завтра и займусь. А пока – вперёд в светлое прошлое.

Хотя нет, сначала матчасть. Может, Лена не в курсе.

Неиндексируемый файл БВИ – это очень специфическая вещь. О том, что такое вообще существует, знают только сотрудники Информатория и люди, всю жизнь занимающиеся поиском информации. И даже из них мало кто осведомлён о

том, что это никакая не секретная фича, а след старого факапа. И я бы не знал, но так уж получилось, что я в курсе. Извини, эту историю рассказывать не буду – она длинная. Короче, знаю. Такие дела.

По сути. Мы все как бы понимаем, что БВИ – это наше всё. Мозг и сердце земной цивилизации. Даже у Тагоры такого нет. Ну, насколько нам известно. Про тагорян всегда сложно сказать, что у них есть, а чего нет. Тем более что обнаружить хотя бы следы чужих баз в омега-пространстве практически невозможно.

Я, кстати, одно время пытался понять, что это за штука – омега-пространство. Говорил даже с математиком из Информатория. Толковый мужик, объяснять умеет. Но тут он спасовал – то переходил на этот свой жаргон, то начинал на салфетках рисовать, то за голову хватался. В общем, я так понял, что это какая-то изнанка нашего мира. Физические объекты там существовать не могут, времени там тоже вроде как нет, а вот информацию туда запихивать только в путь. И, соответственно, доставать её взад. Из любой точки Вселенной. Ну, или хотя бы Галактики. Со Вселенной есть какая-то сложность, а какая – я так и не врубился. Но на Земле и всех земных колониях это работает, математик зуб давал и даже два.

Беда в том, что информация в БВИ хранится в каком-то совершенно жутком виде. То есть не как биты с байтами, а в виде… специально заучил… ну блин же! Как же это? Сей-

час. В виде калиброванных омега-компактов, информатированных как единый квазибесконечносвязанный омега-компакт с нулевым ДЕГ-балансом, вот. Если только я ничего не перепутал. Чтобы я ещё понимал, что эта ахинея означает! В общем, смысл такой, что любой бит информации как бы размазан по всему омега-пространству, и его нужно оттуда как бы соскребать. И алгоритмы работы с этими самыми омега-компактами – сплошная жуть. Логика там абсолютно нечеловеческая. Что и неудивительно. Но ковыряться-то во всём этом нам. Поэтому программное обеспечение писали тридцать лет, всё проверяли и перепроверяли, как только могли. Потому что после первичной загрузки Информатория основные алгоритмы менять было уже практически невозможно: они там лежат вместе с данными в том же размазанном виде.

Ну, в общем, программисты и физики не подвели. Почти. Потому что всего два факапа на работу такого объёма – это как раз «почти».

Первый факап был неизвестно чей. То есть даже не так – точно ничей. Никто не виноват. Хотя последствия были очень даже ощутимыми.

В старых компах и панельках использовалась такая деталюшка – вакуумный тубусоид FH-92-U. Четырёхразрядный, статичного поля, ёмкость два. Деталюшка как деталюшка, для стабилизации полевых микроконфигураций. Старая разработка, придумана на Аляске в догудбайные времена. С тех

пор конструкцию не меняли: зачем? Работает и работает, от добра добра не ищут.

И вот появилась разновидность омега-контроллеров с уменьшенным гнездом для флеш-конденсатора подпитки. Тут-то и выяснилось, что если этот самый тубусоид вставить в то гнездо, он начинает работать как дистанционное психокорректирующее устройство с самоподстройкой. От чего люди впадали в многочасовые видения. Всякого разного содержания. Хотя содержание-то как раз не особенно разное. Возбуждаются древние центры мозга, связанные с получением удовольствия. Ну и так далее. Без подробностей, хорошо?

Когда это вылезло наружу, наши раскопали кое-какие старые документы ИСК (который потом стал ИЭИ). В которых обнаружили так называемые «отчёты Жилина», переданные туда после расформирования Совета Безопасности и благополучно пролежавшие там без движения незнамо сколько времени.

Выяснилось, что штатовцы про этот эффект знали. Только засовывали эту дрянь не в омега-контроллеры, а в старинные радиоприёмники. Которые власти в конце концов у населения конфисковали, на чём всё и кончилось. Приёмники конфисковали, а не эти деталюшки. Потому что приёмники были старые, а деталюшки выпускала какая-то ихняя корпорация, с которой американское правительство ссориться не хотело. Гримаса капитализма в чистом виде, прямо по учебнику.

Мы-то, конечно, вопрос решили радикально. FH-92-U изъяли повсеместно и запретили к производству. И все остальные детали на том же принципе. А вместо тубусоидов стали выпускать МДК-карты. Которые менее надёжны, чем тубусоиды. И обходятся в пять раз дороже по человеко-часам. Зато от них никакого удовольствия получить невозможно, куда ты их ни суй.

Но что самое смешное. Общественность на эту тему молчала как убитая и никакого кипеша не поднимала. И понятно почему. Потому что всякого, кто открывал рот по поводу тубусоидов, могли спросить – а ты сам пробовал? Ну а что именно пробовал – это и ёжику понятно. Потому что мы, конечно, все очень сознательные, но биологические инстинкты никто не отменял. Во всяком случае, полностью. А что у нас там записано в биологии, лучше лишний раз не вспоминать. К ночи особенно.

Лена, ты можешь спросить: «Дядя Яша, а у тебя на складике лежит коробочка с этими фигульками?» И дядя Яша скажет: «Да, лежит, и не одна». Потому что у меня на складе должно лежать всё и ещё чуть-чуть. На следующий вопрос – ответ отрицательный. Нет, не пробовал и не собираюсь. Несмотря на всё своё любопытство.

Я вообще-то и знать бы не желал про эти штуки. Но вот знаю. И даже два раза. И раньше, и особенно теперь, после всего того, что у меня в голове.

А ведь ни разу не хотел.

День 31

Расстроился как-то, не дописал. Когда вот так сидишь сычом, становишься сентиментальным. Вивальди тоже способствует душевной сырости. А вот послушал каприс Паганини и вроде как взбодрился. Можно ещё посидеть.

Ну так на чём я остановился? На факапах, да.

Первый факап к самой БВИ не имел отношения. А вот второй имел, он-то и привёл к появлению неиндексируемых файлов.

Суть дела в чём. Оказалось возможным – из-за очень тонкой и трудноотслеживаемой ошибки системы – создавать пакеты данных, прозрачные для поиска. То есть они корректные, эти данные, вот только система их не видит. Выйти на них можно по прямой ссылке, точно указывающей на соответствующий омега-компакт. Сама эта ссылка, физически – огромный файл, который обычно хранится в той же БВИ. Её-то найти поиском можно, это обычные данные. Но понять, что это именно ссылка и куда она ведёт, не имея ключа – это почти нереально. Хотя именно почти: если очень вложиться вычислительными мощностями и если очень повезёт, то выйти на неидексируемый файл всё-таки удаётся. Были прецеденты. Поэтому КОМКОН данным способом хранения информации не пользуется. Мы предпочитаем шифроконтейнеры и прочий олдскул. А вот галакты это любят. Похоже,

симпатяга Ингмар набрался науки именно в этой конторе.

Короче, я активировал код. И получил пакет данных. Каковые представляли собой документы некоей «подкомиссии МКпИПКО по экспертной работе и взаимодействию». Без дальнейших уточнений.

Ну, насчёт того, с кем именно взаимодействовала подкомиссия, я угадал сразу. Первый же файл, который я открыл, был посвящён совместному заседанию с галактами, которые устроили скандал по поводу планеты Владеслава. Нет, не той самой, старинной, ЕН-17, на которой звездолётная база – она Владислава, через «и». А есть, оказывается, ещё и Владеслава через «е», это планетоид в системе ЕН-3903, и там тоже есть звездолётная база, а также ещё всякие интересные объекты. Что-то там такое произошло настолько нехорошее, что планетоид закрыли для посещений и поставили на охрану по «жёлтому уровню». Это не совсем запрещённая планета, но всё равно довольно серьёзно.

Проблема же состояла в том, что буквально в то же самое время, когда планетоид закрывали, Комиссия его переименовывала. Нет, не потому, что появился какой-то дубль. А по личной просьбе уважаемого человека из Космофлота. Который когда-то этот планетоид открыл и Владеславой назвал просто от балды. А теперь прошло пятьдесят лет, у него поздний роман, дым из ушей и всё такое прочее. И дама его сердца, видите ли, не поверила, что планетоид назван не в честь какой-нибудь юношеской любови. И устроила по это-

му поводу сцену. Причём работала она как раз на этой самой Владеславе. Ну и, в общем, пошёл старик к друзьям и попросил помочь. Друзья у него были в больших космофлотовских чинах и званиях, вплоть до адмиральских. Они позвонили в Комиссию и объяснили ситуацию. В Комиссии тоже не звери сидят, понимают – дела сердечные, то-сё, человек ну очень уважаемый. Собрались и переименовали планетёнку в Ставриду, в честь рыбы. В качестве причины вспомнили про ту старую Владиславу через «и» – дескать, люди путаются. Никто на самом деле не путался, потому что где ЕН-17, а где ЕН-3903 – сами понимаете. Но надо же было как-то обосновать, вот и обосновали.

И всё прошло бы гладко, если бы не ДГБ. Потому что уже оформленные документы на закрытие Владеславы повисли в воздухе, ибо она уже формально не существовала, а на Ставриду как раз выписывали новые документы. И всё это время планетоид болтался в непонятном статусе, а галактов это категорически не устраивало. Когда же они по своим каналам выяснили, из-за чего сыр-бор, то просто разъярились, потребовали созыва той самой подкомиссии и устроили первостатейный кипеш. В лучших традициях этой милой конторки. То есть с угрозами, оскорблениями и так далее по всем кочкам. Я прямо даже зачитался.

Но о своём вопросе всё-таки не забыл и, насладившись стилем, ввёл в поиск слово «Аврора».

День 32

Странное какое-то чувство: месяц кончился. Что дальше? Темна вода. Болтаюсь тут как цветок в проруби, слушаю Вивальди и продолжаю свои записульки. Вивальди, кстати, ничего так идёт. С великими немцами, конечно, не сравнить, но я и не хочу сравнивать. Это вообще не про то – если вы понимаете, о чём я.

Ладно, хватит музыки, займёмся литературой. Можно же считать, что этот мемуар – литература? Наверное, всё-таки нет. Литература – это я знаю что такое. Там герой бегает, стреляет, спасает и сохраняет. А если герой вдруг сидит на попе ровно, так, значит, замышляет какую-нибудь стрельбу, беготню или спасение-сохранение. Ну а я тут сижу на попе и рассказываю, как сидел на попе раньше и втыкал в какую-нибудь писанину. И хоть бы кого пристрелил или на худой конец трахнул… Вот же гадство, всё-таки скатился до генитального юмора. Хотя – и хрен с ним. О, пёс, опять он. Ну что ты будешь делать.

А кстати – что? Писать буду дальше – вот что.

Судя по текстам протоколов, заседание по Авроре было очень длинным и донельзя скандальным. Причём тут отметились уже не дэгэбэшники, а наши. Честно скажу: я их понимаю.

Ситуация – насколько я смог её восстановить из текста –

была примерно такая. Планету Аврора объявили запрещённой почти сто лет назад. После публикации мемуара «Руматы Эсторского» и последовавшего за этим кипеша. Запрещённая планета – это серьёзно. Это значит, что никаких землян на ней не должно быть в принципе. Включая КОМКОН и ДГБ. Нет, даже не так: в первую очередь – КОМКОНа и ДГБ.

На практике это означает вот что. Сначала планета эвакуируется. То есть тщательно зачищается от землян, включая останки погибших при исполнении. Вывозится также вся земная техника, желательно – до винтика. Далее объявляется запрет полётов, что включает в себя целый комплекс мер, включая дипломатию – те же тагоряне не любят, когда им запрещают куда-то летать. В это время планета блокируется силами Космофлота. Дальше прилетают инженерные суда и раскидывают над планетой сеть следящих спутников. И, наконец, в стратегических точках устанавливаются автономные нуль-генераторы модели «Пелена-2», гонящие стоячую нуль-волну. При попытке достаточно крупного материального объекта пересечь границу системы спутники срабатывают, генераторы включаются и нарушитель увязает в вырожденном пространстве, как муха в янтаре. После чего с Земли прибывают компетентные люди – разбираться, что да как. В общем, это работает, про сколько-нибудь серьёзные факапы я не слышал.

Однако Аврору объявили запрещённой ещё до появления полноценного нуль-Т. Тогда ничего, кроме старой доброй

эпсилон-деритринитации, в распоряжении Земли не было. Соответственно, вместо «Пелены» там была установлена система принудительной посадки, для своего времени довольно продвинутая, но сейчас уже неэффективная. Хотя бы потому, что можно сбросить с высокой орбиты тысячу нулькапсул, и если хоть одна долетит до поверхности невредимой, то на всю тщательно простроенную изоляцию можно положить с пробором. Или с прибором, но положить всё равно можно.

Обнаружилось это обстоятельство где-то лет двадцать с гаком назад. Как и почему – комконовцы объяснять не стали, а на все требования членов комиссии поделиться хоть какой-нибудь информацией включали дурочку. Думаю, если бы у меня было время и желание покопаться в репликах, я бы что-нибудь нарыл, но у меня не было ни того, ни другого. Я хотел наконец узнать хоть кусочек правды. Так что это всё я благополучно пропустил. Для меня было важно то, что систему решили заменить на более современную и в ходе этой замены обнаружили на планете что-то настолько неприглядное, что резко поменяло все планы. В том числе и по дальнейшей изоляции.

А именно. Было решено – я так понял, на уровне Мирового Совета – изменить статус планеты с «красного» на «жёлтый». То есть снять изоляцию и разрешить деятельность историков (а значит, и спецслужб). При этом, однако же, интерес общественности нужно было как-то купировать. За

этим-то и понадобилась Комиссия.

Чего КОМКОН хотел? Простой вроде бы вещи: чтобы МКпИПКО планету втихую переименовало. Причём именно что втихую. Под любым предлогом или без, но именно что не привлекая внимания. Учитывая, что интерес к Авроре за сто лет хоть и поутих, но не вовсе сошёл на нет, сделать это было на порядок сложнее, чем с какой-нибудь Владеславой-Ставридой и прочими никому не интересными небесными объектами. Но КОМКОН брал решение этих проблем на себя. От Комиссии требовалось одно – принять решение и поставить подписи.

Проблема состояла в том, что предкомиссии в те времена был некий Дауге Георгий Пикович. Дальний родственник того самого Дауге, про которого написано во всех учебниках.

В мемуаре Виттеля этот Дауге фигурировал, так что персонажа я запомнил. Если верить Ингвару, это был тихий, аккуратный старичок – вполне вменяемый и сговорчивый. Но было у него одно свойство, очень всех раздражавшее. А именно – время от времени он категорически отказывался утвердить новое название небесного тела. Причём ладно бы он обрубал глупые, смешные или скверно звучащие названия. Нет, у него было особое пристрастие: он не выносил имён, имеющих хоть какое-то отношение к религии, мифологии или к чему-то близкому. В таких случаях он принимался переубеждать просителей сменить его на другое, а когда те упирались – озлоблялся и принимался строить пако-

сти, всячески тормозя и затягивая процесс. У Виттеля описывался случай, когда новооткрытую планету-гигант, которую какой-то очередной дурак назвал Экзантемой, пытались переименовать в Большого Зевса. Дауге затянул процесс на полгода, извёл всех своим упрямством, но добился того, что Экзантема стала не Большим Зевсом, а Большим Ониксом.

Причины такой упёртости меня тогда заинтересовали, и я выгреб из БВИ данные на старичка. Выяснилась забавная вещь. Оказывается, Дауге всю жизнь состоял в общественном объединении «Atheist Alliance International». Организация это невероятно древняя, с многосотлетней историей, восходящей ещё к дополуденным временам. Уставная цель – борьба с религиозными предрассудками и распространение научно-материалистического мировоззрения.

Сначала не понял, чем же они в таком случае занимаются теперь. Найти на Земле каких-нибудь носителей религиозных предрассудков – это надо ну очень постараться. Даже наш Семёныч из лётного хоть и веровал, но от научного материализма не отступал. Во всяком случае, в лётном деле. И к тому же он был один такой, это на сорок миллиардов-то.

Однако, копнув чуть глубже, я выяснил, что AAI не скучает. У них, оказывается, полно дел. Более того, организация умудряется регулярно подымать какой-нибудь кипеш. Не очень большой и к тому же за пределами нашей компетенции, так что эти эпизоды мимо меня благополучно прошли. Хотя некоторые были забавными.

А именно. Товарищи атеисты поступили ровно так же, как поступают все организации, достигшие своих целей. За неимением реальных задач они начинают выдумывать их себе сами, стремясь при этом максимально достать окружающих.

Лет десять назад AAI учинила кампанию за ликвидацию выражений типа «бог знает» или там «чёрт возьми». И таки искоренили, во всяком случае, на официальных видеоканалах. Теперь бога вообще не поминают, а чёрта заменили почему-то на пса. Хотя логика тут какая-то присутствует: мы же «сукой» ругаемся, значит, и «псом» можно. Я, кстати, не возражаю, даже сам так говорю. Переучился, можно сказать. Ну я вообще собак не люблю. Но всё-таки смешно же. Потом они боролись с символом Спасательной службы Космофлота, на котором разглядели нимб и крылышки. Правда, как раз в этот момент космоспасателей слили под Комиссию по чрезвычайным ситуациям и знак у них поменялся на глаз в треугольнике, так что усилия атеистического альянса пропали зря. Относительно недавно они попытались побороться с именами, содержащими мифологические коннотации, типа диан там или венер, несколько раз получили по рукам, но не теряют бодрости и ведут агитацию за отмену символа галактического времени, потому что усматривают в нём крест. Кстати, в постоянной Дирака они его тоже усматривают и тоже борются… В общем, люди живут полной жизнью. Полной то есть борьбы, побед, поражений и всяких прочих волни-

тельных переживаний. Причём всё вроде как по-настоящему. Я даже немножко позавидовал.

И вот, значит, Дауге, как член AAI, вёл на своём рабочем месте священную войну со всем священным. По мере сил пресекая попытки назвать какую-нибудь комету Предестинацией, а планетоид – Перуном. Дай ему волю – он бы и наш родной Марс при первом удобном случае переименовал бы в Маркса.

Естественно, старичка недолюбливали. Увы, избавиться от него было не так-то просто – Георгий Пикович был хранителем архива великого предка. Архив представлял огромную ценность для историков ранних космических исследований, а Дауге его из своих цепких лапок не выпускал. Так что старичка приходилось ублажать. Тем более что во всём остальном он был вполне удобной фигурой.

И вот этот самый Дауге, вместо того, чтобы прислушаться к мнению уважаемых людей и сделать то, о чём его просили, упёрся. По всё тому же поводу: ему, видите ли, не понравилось название, предложенное комконовцами. Потому что они хотели переименовать Аврору в Дриаду, а это, видите ли, существо мифологическое. А то, что предложение было согласовано лично Полем Гнедых на уровне Мирового Совета, Георгия Пиковича не впечатлило. Никаких Дриад, и всё тут.

Ситуация была дурацкая. Всемогущий – по мнению общественности, во всяком случае – КОМКОН оказался в чём-

то зависим от тараканов в голове мелкого функционера. На которого в данном случае не было никакой законной управы: объехать МКпИПКО было невозможно даже теоретически. За неимением другой инстанции с аналогичными полномочиями. Включая Мировой Совет, который может своим решением объявить войну Тагоре, а вот переименовать планету не может. Потому что армия и Космофлот – инстанции прямого подчинения исполнительной власти Земли и должны выполнять любые приказы начальства. А дурацкая Комиссия утверждается руководством Института Астрофизики, то есть выборным органом. С которым даже Горбовский вынужден разговаривать вежливо и кротко, так как автономия научных учреждений – это святое.

Вот тоже, кстати, интересная тема. Как учит нас Теория Исторических Последовательностей, демократические процедуры на достигнутой нами ступени развития – это безнадёжная архаика. Общество должно управляться научными методами. Оно ими и управляется. Включая кадровый вопрос: руководить чем бы то ни было можно только по результатам тестов и ментоскопического исследования, которое должно удостоверить наличие у человека соответствующих способностей и склонностей. Служебный рост происходит через анализ успехов и факапов, каковой осуществляется в основном компьютерами. Да, принципы анализа задаются политическим руководством, которое над системой, потому что политика сама себя определяет. Но в целом всё рабо-

тает и никто не жалуется, потому что жаловаться особо-то и не на кого. Работает это везде, кроме политики и спецслужб. И ещё – науки. Той самой, которая должна была бы первой реорганизоваться с учётом собственных достижений. А на деле была и остаётся самым архаичным из всех земных институтов. Фактически, там ничего не менялось с тех пор, как восстановили университетскую систему. А в чём-то и откатилось к двадцатому веку. Взять хотя бы ту же самую автономию. Которая включает право учёных выбирать себе руководство самыми что ни на есть прадедовскими методами типа тайного голосования. И ни перед кем не отчитываться.

ТИП, конечно, объясняет и это. Дескать, общество развивается диалектически. То есть так, что одни институты объективно являются источниками инноваций и мотором развития для других, но сами в этот момент не развиваются, объективно играя роль фактора устойчивости. И что научное преобразование научного сообщества может произойти только в форме завершения перестройки всего общества на основании научной парадигмы. Каковое завершение объективно-диалектически тормозится экспансией человечества в Космос, согласно с объективными законами развития. И так далее и тому подобное. Вот только не нужно это говорить научникам, особенно тем, которые чего-то достигли в своей области. Ничего не скажут, но будут за дурака держать, а это, знаете ли, неприятно.

Хотя. То, что научники про себя думают, я тоже знаю. И

все мы знаем. Но в это я тоже не верю.

Думаю, всё дело в том, что мышление научным не бывает. В том числе – научное мышление. И с правильным рациональным управлением оно не очень дружит.

Взять хотя бы историю с нуль-Т. Ну не было никаких предпосылок для прорыва в этом направлении, не было! По логике – надо было заниматься совершенствованием эпсилон-деритринитации. Этим все и занимались, тратили горы ресурсов и человеко-часов. Мало кто знает, сколько именно. А я знаю: у меня на складе до сих пор лежит деритринитационный привод «Магистр» четвёртой модели. Огромная такая дура, шедевр инженерной мысли. Стоимость по ресурсам – примерно как планету терраформировать. На пиковой мощности давал скрутку в тысячу риманов. Целую тысячу! Сейчас смешно звучит, а когда-то звучало гордо. И закладывалась уже пятая модель, на тысячу двести. Причём её планировалось делать с внешним источником энергии, потому что для эпсилон-деритринитации на высоких риманах её расход возрастает экспоненциально. Над задачей снижения потерь при скрутке четыре института работало. Четыре!

А потом появился Ламондуа со своими завиральными идеями. Под которые ему требовались люди и ресурсы, занятые важным практическим делом. И он ни за что бы их не получил, если бы не Академия. Которая, как рассказывал Славин, встала на его сторону и выдала планету для опытов чисто из вредности – чтобы насолить Горби, который тогда

очень уж сильно засунул нос в учёные дела. Потом, правда, Леонид Андреевич отыгрался по полной, но это было уже потом.

Вот и думай: управляйся наука по-научному – выделили бы Ламондуа средства? Я так просто уверен, что нет. Так бы и клепали дальше «Магистров» этих дурацких.

С другой стороны, эта самая автономия иногда создаёт реальные проблемы. Ну вот хотя бы. Например: какой-то ценный артефакт попал в музей. В любой музей, хоть при водорослевой ферме. И вдруг этот артефакт понадобился для каких-то срочных и важных дел. Скажем, Мировому Совету. Так вот, Мировой Совет его не получит. Потому что экспонаты не выдаются. Вообще никому. Ни частным лицам, ни Мировому Совету, никому вообще. Даже исследовать экспонаты можно только в стенах музея. И при предъявлении соответствующих полномочий, которые выдаёт отнюдь не Мировой Совет, а всё те же академические инстанции.

Я лично помню две ситуации, когда КОМКОН напарывался на этот сучок. Причём в первом случае очень нужный и крайне опасный экспонат хранился в зачуханном музейчике при мемориале на пятом спутнике планеты Малая Тульпа.

Да, Лена, я бы тоже не поверил, что такое вообще существует. А он есть. И функционирует на самых что ни на есть законных основаниях.

Дело было так. Малую Тульпу – газовый гигант на грани превращения в звезду – открыл астрозонд. Потом туда от-

правился какой-то идиот из Группы Свободного Поиска. Уж не знаю, что он там искал, но нашёл он спутники этой самой планеты, которых оказалось тридцать шесть. От нечего делать он принялся их посещать один за другим. И на одном из них обнаружил огромный и очень красивый никелево-вольфрамовый самородок в полкилометра размерчиком.

А надо сказать, что данный товарищ, на своё и наше несчастье, до прихода в ГСП пробовал себя в художественном творчестве. Конкретно – занимался скульптурой, с уклоном в монументалистику. И при виде такого роскошного материала у него просто руки зачесались что-нибудь изваять. Взял за образец себя любимого, сделал на компе эскиз, обсчитал параметры, отправил киберов с плазменными резаками. А пока они там возятся, решил слетать на следующий спутник. Где и наткнулся на обломки разбившегося судна хаттифнаттов.

Удача, конечно, редкая: от хаттифнаттов мало что осталось. У человека хватило ума сразу доложиться в К0М-К0Н-1. Его поздравили с открытием, поблагодарили и тут же сообщили, что все спутники Малой Тульпы объявляются закрытой поисковой зоной, а его самого ждут на Земле немедленно. Если он, конечно, хочет попасть в одну из поисковых групп ксеноархеологов. Если же такового желания он не изъявит, достаточно просто покинуть систему.

Желание товарищ изъявил. И через три недели, уже как рядовой член группы, любовался делом рук своих – огром-

ной статуей человека в скафандре со снятым шлемом, с его же собственной физиономией, устремлённой к звёздам. А рядом стоял замначгруппы и говорил очень неприятные вещи. Оказывается, счастливый первооткрыватель, подписывая обязательства перед ГСП, невнимательно читал документы. В которых содержится требование, чтобы любые действия члена ГСП на любом небесном теле были запротоколированы и имели бы исследовательские цели либо цели обеспечения безопасности. Более того, там имелся специальный пункт о вандализме, согласно которому любые действия, производимые с целью увековечивания факта посещения членом ГСП небесного тела, приводят к автоматическому исключению данного члена из ГСП. Грубо говоря, расколоть гору, чтобы спасти себя или коллегу по экспедиции, можно и нужно. Расколоть гору, чтобы посмотреть, что там внутри, тоже, в общем-то, можно. Но вот вырезать плазморезом на этой самой горе «Здесь был Вова» или «Катя, я люблю тебя» – нельзя. Причём нельзя категорически.

Запрет, конечно, правильный. Потому что дурацкое желание оставить след на века в людях очень сильно. Во времена освоения Солнечной это было явлением крайне распространённым. У нас все астероиды исписаны дурацкими надписями. Которые сейчас считаются историческими памятниками, но вообще-то половину всего этого безобразия аккуратно затёрли. И чтобы больше такого не было – приняли соответствующие правила.

Ситуация получилась совершенно идиотская. Полукилометровую статую спрятать невозможно. Уничтожить – можно, но в экватории, в которой ведутся поисковые научные работы, такое действие нужно обосновать и запротоколировать. Короче, человек попал.

Однако незадачливый скульптор оказался не так прост. Выслушав всё это, он побежал звонить на Землю. Где у него был старый знакомый, юрист из Космофлота. Который подумал-подумал, поднял кое-какие инструкции и дал ему дельный совет. А именно – объявить плод его творческих усилий мемориалом. Поставленным в память о погибших хаттифнаттах. Потому что памятники погибшим космонавт ставить вправе, это святое. Разумеется, если они погибли поблизости – по космическим меркам, конечно – от возводимого памятника или мемориала, и если никто другой не возвёл его раньше. Но с этим в данном случае всё было в порядке.

Правда, такое заявление должен был завизировать начгруппы. Он оказался нормальным мужиком. Ситуацию понял, посмеялся, конечно – а потом всё подписал. "Мы, члены научной группы такой-то, потрясённые гибелью представителей древней высокоразвитой цивилизации, извещаем о том, что намерены воспользоваться неотъемлемым правом космонавтов на возведение мемориала в честь погибших…" И в конце приписочка: "по морально-эстетическим соображениям просим разрешить изображение погибших в антропоморфном виде".

Эта приписочка, кстати, в случае с хаттифнаттами всегда уважается и принимается во внимание. Потому что мемориалы люди возводят для себя. А внешний вид хаттифнаттов, как бы это сказать, не очень приличный. У нас их даже в книжках изображают схематически – как такие палочки, что ли. И деликатно добавляют текстом, что они похожи на грибы. Но если честно, похожи они не на грибы, а на кое-что другое, только огромного размера и с щупальцами по бокам. А так – точь-в-точь оно самое, ну ты поняла, Лена. Ксенобиологи когда мне первый раз показали подлинные записи с хаттифнаттских судов, я аж поперхнулся. И понял, почему такую благодатную тему в сериалах не используют.

Так что просьбу насчёт антропоморфизма уважили и дурацкую статую занесли в список мемориальных комплексов. А первооткрыватель остался в группе, проработал на раскопках три года и потом подался в ксеноархеологи.

Но тут есть такой момент. Мемориал – это совершенно конкретный объект, который должен быть оборудован совершенно определённым образом. Например, на мемориале должна быть памятная доска, извещающая о причинах его установления. Должен присутствовать маяк с омега-контроллером, извещающий, что это – мемориал, а не хрен собачий. Должно быть то, должно быть сё, и среди всего прочего, при мемориале, в отличие от простого памятного знака, должен быть музей.

Полукилометровую статую объявить памятным знаком

просто невозможно. Так что пришлось делать и то и сё, и музей в том числе. А в музее должны быть экспонаты. А поскольку обломков судна и всяких вывалившихся из него штучек там было более чем достаточно, археологи довольно быстро собрали всякого-разного, что показалось им малоинтересным, да и положили в витрины. Ну просто чтобы было хоть что-нибудь.

И вот лет через десять после всей этой истории среди этих самых экспонатов совершенно случайно обнаружился хаттифнаттский калибровочный конус. То есть ключ к области омега-пространства, где лежат хаттифнаттские данные по обследованной ими части космоса. Таких конусов к тому времени нашли всего два, и каждый сэкономил Космофлоту десятки миллиардов человеко-часов исследований пространства. А научная ценность этих данных оценке вообще не поддаётся. Но вот беда: изъять этот самый конус законным путём мы не могли. Никак. И незаконным тоже, потому что такие разрешения подписываются на самом высоком уровне. Может быть, Комов подписал бы, но он тогда как раз отсутствовал, причём с концами – он находился в гравитационном ореоле чёрной дыры EH-200056 и готовил погружение звездолёта «Тьма»… Выше стучаться было совсем уж бесполезно.

Откуда я всё это знаю? Оттуда, что в конечном итоге решили лететь к Малой Тульпе с хаттифнаттским омега-контроллером, чтобы скачать данные через него. Все известные

экземпляры этого устройства хранятся в Музее Внеземных Культур, откуда добыть что-либо даже на время совершенно немыслимо. Но у меня на складе был заныкан один экземплярчик. Как он туда попал – целая история. Скажу только, что мне ну очень не хотелось его отдавать. Славин меня в итоге уболтал, я артефакт отдал. И потом полгода пытался получить его обратно. И это тоже была целая история.

Ладно, это я опять чего-то в посторонние воспоминания пустился. Надо всё-таки как-то себя сдерживать. Извини, Лена.

Вернёмся к Комиссии по переименованиям. Так вот, она вот так же безнадёжно упёрлась в дурацкого старикашку с воинствующим атеизмом в голове. Которому вожжа под хвост попала – и ни тпру ни ну. Как выражается Славин в таких случаях.

В данной конкретной ситуации надо было бы как-то сдать назад и Дауге потрафить. Но Поль Гнедых был руководителем комовского типа, если вы понимаете, о чём я. Так что подкомиссии пришлось собираться, чтобы как-то уладить конфликт.

Меня сразу заинтересовало, кто представлял КОМКОН. К своему удивлению, я обнаружил в списке не кого иного, как Рудольфа Сикорски. Молодого ещё да раннего.

И только я углубился в изучение протокола общего собрания, как за дверью загрохотало, потом её выбили, и мне прямо в переносицу уставилось дуло парализатора.

День 33

Лёг спать. Проснулся, и чувствую, что не один. Не то чтобы пришли за мной, а просто – кто-то есть. Нет, не женщина. И не друг. Просто кто-то посторонний. Как будто сидит в кресле и ждёт, когда я проснусь. Ощущение продолжалось где-то секунд тридцать, пока я не шевельнулся. Тогда пропало. И сна тоже – ни в одном глазу.

Нет, я понимаю, конечно, откуда такие образы. Но всё равно, звоночек нехороший – психика подтекает. Хотя, может, это из-за интоксикации классической музыкой? Я её, кажется, перебрал. Лежишь иногда, пытаешься заснуть, а в голове внезапно включается – «ту-ту-ту-туммм, ту-ту-ту-туммм» или там «та, та-ти-та-ти-та» какая-нибудь.

Продолжу, пожалуй, писанину. Тем более, такая драма.

На самом деле драма продолжалась минуты три. Комнату быстренько обыскали, после чего неискренне извинились и сразу же предложили поучаствовать в следственных действиях. К тому моменту я уже догадывался, что случилось. Так что не особо удивился, когда мне начали задавать вопросы о Комове.

Ну да. Комов сбежал. До смерти перепугав службу безопасности санатория.

Из того, что я услышал, у меня сложилась примерно такая картинка. Первоначально Геннадий Юрьевич собирал-

ся подождать пару дней, пока я смогу вернуть его вещички, и уже тогда дать дёру. Скорее всего, бежать он собирался через нуль-кабину. Правда, вела она строго на орбитальную станцию, откуда дальше хода не было. Но Комов рассчитывал – как я потом понял, небезосновательно, – что сможет взломать ограничитель и перебросить себя до промежуточной нуль-тэшки, а там что-нибудь придумает. Хотя, может, у него был какой-то другой план, похитрее. Но так или иначе, для этого ему нужно было то, что лежало в директорском сейфе.

Однако той же ночью на Леониду опустился челнок типа «Абакан». Кораблик маленький, но в качестве движков на нём стоят СП-генераторы на тысячу риманов каждый. А это значит, что «Абакан» – теоретически – способен прыгнуть парсека на полтора-два. Что означает: за несколько пульсаций можно добраться до какой-нибудь станции с нуль-порталом. Хотя, конечно, без защитного минус-поля и прочих таких вещей это будет напоминать полёт на глайдере без колпака, причём во время бури. Ощущения сравнимые. Это я как пилот говорю. Нормальный человек на такие эксперименты не пойдёт ни за что. Но это же Комов! Который только что ожил и которому для нормального самочувствия не хватало одного – живительной дозы адреналина.

Короче, наш герой махнул рукой на первоначальный план и попросту угнал челнок. Причём в пульсацию он вошёл прямо в атмосфере, выморозив тем самым окрестности. Во вся-

ком случае, весь следующий день над санаторием шёл дождь, что для планеты редкость. Уж и не знаю, что сказали на это леонидяне. Хотя, может, им понравилось – кто их разберёт.

Но это всё выяснилось потом. А тогда начальство испугалось, что Комов сошёл с ума или его похитили. На такой случай есть план действий, который и был приведён в исполнение. К сожалению, он включал в себя изоляцию всех потенциально подозрительных. Включая лежащих в медкамерах, а также всего персонала, не имеющего отношения к безопасникам.

Ну я врать не стал. То есть о встрече с Комовым рассказал, умолчал только про планы кражи вещей. Сделал несколько осторожных предположений о том, почему Геннадий Юрьевич дал дёру. Меня поняли, даже, кажется, поверили. Однако порядок есть порядок. Короче, весь следующий день мне пришлось проваляться у себя на койке. Компьютер и вообще все устройства дальней связи у меня, как положено в таких случаях, изъяли, так что продолжить свои изыскания я не мог. Рыпаться тоже не стоило, уж это я понимал. Так что всех развлечений было – курить, пить коньяк и строить разнообразные догадки.

Я их и строил, пока директор санатория не пришёл ко мне вечером лично. Извинился за причинённые неудобства и сообщил, что Комов жив, здоров, находится на Земле. По собственным словам пациента, отбыл с Леониды по доброй воле и экстренной надобности. И просит его, директора, как мож-

но скорее передать мне комовские личные вещи. Которые он, значит, мне и передаёт, извольте получить. После чего протянул мне коробку и свёрток.

На это я сказал, что всё понимаю, жалоб не имею, но теперь мне нужно срочно присоединиться к Комову. И поинтересовался, когда я смогу покинуть Леониду.

Директор вздохнул и сказал, что не я один интересуюсь этим вопросом. Так что он уже провентилировал его с Землёй. И что, начиная с завтрашнего вечера, все желающие смогут покинуть планету через местный нуль-Т, так как орбитальная станция разблокирована на сутки. Кто пробил такое разрешение, он мне не сообщил, но я понял и мысленно сказал Комову спасибо.

Правда, под конец директор меня огорчил. Сказав, что временно изъятые у меня вещи я получу в целости и сохранности только завтра. В порядке общей очереди.

То есть в моём конкретном случае – часов через десять.

День 34

Опять та же фигня: компьютер пищит и выдаёт на экран странные символы. Как будто кто-то пытается пробиться, что ли. Вот только кто, зачем, а главное – куда?

Из приятного: нашёл прямо за компом пакетик с какао-порошком. Он, правда, окаменевший, но я его растолок подручными средствами и залил кипятком. Оригинальный

вкус. Навевает мысли о творчестве. Ну вот им-то и займусь.

Если бы мне сразу отдали мой комп, я не стал бы копаться в комовском имуществе. Даже не подумал бы. Потому что был бы занят чтением протоколов. Но компьютер мне не отдали. Зато отдали коробку, размером с сигарную, и свёрток, довольно увесистый.

Да, я не выдержал. Да, мне очень стыдно и неудобно. Особенно в свете последовавших за сим событий.

В свёртке оказался скорчер – разряженный, разумеется. Хрен бы мне кто отдал заряженный, это даже по инструкции не полагается. Обследование показало, что инструмент использовался по назначению: выходной электрод оплавлен и вонял горелым металлом. В кого Геннадий Юрьевич палил, я так и не узнал. Теперь, наверное, и не узнаю. Да и не очень-то интересно.

Содержимое коробочки оказалось гораздо любопытнее. Как выяснилось, Комов постоянно носил при себе на цепочке три вещи. Комконовский шифроконтейнер старой модели – горошинкой, а не фасолинкой, как сейчас. Жёлтый прозрачный камень с дырочкой. И чёрный треугольный предмет размером с ноготь большого пальца, от которого исходило явственное ощущение чего-то нехорошего.

Про жёлтый камень я что-то слышал. Вроде бы это какой-то редкий артефакт с планетоида Обитель. Настолько редкий, что у меня ни на одном складе такого не было. Что он делает и зачем нужен, я запамятовал. Был бы комп, я по-

смотрел бы, а так – чего уж. Повертел его в руках да и положил.

Треугольник мне брать в руки не хотелось. Он мне не нравился. То есть – у меня возникло ощущение, что это я ему не нравлюсь. Нет, даже не так – не то чтобы что-то личное, а просто эта штука меня чует. И рассматривает как нечто, что можно убить. Даже не убить, нет. Вырубить, что ли. Очень неприятное чувство. Так что я закрыл коробочку и решил отвлечься. Налил себе винца, взял сигару, устроился в креслице и включил внутреннюю трансляцию санатория. Состоявшую из пары федеральных каналов, трёх сериальных и двух музыкальных.

Скучно было до того, что я даже попытался посмотреть новости по федеральному «Гринвичскому меридиану». Это по-своему интересно – чем там кормят общественность, чтобы та плевалась от топорной пропаганды и чувствовала себя по этой причине ужасно умной. Ну, всё было на высоте. Хотя на сюжете об успехах наших водорослевых ферм в Тихом океане я всё-таки сломался.

Сериальные каналы транслировали какие-то трёхсотые или пятисотые серии неизвестных мне историй. Я попытался вникнуть, но плюнул и решил послушать музыку. Творчество вокально-инструментального ансамбля «Жимолость» (или «Лютики», я их плохо различаю) меня не воодушевило, поэтому я переключился на второй, где давали оперу, «Травиату» в постановке Жукаускаса – с органной музы-

кой и Кириллом Якимцом в роли Жермона.

И во время арии Виолетты меня вдруг пробило. То есть до меня дошло, что это за чёрный треугольник. А также – почему Комов мог рассчитывать на успешный побег.

День 35

Снова галиматья на экране. Какие-то цифры, буковки отдельные и слово РИБЫ. Что за РИБЫ? Грибы? Трибы? Карибы? Хорошо бы? Куда бы? Гусары, молчать!

Кстати, интересный вопрос: а что это за гусары, которым нужно молчать? И главное – зачем? Ну то есть в нашем лётном так отвечают на глупые вопросы, в особенности – начинающиеся со слова «куда». В КОМКОНе так говорит начальство, когда слышит от подчинённых нахальное, с его точки зрения, требование – например, чтобы им сказали, откуда получена та или иная информация. Техники тоже так говорят, когда пытаются что-то починить, а оно не чинится. Особенно если деталь на место не ставится или в дырку не пролезает. Вот только никто не знает, откуда эта фразочка взялась. Я даже в БВИ искал материалы о гусарах. Ну были такие воины в доисторические времена. Вроде бы тогдашние сражения были довольно шумными. Или это были какие-то особенные скрытные отряды вроде разведчиков? В БВИ ничего такого не написано.

Интересно было бы спросить академика Улитнера. Навер-

няка он это как-нибудь объяснил бы с точки зрения Теории Исторических Последовательностей. «Согласно объективным законам исторического развития, гусары диалектически осуществляют коммуникацию в форме молчания», например. А что, подходяще. Во всяком случае, вопросов задавать больше не хочется.

Ладно, чего уж теперь-то – про гусар я уже никогда ничего не узнаю. Зато про треугольный предмет я догадался. Мог бы и раньше. Просто не думал же я, что когда-нибудь увижу своими собственными глазами лаксианский ключ. Он же-недетерминированный универсальный прерыватель процессов.

Кстати, опять та же ситуация. Что мы знаем о лаксианах? Ничего. И то не все.

То есть общественность слыхала, что есть какие-то лаксиане. В сериалах их иногда показывают – когда надо изобразить цивилизацию уровнем выше земной, но не зловещих Странников, а хорошую. Помню один такой фильм, в молодости его смотрел – там они изображались в виде этаких окошек, что ли, ну или квадратиков, парящих в воздухе. Из которых исходил жёлтый свет и мудрые изречения типа «реальность развивается в правильном направлении, о человек». А ещё они стабилизировали Метагалактику, не помню вот только зачем. Глупость, конечно, несусветная. Однако такие штуки вызывают чувство, что нам что-то известно. Ну или кому надо известно. Так что волноваться не о чем.

На самом деле мы не знаем даже, существуют лаксиане или давно вымерли. И в нашей ли Вселенной они обретаются или в какой-то параллельной, а может – перпендикулярной. Всё, что от них осталось – артефакты, иногда находимые в разных мирах. Отличающиеся от нашей техники и даже от артефактов Странников как амфибия от амфибрахия. Совсем другие принципы. Которых мы не то что не понимаем – даже не знаем, как подступиться. Мы даже влезть внутрь этих вещичек не можем: они не из нашей материи состоят и никаким физическим воздействиям не поддаются. Зато сами могут воздействовать, и очень даже ощутимо.

Кое-какие лаксианские вещицы у меня есть на складах. Например, те же самые «бусины» или «этаки». Я эти штуки не люблю и стараюсь лишний раз не доставать. Потому что непонятно, зачем они на самом деле нужны и чего от них ждать. Но лаксианский ключ я даже не видал никогда – только на видео. С соответствующими предупреждениями и даже угрозами. Потому что эта штука относится к предметам нулевой категории опасности. Как кварковая бомба.

Лаксианский ключ имеет только одно известное нам применение: им можно прервать любой физический процесс. Выключить в комнате свет. Или во всём доме. Или отрубить блокирующее устройство. Или заглушить двигатель глайдера. Или остановить автоматический завод. Или прервать свёртку пространства. Погасить звезду лаксианским ключом вроде бы никто не пробовал. Но уж отключить блокировку

станции – с этим, наверное, ключик бы справился без шума и пыли. Если, конечно, знать, как им пользоваться. Я этого, само собой, не знал. Мне и не положено. При случайном обнаружении предмета нулевой категории опасности я должен, по инструкции, сделать три вещи: немедленно поднять «красную» тревогу, доложить о ситуации, после чего покинуть место обнаружения. Во избежание.

В общем, я дослушал оперу, выпил на сон грядущий рюмочку крепенького и завалился на кроватку. А коробочку на всякий случай положил в самый дальний угол. Глупость, конечно, но мне показалось, что так спокойнее.

И вот, значит, улёгся я. В твёрдой уверенности, что завтра получу свои вещички и рвану на Землю. И что на этот раз всё обойдётся без сюрпризов.

День 36

Хренассе сюрприз!

Просыпаюсь, умываюсь, иду к компу – а на экране компа вот что:

АТИЧЕСКИ. ВЫ НАХОДИ
ОЗМОЖНО. СПАСА
ЕТОВОЙ СКОРОСТ
БЫТИЕ ЧЕРЕЗ ТРИ ИЛИ ЧЕТЫРЕ ЗЕ
КОНОМЬ
ЕСУРСЫ. СОХРАНЯЙТЕ СП

Похоже, всё не так, как я думал! Что-то случилось со станцией, непонятно только что. Зато остальное разобрать можно. Ко мне движется спасательное средство – скорее всего, автоматический челнок. Он летит на досветовой скорости, прибытие через трое-четверо земных суток. Про ресурсы ясно – экономить их мне советуют, что ж ещё. А сохранять предлагают, скорее всего, спокойствие. Хотя какое уж тут спокойствие. У меня вся концепция жизни, можно сказать, меняется. И я пока даже не понимаю, к лучшему или нет.

Пытаюсь определить источник текста. Комп заблокирован, через блокировку может пробиться только экстренное сообщение с максимальным приоритетом, то есть «SOS» или к нему приравненное. Ну так это оно и есть, всё сходится. Дальше: на что оно похоже? На расшифрованный кусок радиопередачи. Нуль-передатчик или передаёт сообщение целиком, или нет. Омега-контроллер заблокирован вместе с компом, без компа от него проку нуль. А вот старое доброе радио работает даже в стоячей нуль-волне. Правда, для этого нужны такие мощности, что мама не горюй. Хотя если сообщение идёт с корабля, он может пытаться пробить нуль-волну направленным импульсом, а приёмник радиоволн тут есть.

От же пёс, меня несёт. Откуда я знаю, что это стоячая волна? Это совсем не факт. Я вообще не знаю, что там за бортом. А по виду звезды класса G и планеты типа Юпитера я определить ничего не могу. Космос как космос.

Хорошо, а если это всё-таки волна? Получается, станция в луче генератора типа «Пелены»? Потому что естественная волна такой мощности захватила бы не только меня, но и всё пространство на пару сотен световых лет вокруг. А если даже и так? Может, сейчас половину обитаемого космоса эвакуируют на досветовых скоростях. Хотя нет, тогда до меня бы руки дошли в лучшем случае через пару месяцев – они же знают, сколько у меня жратвы и кислорода? Должны знать. Тогда зачем призыв экономить ресурсы?

Пёс, пёс, пёс, не могу сосредоточиться. Извините, никак не могу.

День 36

Только что пришёл ещё обрывок из того же сообщения – ЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ. ЭТО СО.

Да, похоже, радио. Всё остальное по-прежнему покрыто мраком неизвестности.

Попробую немного отвлечься на мемуар. А то я просто на месте усидеть не в силах. Нет, в силах-то в силах, но не в состоянии. Блин, как правильно – не знаю. Ну не писатель я. Даже не читатель. Ну не то чтобы совсем не читатель, но меня всё-таки больше реальная жизнь интересует.

Хотя чего уж. Продолжаю.

Так вот, тот день для меня тоже был с сюрпризом. Заметил я это не сразу. Но уж как заметил – так заметался. А

поздняк было метаться, как говорит в таких случаях Евгений Маркович.

Я потом думал: хорошо, а что я мог сделать? Да ничего, собственно.

Итак, я встал, сделал всякие утренние дела и пошёл получать обратно свой комп и всё прочее. Получил. Опять же с извинениями, которые мне уже успели надоесть. Видел разъярённого Виттеля, у которого отобрали браслет связи, прямо во время какого-то важного разговора. Ингвар кипел, как чайник, и пообщаться с ним я толком не смог. Да и не очень-то стремился: я горел желанием узнать, чем кончилась история с переименованием Авроры.

Следующие четыре часа я провёл за компом, читая протоколы комиссии. Получая от этого удовольствие. Потому что из протоколов прямо следовало, что Сикорски на этот раз оказался малоуспешен. Георгий Пикович, старый пень, оказался совершенно невосприимчив к любым воздействиям. Даже когда Сикорски прямо во время заседания Комиссии пригрозил старичку проблемами с архивом – оказывается, на неограниченный доступ к нему долгие годы безуспешно претендовала Сорбонна, – тот предпочёл сделать вид, что не понял. Никаких Дриад, и всё тут.

В конце концов Сикорски, судя по всему, пришлось связываться с Гнедых и признавать своё поражение. Представляю, как его от этого корчило и что сказал ему Поль. Но так или иначе, он это сделал – так как на последнем заседании

сдал все позиции.

В результате высокие договаривающиеся стороны остановились на нейтральном слове «Надежда».

Когда я дочитал до этого места, то не скажу чтобы сильно удивился. Чего-то такого я, в общем-то, ожидал. Удивление меня настигло позже, когда я стал припоминать собственные впечатления. Что-то очень сильно не клеилось.

Посуди сама, Лена. Аврора, как её описывал Антон в своём сочинении, была чисто средневековым обществом, к тому же с заметной задержкой развития относительно Земли. Надежда была покрыта развалинами, но это были развалины цивилизации уровня земного двадцатого века, со следами войн и катаклизмов. Между первым и вторым прошло лет восемьдесят, ну максимум сто, если Антон написал свой мемуар не по горячим следам, а по воспоминаниям молодости. Присутствием Странников тоже ничего объяснить нельзя: они, конечно, круты и всё такое, только стремления отстроить заводы, шахты и многоквартирные дома за ними покамест не отмечалось. Массовое вымирание опять же – зачем и отчего? В общем, картинка не складывалась.

Зато монетка из сверхчистого золота получила хоть какое-то объяснение. Сотрудники ИЭИ, работающие на отсталых планетах, обычно имеют при себе фемто-принтеры, позволяющие изготовлять золотые изделия из всякого хлама. При этом они обычно ленятся имитировать местный состав золота редактором состава сплава, думая, что и так сойдёт.

Правда, случайно найти такую монетку – не то чтобы совсем невозможно, но очень маловероятно. Если искать специально, используя наше оборудование, – дело другое. У Абалкина оборудование было. Но зачем ему искать такую монетку, потом дарить её мне?

Всё это было крайне интересно, но надо было собираться. Я упаковал вещички и напоследок решил проверить комовскую коробочку.

Когда я её открыл, у меня чуть сердце не остановилось. Потому что она была пуста. Никакой цепочки, никакого шифроконтейнера, никакого жёлтого камня. И никакого лаксианского ключа.

Я сначала дёрнулся – бежать к директору, устраивать скандал, требовать немедленной изоляции базы и вызова земного спецназа, чтобы он тут всё обшмонал и вытряс ключ. Потом сообразил, что я могу сильно подставить Комова. Ведь совершенно не факт, что лаксианский ключ находится у Геннадия Юрьевича законно. Честно говоря, я вообще не припомню, на основании каких законов и инструкций предмет нулевого уровня опасности может находиться в распоряжении частного лица. Третья мысль была, кажется, о леонидянах, которые могли усыпить меня каким-нибудь хитрым способом и утащить ценные вещицы. Четвёртая… кажется, это уже было из разряда «психанул».

Дальше я, как полагается в таких случаях, сел на койку, задержал дыхание и представил себе нашего инструктора по

стрельбе. Который стоит передо мной и командует: «Прекратить панику!»

И вот в эту самую секунду где-то в районе живота я вдруг ощутил вопрос. Да, вот именно так – почувствовал вопрос. Да, именно в районе живота. Брюхом почувствовал. Нет, не фигурально, буквально. Кто-то или что-то хотело знать, точно ли я намерен прервать процесс развития нервного возбуждения, обычно именуемого паникой.

То есть таких слов не было. Слов вообще не было. Но если бы это были слова, они были бы примерно такие. Может быть, ещё точнее. Хотя слов не было. Было точное ощущение. Не знаю, как объяснить, Лена, просто поверь – точное ощущение. Бывает такое, оказывается. Понимай как хочешь. Если, конечно, ты сама не в курсах, в чём я теперь сильно не уверен.

В общем, я понял. И сказал «да». И меня тут же отпустило. Совсем. Не осталось ни капли страха или там возбуждения, вообще никаких чувств, кроме лёгкого любопытства. Так что я не особенно удивился, через пару минут обнаружив пропавшую цепочку у себя на шее.

Не удивился, нет. Но, скажем так, не обрадовался. Потому что, хоть убей, не мог понять, кто её на меня нацепил и зачем. Не сам же?

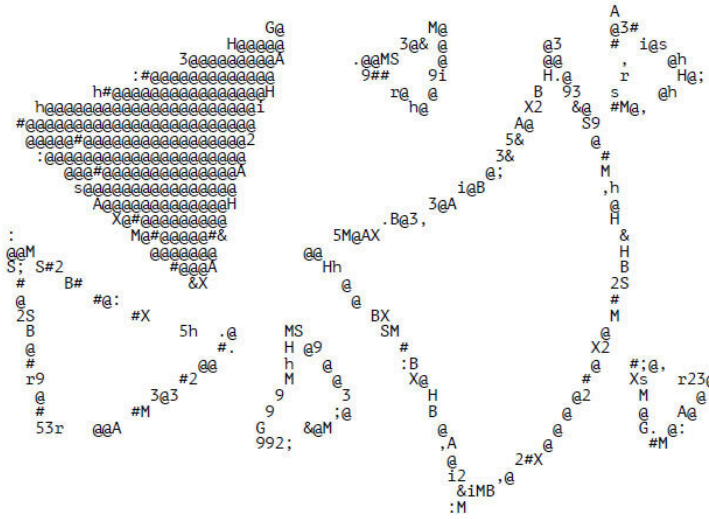
И вот тут опять в животе возник вопрос. «Прервать блокировку воспоминания?»

День 37

Обрывки сообщений идут постоянно. Уже не записываю. Смысл тот же – ко мне идёт на досветовой скорости спасательное судно, нужно ждать, экономить ресурсы и сохранять спокойствие. Я стараюсь. Даже по музыкальной части перешёл на Генделя. Ну и мемуар продолжаю. Всё-таки какое-то занятие.

Как выяснилось, всё случилось во сне. Я обычно сны не вижу. А тогда увидел, но забыл. То есть, как выяснилось, не забыл, ну да это один хрен, мне это ещё Борька Левин объяснял. Что мы на самом деле ничего не забываем, во всяком случае – естественным образом. Но я испугался, и от этого всё заблокировалось.

Короче. Я спал и во сне находился в треугольном пространстве, заполненном ничейной сообразительностью.



Только не спрашивай меня, Лена, что такое треугольное пространство. Так-то оно было типа во все стороны, бесконечное. Просто оно было устроено как треугольное. Ну как наше пространство – оно по сути кубическое. А там оно было внутри себя треугольное и какое-то перекорёженное. И вся эта хрень была наполнена умом. Только этот ум был ничей. Там не было никакого этого самого – ну, субъекта, что ли. Одна пустая сообразительность. Способность решать задачи. Растворённая в этом треугольном пространстве, как коньяк в кофе. Хотя, конечно, в кофе лить коньяк – то ещё извращение, я считаю.

Но там не было ни кофе, ни коньяка. Там вообще ничего не было, даже времени. Задач там тоже никаких не было, но это как бы не особо мешало: сообразительность решала задачу отсутствия задач, и она была бесконечной.

Да, вот что важно. Решение задачи это сознание воспринимало как её исчезновение. Было что-то, и его нет. Чик – и всё. Вот этим самым чик-чиком оно и было заполнено. Не знаю, как тут лучше сказать. Слов у нас таких нет.

А потом – хотя какое там «потом», там и «сейчас»-то никакого не было – кто-то взял маленькую часть этого пространства и переместил в другое. Которое не было ни треугольным, ни квадратным, никаким. Оно было свободным. И там были лаксиане.

Не знаю, кто они, как выглядели и что они делали. Таких слов у нас нет совсем. Одно я понял: лаксианские ключи и прочие артефакты для них – всё равно что для нас камни и палки. То есть что-то очень простое, элементарное. Которое можно взять и применить. И они применяли. Для каких-то целей, которые мы тут не можем не то что осмыслить – вообразить себе не можем. В принципе.

В конце концов ключ прикончил какую-то очередную задачу и в результате оказался здесь. И больше ничего не было, потому что лаксиане остались там, где свобода, а он оказался в каком-то заплесневелом углу нашего родного космоса. Но кусочек сообразительности не огорчился. И не обрадовался. Ему было нечем радоваться и огорчаться. Он снова перестал

решать задачи и стал решать отсутствие задач.

Потом появился человек. Он нашёл ключ и стал его хозяином. Очень простым образом. Он поставил ключу задачку прервать все виды коммуникации между ним и всеми остальными сознаниями, кроме одного, его собственного. Ключ выполнил – и как бы оглох. То есть стал слышать только Комова – потому что это он и был.

Ключ снова стал решать задачи. Только теперь они шли исключительно от Комова. Пока не случилось что-то совершенно непонятное: ключ не смог прервать процесс. И другие, уже прерванные процессы снова возобновились. В том числе и контакт с другими сознаниями. Вот как, например, с моим.

Ну, это я потом сам допёр. Орёл наш, Геннадий Юрьевич, попал под луч вероятностного инвертора. А эта штука, собственно говоря, творит чудеса, то есть события с отрицательной вероятностью. Вот оно и произошло, и что характерно – в самом нежелательном для него смысле. Причём, похоже, Комов не понял, что случилось с его ценным имуществом. Видать, в этот самый момент его и вырубило. А потом его с вещичками разлучили, ну и сам он был, мягко говоря, не в форме. То есть так и не узнал, что его маленький треугольный друг перестал хранить верность. Поэтому Комов и попросил меня прихватить его вещички, ничего с моей стороны не опасаясь. Типа – посмотреть дядя Яша на них может, а воспользоваться – нет.

Разумеется, я и не собирался пользоваться. Зачем мне лаксианский ключ, тем более чужой? Абсолютно незачем. Хотя, конечно, в хорошем хозяйстве лишних вещей не бывает, но не таких же. Я человек ответственный. В нормальном состоянии, разумеется – когда я трезвый, бодрый, в здравом уме и твёрдой памяти.

Но я же спал. А со спящего какой спрос?

День 38

Никаких сообщений. Волнуюсь, если честно. Как-то уже привык к мысли, что меня отсюда вытащат. Даже начал думать, стоит ли оставлять этот текст. Фактически, сам на себя донос пишу. С другой стороны, стирать его как-то глупо. Ладно, сделаю так. Если не смогу скачать его с этого компа – сотру. Если смогу – у меня тоже есть шифроконтейнер. И не пустой, если что.

Ну ладно, поехали дальше.

Пропущу всякие свои сомнения-размышления и прочую экзистенцию. Тем более что мне очень скоро стало не до неё.

Вечером того же дня я, с компом и скорчером в пакете и с тёмными побрякушками на шее стоял в очереди в нуль-Т-кабину. Кроме меня, с планеты срочно дёрнули ещё человек тридцать. Виттеля среди них, что характерно, не было. Я его в тот день вообще не видел. Хотя специально искал, хотел попрощаться и попробовать всё же позадавать вопросики.

Но не склалось.

Новости настигли меня на промежуточной нуль-станции возле системы Циклоп-7. Я там задерживаться вообще-то не собирался, но мне повезло как утопленнику: только я вышел из нуль-камеры и бодро направился в другую, как по громкой связи прошло: дорогие гости, извините, перемещения в пространстве откладываются на два часа в связи с флуктуациями торсионного поля, к вашим услугам буфет и зал ожидания.

Про торсионное поле я пропустил мимо ушей, так как от физиков знаю, что это лажа. Её обычно говорят, чтобы не волновать общественность. А что на самом деле, можно узнать у местного персонала. Что я и сделал, направившись в тот самый буфет – неплохой, кстати, сюда бы такой – и поболтал с местными техниками. Которые попили со мной чайку и поведали, что за херотень случилась.

Как выяснилось, они вляпались в типовой факап: неожиданное появление проверяющей инстанции. Точнее даже не инстанции – об этом бы их предупредили, – а просто какой-то вредной тётки с корочками ПСГВ. Это космическая противопожарная служба глубокого вакуума, если кто не знает. На самом деле она занимается всеми вопросами безопасности всяких висящих в пустоте объектов, начиная с герметичности и кончая противометеоритной защитой. Люди они очень въедливые и крайне вредные, их этому специально учат. Правильно, в общем-то, учат. Потому что с ва-

куумом не шутят. Григорянц у нас из спасателей, так вот он рассказывал, как в молодости разгребал факап на станции Бета-четыре. Ему шлюзовыми воротами тогда отрубило полруки, потом год растили. А его друг там так и остался. Ну а когда дело расследовали, то выяснилось, что станция разгерметизировалась и сошла с орбиты из-за разрушения головки какого-то выпускного клапана. Который проработал в три раза дольше положенного, просто забыли поменять. Теперь, конечно, такое маловероятно, во всех узлах стоят датчики, таймеры и прочая хрень. Но ПСГВ датчикам не доверяют. Потому что за всей этой техникой ещё долго придётся лужи подтирать.

Но та тётка была вредной не только по профессии, но и по жизни. Она постоянно ходила через эту станцию и всё время скандалила по разным поводам – то ей кибер-уборщик моющим средством туфли обрызгал, то в сортире не было дезодоранта с лимонным ароматом, без которого ей не ссалось, извините за скатологический юмор… В общем, она накопила негатив и решила отыграться. Поэтому в очередное своё посещение она предъявила корочки и потребовала немедленной проверки пожарного оборудования. И обнаружила древний огнетушитель со стёршейся маркировкой годности. При этом, как клялись и божились техники, огнетушитель нормальный, у него срок годности вообще что-то около пятидесяти лет, космическая же вещь. Просто он неудачно висел, и краска затёрлась. Тётка подняла кипеш, и

теперь вся станция встала, потому что во время проверочных мероприятий по инструкции надо прекращать работу, за исключением экстренных случаев.

Я в эту историю, естественно, не поверил. Как завхоз говорю: космическая краска не стирается, тем более сама по себе, как окрашенный предмет ни вешай. А вот насчёт огнетушителя – очень возможно. Только, думаю, в огнетушителе том вовсе не пена была, а кое-что другое. Почему и нуль-камеры отключили – ищут остальное и не дают персоналу сбежать с парочкой таких же. После чего кому-то надают по попе и запретят работать в космосе. Ибо хотя все техники квасят, да не все попадаются. А попавшиеся считаются профнепригодными. Что совершенно правильно и справедливо. Но ребятам в оранжевых комбинезонах я этого говорить не стал – зачем портить отношения.

Короче, я пил чай и почувствовал, когда на браслет мне пришло сообщение от Евгения Марковича. Даже не сообщение, а целое письмо.

Оно меня совсем не порадовало. То есть не то слово, как не.

Сначала Славин в очень осторожных и обтекаемых выражениях – что само по себе плохой признак – информировал меня о том, что у Комова с Горби состоялся какой-то разговор. После которого Комов – ещё недавно собой являвший что-то вроде зомби – внезапно возглавил спасательную экспедицию в окрестности Фомальгаута, в хромосфере ко-

торого застряло тагорянское судно. Почему да как – выясняется. Но ожидать скорого возвращения Геннадия Юрьевича на Землю не стоит. А до его нескорого возвращения он мне настоятельно рекомендовал бы – раз уж я так категорически настроен против внеземного отдыха – заняться одним поручением, которое у Славина для меня как раз есть. Нужен представитель КОМКОНа на конгресс какой-то там общественности, который как раз собирается на Луне в Главном Куполе. Вот, значит, мне желательно там поприсутствовать. В смысле – посидеть в зале. Недельки две, до закрытия.

Я чуть браслет о стену не расколотил. На такие задания – посидеть в зале – у нас отправляют либо совсем ещё зелёных стажёров, либо сильно проштрафившихся. То есть не просто сильно, а позорно, на грани профпригодности. Евгений Маркович это прекрасно понимал. Как и то, что ни на какой конгресс я не поеду. Ибо дисциплина дисциплиной, а всему есть граница, и сейчас он её перешёл.

Чтобы сберечь нервишки и казённое имущество, я попросил лаксианский ключ меня успокоить. Помогло. И я, вместо того, чтобыжечь себе печень, прикинул кое-что к носу. И рассудил так, что Славин просто прикрывает задницу. А именно – я в данной ситуации имею только два выхода: бросить на стол заявление об уходе или наплевать на приказ. Первое на самом деле не выход, так как перед уходом я должен, согласно подписанным мною обязательствам, отработать ещё как минимум два месяца. В течение которых я дол-

жен отчитаться, сдать все дела и пройти психологическую обработку. При этом отправить меня на Луну Евгений Маркович всё равно вправе, так как эти два месяца я остаюсь его непосредственным подчинённым. Значит, думает он, я просто положу на приказ и исчезну из поля зрения. Как минимум до возвращения Комова. А там как фишка ляжет: если наш герой вернётся с триумфом и сохранит своё положение в Мировом Совете, то Маркович просто забудет о моей выходке. Если всё пойдёт в другую сторону – избавится от меня с относительно чистой совестью.

Как бы даже и не очень подло. Для КОМКОНа, во всяком случае.

День 39

Опять никаких сообщений. И дата завтра нехорошая – сорок дней. Есть у лётчиков суеверие насчёт сорока дней. Если кто умер в пустоте, то через сорок дней его последний раз поминают. Не знаю, откуда это взялось, говорят, что-то древнее, из мифологии. Ну, я тут фактически погребён заживо, причём именно в пустоте. Вот и лезут всякие мысли в голову. А биологическая смесь, наоборот, в рот не лезет. Обычно я её всё-таки жру, а сегодня не смог себя заставить.

Что-то со мной не то. Провериться не мешало бы, да где там.

Зато сделал горячую ванну и помылся как следует. А

также решил наконец проблему с ногтями – нашёл среди инструментов маленькие кусачки и навёл-таки гигиену на всех четырёх конечностях. Неровно получилось, зато больше ничего не стучит.

Ну и с кое-чем другим пора бы разделаться. Хватить уже оттягивать. Раз уж взялся за гуж, придётся лезть ещё и в этот кузов. Или как оно там, не помню.

Лена, если ты всё-таки это увидишь. Чего мне теперь не хотелось бы. Но если чего вдруг. Иногда случаются совершенно жуткие факапы вообще на пустом месте. Просто потому что фишка легла вот так криво.

Ну вот хотя бы. У нас в лётном мальчишка совсем молодой забрался в дюзу орбитального катера. Потому что кретины-одногодки над ним прикололись. Сказали, что в рабочей зоне дюзы из-за температур и давления образуются алмазы, которые потом можно огранить в бриллианты и менять на чёрном рынке на всякие интересные штучки. Чушь собачья, а парень поверил. И полез. Техники не уследили, они вообще следить за такими вещами не обязаны. Камеры за всем следят, и компьютеры всё распознают. Они всё сняли и всё распознали, вот только тревогу поднять не смогли, потому что как раз в этот момент началась учебная тревога. Вот так всё совпало, понимаешь, Лена? Вот так всё совпало. И наш инструктор, согласно лётному расписанию, занял место в рубке, раскочегарил систему и врубил предстартовый комплекс. В том числе и предпусковой подогреватель. Ну нель-

зя живую плазму прожимать через холодную дюзу, потому что такие перепады температур никакое вещество долго не выдержит. Поэтому дюзу сначала разогревают, норматив – девятьсот градусов за шесть сек.

Потом комиссия действия инструктора изучала по записи. С лупой и посекундно. Ну всё он сделал правильно, вообще всё. Ему в результате ничего не предъявили. Только сделали психокоррекцию, стёрли память и перевели на Марс, в тамошнее лётное. Потому что ему после этого как-то жить не очень хотелось, да и ребята смотрели нехорошо. Люди так устроены, им нужно, чтобы кто-то был виноват.

Так вот. Я себя виноватым не считаю. Я просто хотел спать. Я же не знал, что так получится. Я даже предположить не мог.

Ладно, к делу. Хорошо подумав, я решил ни на какую Луну не лететь, но и не ховаться в каких-нибудь дырах мироздания, а воспользоваться своими правами и нагрянуть на любимые склады с внеплановой проверкой. В принципе, я ведь никаких приказов ещё не получал. Письмо Славина было частным, я по нервянке не учёл этого момента. Он меня фактически известил о намерениях. А я мог сделать вид, что принял решение о проверке до того, как получил прямое указание. Снять меня с проверки, конечно, можно, но не к общественникам же на Луну – свои же подчинённые засмеют. Так что Евгению Марковичу пришлось бы придумать для меня что-нибудь другое или просто оставить в покое. Я

прикинул и решил, что он выберет второе. А там вернётся Комов и что-нибудь как-нибудь развиднеется.

Конечно, у меня имелся и личный интерес к любимому складу. Там у меня было кое-что закопано по разным углам, и я намеревался проверить, что из этого пропало и по каким документам оно проходило. А также пообщаться кое с кем и всё такое прочее.

Комконовские склады – это в основном объекты типа УКБ. По-простому УКБ – это орбитальный бокс, переделанный из астероида. Вырезанный плазморезами, если точнее. То есть это система искусственных пещер, внутри которых есть кислородная атмосфера, тепло и свет, а также очень много лифтов, грузоподъёмников, шлюзов и много чего ещё. Очень удобно. Кроме одного момента – у наших УКБ нет прямой нуль-связи ни с чем. В принципе нет, даже заблокированной камеры на крайний случай. Даже к ТС нет прямого доступа. Потому что некоторые вещи, которые там хранятся, бывают немного неоднозначные. Особенно неоднозначные они для сил разума, которые, кстати, с нуль-сетью на очень дружеской ноге. Поэтому у нас всё очень олдскульно-только эпсилон-деритринитация, только грузовые челноки, только хардкор.

Я, конечно, в челноке трястись не собирался. Мне нужно было добраться до комконовской спейс-платформы на Амальтее, где я просто взял бы катер и полетел куда надо. Благо пилотское свидетельство я каждые пять лет продле-

ваю. Это иногда сильно экономит время.

Но сначала мне нужно было сделать множество мелких телодвижений.

Со станции я выбрался при помощи лаксианского ключа. Просто вошёл в камеру, попросил ключ отменить блокировку и набрал номер нуль-коллектора «Денеб-8». Немножко боялся, но всё прошло как по маслу – камера сработала, через секунду я уже стоял на денебовском синем пластике. Там я выпил пива – безалкогольного, правда, но всё-таки – и взял на час личный бокс. Рассчитывая, что за часок управлюсь, потом ещё, может, поем и ионный душик приму, как раз челнок подойдёт.

Боксы денебовские тот ещё сервис: такие пенальчики, где можно или поспать, или поработать с компом. Делали их ещё до нуль-Т, для транзитных путешественников, ожидавших отлёта. Но и сейчас они вполне себе востребованы. Бывает, человеку хочется поспать перед дорогой. Или письмо написать. Или просто подумать.

Вот лучше бы я там поспал. Взял бы не рабочий бокс, а коечку. Ведь чувствовал, что в сон клонит. И взял бы. И ничего бы не случилось. Нет, я взял два эспрессо и сел за комп. Торопился куда-то, наверное, идиот несчастный.

В общем, часа мне не хватило. Если бы я мог рассчитывать на подпись Славина, был бы другой разговор. Но я выписывал именно что сам себе, а в таких случаях приходится обкладываться документами по самые брови.

Заодно, кстати, засёк забавный моментик. По ходу упарившись, я решил отвлечься ненадолго. И дочитать документ Виттеля. Там остался самый хвостик, не то чтобы важный, просто не люблю оставлять дела незаконченными. Так вот, ссылка на неиндексированный файл оказалась битой. Нет, у меня, конечно, сохранилась копия, но та самая ссылка – упс, уже никуда не вела. То есть если бы я не бросился сразу рыть и копать, а отложил бы дело на потом, то ничего и не нашёл бы. Типа – «а вот посмотрим, насколько тебе это надо». Ну Виттель – своеобразный тип, как и все эти друзья, причастные к силам разума. Есть в них вот это, я даже не знаю, как назвать. Эстетство какое-то, что ли. За это мы их, помимо всего прочего, и не любим… Так что вместо Виттеля я дочитывал пресловутую Ингу Зайонц. То есть не саму её книжку, её-то я давно прочёл, а «Ответ на критику». Мне показалось неубедительно.

В общем, часа за три система проработала, и всё было в ажуре, как выражается Славин в таких случаях. Вышел я весь такой собой довольный, пошёл в регистратуру. И там мне сказали, что портал до Амальтеи, оказывается, уже полгода как закрыт. Потому что на неё насели физики, обнаружившие именно в этой точке переброски какой-то интересный эффект тонкого вакуума. И теперь они там устроили лабораторию, гоняют массу туда-сюда, чуть ли не живут здесь, на станции, и уходить не собираются. Ну что делать, наука у нас в приоритете. Но вы не волнуйтесь, ничего страшно-

го, вы сейчас переходите отсюда на «Арктур-2», а оттуда на порт Энцелад и с Энцелада на Амальтею. Всё нулём, минут десять хватит.

Ну да, формально – так оно и есть. Но я не люблю Энцелад. Я там был три раза, и всякий раз случался крайне неприятный факап. Сначала я через него возвращался с того самого задания, после которого меня перевели в действующий резерв. Во второй раз я там расстался с очень милой женщиной. По глупейшему поводу разругались. Ну хорошо, пусть не по глупейшему. Но разругались. И разбежались. Как выяснилось потом, навсегда… А третий раз я там был сравнительно недавно. И потерял сумку с коробкой настоящих кубинских сигар, прямо с Real Fabrica de Tabacos Partagas, которые мне подарили на юбилей. Я всех на уши поставил, порт перерыли, но сумку так и не нашли – наверное, тупой кибер закинул её в мусор.

В общем, в третий раз на Энцелад мне очень не хотелось. Особенно в данной конкретной ситуации. Ну не хочу я больше никогда видеть его порт, стеклянную стену и за ней взвешенную белую муть кольца Е. Не хочу. Чисто из суеверия.

Нет, если бы других возможностей не было, я бы, наверное, плюнул. Не такой уж я нежный. Но поинтересоваться, нет ли вариантов – поинтересовался, естественно.

Оказалось, есть. Вот только что к «Денебу-8» пришвартовался прогулочный челнок на двадцать восемь человек. Экскурсия по первому классу, точка назначения – порт Япет.

С его огромным нуль-терминалом, откуда можно уйти хоть на Землю, хоть на Синие Пески. А уж на Амальтею так и подавно. На всё про всё часа два, зато можно полежать в удобном кресле, посмотреть на виды родной Галактики, ну и откушать всяких напитков, которые в космосе нельзя, но на прогулочные челноки это не распространяется. На этой конкретной экскурсии проводится презентация коньяков из коллекции Ферапонте-Нова, настоящая органика по традиционным рецептам, по результатам презентационного тура будет принято решение о химическом синтезе самых интересных вариантов…

Лена, ну ты поняла, что я выбрал.

День 40

Жду спасателя, весь на нервах, всё из рук валится.

Попробовал сдуру запечь биологическую смесь в тостере – между двух парапластовых пластинок. Думал, вдруг получится что-то вкусное. Смесь сгорела, а пластины намертво склеились. Вонь страшная. Сижу теперь как дурак, дышу ртом, надеюсь на вентиляцию – должна справиться. Хорошо хоть противопожарная система не активировалась. Вот это был бы факап так факап.

Ну что мне теперь делать? Разве что писать. Тем более, немного там уже.

В общем, полетел я на том челноке. И сначала даже был

доволен. Кораблик был из последних моделей, гравикомпенсация такая, что даже взлёта не замечаешь, в иллюминаторе красотища – планеты в ряд на фоне спиральной галактики. Очень возвышенное зрелище, духоподъёмное, я бы сказал.

Дальше, однако, начались проблемы.

Сначала выяснилось, что хвалёный коньяк с Ферапонте-Нова уже весь вылакали. Так что мне принесли обычную химию а-ля Martell Medaillon. Я его не то что не люблю, наоборот, очень уважаю. Но вот как раз от него-то я в сигарное настроение впадаю особенно быстро. А курить даже в прогулочных судах нельзя. Вообще никак, так как воздухоочистка и противопожарка встроены в корабельные системы на базовом уровне и не отключаемы в принципе. То есть я, наверное, мог бы их отключить. Но с непредсказуемыми последствиями. Да и курева у меня не было. А если б было – поднялся бы кипеш, тоже с непредсказуемыми последствиями. Так что я пил этот дурацкий коньяк, закусывал сыром с лимончиком, а вот радости настоящей не чувствовал.

Потом мне приспичило, так сказать, руки помыть. Туалет, однако, был оккупирован киберами-уборщиками. Я пошёл к администраторше. Та сказала, что одному пассажиру внезапно стало плохо, и теперь нужно минут десять, чтобы прибраться. Я это так понял: кто-то перебрал коньяка и заблевал весь сортир. Того самого коньяка, которого мне не досталось. В общем, пилоты меня пустили в свою кабинку, но настроения мне это тоже не прибавило.

И вот после всего этого – тот мужик. То есть мой сосед спереди.

Лица его я так и не видел. Только лысину. Но лысину я запомнил. Знаете, я против лысых ничего не имею. Хотя у меня лично не лысина, а голова без волос. Но тут передо мною даже не лысина, а плешь: потная, багровая, похабная какая-то. С тремя сальными волосёнками на темечке. Такое детям нельзя показывать, я считаю. Я не ребёнок, но всё равно – зрелище было на редкость гадкое.

Но ладно зрелище. Этот тип храпел. Развалил кресло на полную, дрых в нём и храпел.

Вот я чего не понимаю. Храп – это ведь вредная штука. Вредная для самого храпуна, прежде всего. От храпа происходит задержка дыхания во сне и другие плохие вещи. Это не считая страданий окружающих. И позора. По-моему, это хуже, чем под себя во сне мочиться. Причём ликвидируется этот самый храп десятиминутной операцией. Быстро, безболезненно и навсегда. У нас в лётном всех храпунов после первой же ночи в казарме отправляют в медотсек и там решают проблему… И тем не менее всюду полно храпунов. Постоянно на них натыкаюсь.

Но это был храпун выдающийся. Он не просто храпел, он рычал носом, он выводил какие-то с присвистом рулады. Иногда замолкал, чтобы смачно поёрзать задницей в кресле и дополнительно всех позлить, а потом снова засыпал и принимался за старое.

А мне хотелось спать. Сначала не сильно, а потом очень прихватило. Но я не мог заснуть под это рычание.

И тогда я вспомнил про лаксианский ключ. И дал команду, чтобы он это прекратил. В смысле храп.

Мужик вывел последнюю руладу и затих. А я выпил ещё коньяка и заснул. Хорошо так заснул, под блеск двойной звезды в иллюминаторе.

Проснулся я от топота и ударов по ручкам кресел – санитары волокли гравиносилки.

Ну да, да, я виноват. Я хотел избавиться от его храпа. Сформулировал задачу именно так, ничего другого не имел в виду. Ключ меня не подвёл и всё исполнил. В смысле задачу решил.

Вот только не учёл я, идиот, того, что самый простой способ решить такую задачу – выключить человеку дыхание.

День 41

Корабля нет. Сигналов тоже. Ничего не хочется. Почти как тогда. Ну, после того, как я понял, что натворил.

Сначала, кстати, было вроде даже и ничего. Я нормально сошёл с борта, внимания к себе не привлекая. Минут за десять добрался до нуль-терминала. Совсем было собрался на Амальтею, но вспомнил, что пил коньяк, а с алкоголем в крови меня никто в катер не пустит. (Лена, не спрашивай только, чем я думал, когда соглашался на полёт с коньячком,

ладно? Сам знаю.) К тому же спать всё ещё хотелось, хотя и не так чтобы очень.

В общем, я ушёл с нуль-терминала, доехал по рельсу за десять минут до первого же жилого купола и пошёл искать бар или ресторан. Нашёл довольно быстро, у меня на такие места нюх. Ресторанчик, правда, оказался пивным, но мне это было как бы даже под настроение. Взял у кибера жареную сардельку с горчицей, пивка местного светлого. Сел, стал кушать.

Тут-то меня и долбануло.

Нет, у меня и раньше бывали проблемки, так сказать, морального плана. Но не так чтобы очень глобальные. Специально гадостей я не делал, а если что и было, так это в рамках борьбы за выживание. Никого по-крупному не подставлял, во всяком случае. Себя в обиду тоже не давал, это само собой. К физическому насилию равнодушен. Убивать никого не убивал, хотя соответствующую подготовку прошёл. Включая имплантацию ложного воспоминания о смертельном бое и уничтожении противника. Нам всем в «трёшке» это имплантируют. Ну что, посидел под ментоскопом, честно кайфанул, что типа живой остался, потом на отходняках честно поблевал. Четыре дня снился мертвец – я хоть и знал, что его не было, но снился ведь. Потом прошёл завершающее обследование, где ещё раз подтвердилось, что психотип у меня устойчивый, но для таких задач не особенно пригодный. То есть в убойную команду меня не возьмут. Я не огор-

чился – я не за этим в КОМКОН шёл.

А так, по-честному – всю жизнь считал себя нормальным. Не героем, конечно. Просто человеком, который занимается сложной ответственной работой. И делает её хорошо. Да и все проверки я обычно проходил так: норма-норма-норма – допустимое отклонение – опять норма. Это меня как-то даже грело.

Но в тот момент я почувствовал себя последним дерьмом. Прикончившим незнакомого мужика только за то, что тот храпел. И теперь я сижу здесь и жру сардельку, а его нет. И я даже не знаю, кто он был.

Может быть, учёный. Или хороший администратор. Да хоть техник со станции. Чей-то муж, для кого-то отец. Да, с потной лысиной. А может, кому-то моё пузо не нравится. Но у него нет лаксианского ключа, а у меня он есть, и я им вот так удачно воспользовался. Молодец, чё. Всё правильно сделал. О себе любимом позаботился. Какая же я сволочь.

Я попытался залить это чувство пивом. Стало только хуже. А потом ещё хуже и ещё. Такими как бы рывками по спирали.

В какой-то момент я хотел обратиться к лаксианскому ключу, чтобы он источник страданий мне выключил. Стал формулировать и тут вдруг понял, что я себе сейчас совесть собираюсь отрубить. Навсегда. После чего стану… нет, не ублюдком. Не гадом. Даже не Сикорски каким-нибудь, у него всё-таки какая-то этика есть. Извращённая, но есть. А у ме-

ня не будет того места, где оценивают себя. Поэтому, что бы я ни сделал, я себя дерьмом никогда не почувствую. Но и хорошим человеком – тоже. Одна пустота. А ведь радость жизни сильно скрашивается ощущением, что ты по жизни прав и всё делаешь правильно. Это ведь тоже удовольствие, причём как бы поважнее коньяка. И я буду его лишён. Наверное, стану пить. Или буду делать всякие пакости, чтобы хоть что-нибудь в этом месте ощутить. Не, это не жизнь.

Тогда я всерьёз задумался, не остановить ли мне, например, сердце. Но это было бы уже совсем глупостью и к тому же свинством. По отношению к Комову, например. Я ведь должен вернуть ему вещи. Потом работа. И вообще, масса причин. К тому же я из лётного и комконовец, а в наших рядах суицидников не держат. Так что задуматься-то я задумался, но довольно быстро пришёл в себя и стал мыслить конструктивно.

Конструктивно я додумался вот до чего. Или воспаление совести у меня пройдёт само, или не пройдёт. Зная себя, я бы поставил на второе – у меня есть свойство застревать во всяких состояниях, мне это Борька Левин говорил, кстати. Значит, мне нужна психокоррекция. Причём анонимная. Потому что про лаксианский ключ никто не должен знать. Даже Борис. Нет, не так: прежде всего Борис. Потому что он-то точно доложится по начальству. Человек он, конечно, хороший, но служебный. Я без осуждения – сам такой. Но в данном конкретном случае наши интересы расходятся. Так что

лучше уже как-нибудь самому.

В принципе, курс работы с ментоскопом нам в «трёшке» давали. В том числе навыки самокоррекции – снятие постстрессового синдрома, блокирование участков памяти, простейшее самопрограммирование. Добыть ментоскоп обычному человеку очень сложно. Но не мне. У меня на складах, куда я, собственно, и собрался, есть всё, включая такие приборы, о которых общественности знать не полагается в принципе. Что-что, а стандартный ментоскоп я найду, это не проблема. Проблема с тем, что я буду делать дальше. Потому что я должен буду его запрограммировать, причём так, чтобы по ходу не повредить у себя в голове ничего существенного. Что требовало времени и чтения специальной литературы.

Я даже несколько повеселел. Допил пиво, пошёл к администратору, снял большой одноместный номер в японском гостиничном комплексе. Хороший номер, с автоматическим баром и видом на кратер Альмерик. Выложил за такую красоту человеко-часы, так как решил, что не та у меня ситуация, чтоб жаться. В номере принял душ, разложил комп и сел работать с БВИ.

Разумеется, в открытом доступе никаких сведений по психокорректирующим процедурам нет и быть не может. Раньше, говорят, что-то встречалось, но после шестьдесят пятого – когда психокоррекцию признали опасной и как массовую услугу для населения запретили – вычистили даже специальные журналы. В разделах, открытых по моему коду допуска,

кое-что нашлось. В основном элементарщина – как настроить ментоскоп, как войти в резонанс с базовой частотой аксонного обмена, как делать простейшие вещи типа наведённой галлюцинации. Я всё это внимательно просматривал и сохранял у себя, так как премудрость эту изрядно подзабыл.

Освежив в голове азы и выпив пива, я завалился спать. Предварительно дав команду лаксианскому ключу, чтобы он не воспринимал никакие идущие от меня сигналы, пока я не проснусь.

Это было с моей стороны очень дальновидно. Потому что мне стал сниться тот челнок, иллюминатор и лысина, лысина, лысина эта проклятая.

День 42

Всё.

Непонятно, на что я вообще надеялся.

День 43

Вчера мимо станции пролетел спасательный корабль. Я его видел. Именно пролетел. Точнее, величаво так проплыл. Мимо. И скрылся из глаз, двигаясь, как я понял, по нисходящей траектории в направлении планеты типа Юпитера. А скорее, какого-нибудь спутника данной планеты.

То есть сигналы слали не мне. Меня спасать никто и не собирался. Ну, в общем логично. То-то я удивлялся, чего это они вдруг.

Хотя ситуация всё равно непонятная. Допустим, не меня спасают. Но где-то кого-то спасают же? Значит, есть от чего. Какой-то факап немалых размеров. Может быть, даже глобальный. Из-за которого операцию по мне временно тормознули, например.

А что, такое бывает. По крайней мере, одну такую историю я знаю.

Рассказывал мне её один коллега, который при Поле Гнедых работал в убойной команде. Поль подписал приказ на ликвидацию одного восходящего научного светила из Института мозга. Умницы и гения, достигшего поразительных результатов в анализе механизмов творческой деятельности. Который в двадцать пять лет защитил докторскую по взаимодействию старой коры и неокортекса в творческом акте, потом написал книжку, теперь это уже классика. Сам по себе человек был прекраснейший, все его обожали. Даже киберы-уборщики, кажется. Вот только его результаты были достигнуты благодаря опытам на людях, с необратимыми последствиями. В основном он упражнялся на пациентах клиники при Институте, а также на сослуживцах и знакомых. В результате несколько человек лишились способностей и талантов. Двое на этой почве свихнулись. Ещё один покончил с собой, когда у него музыкальный слух пропал.

Причём, что характерно, это у товарища учёного не какой-то психический вывих был, нет. А осознанная позиция: наука превыше всего. Он даже понимал, что в какой-то момент всё раскроется, и будет худо, но и к этому он относился столь же стоически: что успею, то сделаю, будущее меня оправдает… В общем, наш клиент.

Так вот, ровно через сутки после того, как Гнедых подписали приказ на ликвидацию, случился инцидент на Дальней-14.

Вот, кстати, тоже вопрос. Как надо называть такие случаи, как на Дальней? В принципе, это типичный факап. Потому что причиной всему был отказ энергетической защиты в условиях агрессивной среды с неизвестными параметрами. Обычно от такого люди просто гибнут или повреждаются. Тут, в общем, тоже повредились, вот только непонятно, в какую сторону. Потому что весь персонал станции вдруг бросился рисовать, музицировать, снимать какое-то видео, и всё – на очень высоком уровне. На гениальном, если уж всерьёз. У большинства это потом прошло, но у кого-то осталось. Тот же Сатар Бурмистров, например – он ведь раньше курьером был, возил оборудование и вот по этой причине и оказался на Дальней-14, когда всё и случилось. А теперь он великий органист и кумир поколения… В общем, всё кончилось хорошо, так что теперь тот случай называют не факапом, а инцидентом.

Однако в тот момент никто ничего не знал и не понимал,

зато все изрядно перепугались. К тому же часть информации вырвалась наружу и зацепила общественность. Кипеш удалось погасить, но пошли панические слухи о мутациях и сверхчеловеках. Так что всех земных специалистов, имевших отношение к теме, бросили на Дальнюю. Включая нашего героя, который первый ринулся в прорыв вместе со всей лабораторией.

Ликвидацию пришлось отложить. Гнедых рвал и метал, но без толку. Бросаться специалистами такого уровня, когда они реально понадобились – так не делают. Пришлось ограничиться наружным наблюдением, чтобы клиент не принялся за свои штучки.

Но ничего страшного не случилось. Были получены некие результаты, сразу же засекреченные. А наш клиент прошёл в членкоры Мировой Академии наук. Тут мы попали. К академикам и приравненным к ним лицам отношение у нас, как известно, особое. И официально, и неофициально. Ну нельзя вот так просто взять и ликвидировать человека с академическим статусом. То есть можно, конечно, но требуется целый ряд согласований, и решение нужно всякий раз обосновывать. Поль потратил на это полгода, но тут случилась новая подляна: клиент сильно скорректировал направление исследований. А именно – занялся развитием творческих способностей у животных, то есть эволюционной терапией, как это сейчас называют. Ну а эти исследования курирует, как известно, ДГБ.

И теперь этот вивисектор работает на секретном дэгэбэшном объекте, откуда достать его невозможно в принципе.

Вот это, я считаю, факап так факап.

День 44

Мне тут пришла в голову мысль: а нельзя ли сбродить биологическую смесь и сделать бражку? В принципе, в ней есть глюкоза и прочая фигня, из которой можно получить спирт. Нет дрожжей, но я тут вспомнил, что у меня были сухари, довольно-таки заплесневелые. Сухари я давно съел, но помню, где они лежали. Наверняка там остались какие-то крошки. Может ли плесень сбраживать? Не помню. Ну а если попробовать? Всё равно заняться больше нечем.

Хотя можно ещё писать. Про Япет.

На следующий день – ну, формально на следующий, проспал я недолго – я снова сел за изучение нелёгкой науки психокоррекции. Она давалась мне с трудом: совесть, гадюка, изменила тактику. Настроение больше не портила, зато забивала голову мыслями о том, как надо было правильно поступить с храпящим мужиком. То есть у меня внутри всё время проворачивалась и проворачивалась эта ситуёвина. Вот как я сажусь, как он храпит, как я формулирую команду ключу. И как можно было бы поступить, чтобы он остался жив. Например, временно отключить себе слух. Нет, нельзя, можно было бы лишиться его навсегда, лаксианский ключ заднюю

не даёт. Значит, надо было мужика разбудить – ну то есть тупо прервать сон, тоже ключом, это было бы нормально. И заснуть раньше, чем храпуна снова вырубит. А можно было бы ещё и так, а можно было бы эдак, и всё это крутится-крутится-крутится. И никак не вытряхнуть из головы эту пёсову карусель.

Я решил вышибить клин клином и принялся за серьёзную специальную литературу, требовавшую внимания и сосредоточенности. И в какой-то мере преуспел. Карусель в голове не то чтобы остановилась, но вращение замедлила.

Практический результат, однако, не радовал. В довольно объёмистом справочнике «Профилактика и снятие негативных состояний методами психокоррекции» – между прочим, издание серьёзное, под комконовским грифом – я нашёл довольно много про всякого рода страхи, тревожные состояния, расфокусировку внимания и так далее. Одного там не было: что делать человеку, страдающему из-за собственного факапа. Именно не было: я читал практически подряд, на уровне абзацных заголовков как минимум. То же самое было и со старым сборником «Нейрофизиологические механизмы эмоций», тоже изъятым из доступа. Откровенно говоря, я там вообще мало что понял. Кроме того, что волнующая меня тема не обсуждалась. Во всяком случае, вот так прямо.

Проблема была в том, что я не знал специальной терминологии. Например, как называют психокорректоры ту же самую совесть? Непонятно. А стресс в результате факапа? Мо-

жет, есть какое-то научное обозначение, но где ж его найдёшь?

С отчаяния я полез в гуманитарную литературу. Рассчитывая на какую-нибудь случайную сноску.

И мне повезло. В первом же скачанном мной сборнике ИЭИ «Этические системы гуманоидных цивилизаций среднего уровня развития» я выцепил ссылку на труд с многообещающим заголовком «Коррекция этических переживаний». Но ещё любопытнее было имя автора – то был не кто иной, как Ян Сноубридж. Тот самый племянник академика Улитнера и активист ДОПН, погибший в клешнях ракопаука.

Однако текста в БВИ не было. Вообще нигде – ни в открытом доступе, ни в закрытой его части.

Тут я так взволновался, что забыл даже про лысого храпуна. И выложил последнюю карту – вошёл в систему по комовскому паролю доступа. Хотя понимал, что вот это уже мне вряд ли сойдёт с рук. Потому что такие входы отслеживаются. Одно дело, когда я входил в сеть под комовским паролем из своего кабинета – это комконовское здание, запросы из него контролируются нашей службой собственной безопасности, которая состоит из людей понимающих и недокучливых. А вот вход такого уровня из внешней сети обязательно будет пробит самым тупым образом, и о нём могут справиться у Комова лично. Но мне было уже плевать. Ситуация с Комовым у меня образовалась такая, что или пан или пропал. Всё равно придётся объясняться. Так уж лучше

сразу во всём признаться – ну, кроме убийства, конечно. И тут уж он решать будет, что со мной делать.

Однако и тут меня ожидал совершенно неожиданный облом. Книжки не было, совсем, нигде. Похоже, её вычистили.

Я бросился пробивать библиографию сноубриджевых работ. И выяснил, что ещё четыре текста – видимо, статьи – данного автора куда-то пропали. Все они были написаны, что характерно, незадолго до «Письма семидесяти пяти» и начала кипеша, после которого психокоррекцию для масс свернули. Причина отсутствия данных материалов тоже вскоре выяснилась и оказалась более чем уважительной: их удалил сам Сноубридж.

Но я не стал сдаваться. Я попробовал поискать ссылки на эти работы в других работах. Не нашёл. И совсем отчаявшись, я запустил прямой тотальный поиск по БВИ, обосновав запрос всё тем же комовским доступом.

Лена, если вдруг ты не в курсе. Тотальный поиск – это когда абсолютно вся база БВИ перетряхивается в поиске какого-то фрагмента текста. Процедура варварская, что-то вроде удаления аппендикса кухонным ножом без анестезии. Она может занять и час, и два, и сутки, и неделю, если не повезёт. Это пожирает моря энергии и перегружает базовые сервера БВИ, так как требует прямого непрерывного доступа к омега-пространству. Всё это время БВИ будет подтормаживать при исполнении обычных запросов. А главное – всё это совершенно не нужно, поскольку у нас есть Коллектор Рас-

сеянной Информации, который выдаёт те же результаты, но очень быстро и безо всяких ужасов.

Проблема в том, что у меня не было доступа к КРИ. И я применил лом, за неимением другого приёма. Добавив в список своих прегрешений ещё одну строчку. Да, я понимал, что делаю. Зачем делаю – с этим сложнее. Но это я сейчас так думаю, а не тогда.

Однако неделю, сутки и даже час мне ждать не пришлось. Звёзды как-то так склеились, что ответ пришёл всего-то через полчаса – я третье пиво ещё не допил.

Ссылок на удалённые работы Сноубриджа оказалось тридцать девять. В тридцати восьми случаях они присутствовали в специальной литературе, изъятой из открытого доступа. Плюс ещё одна ссылочка – в официозной статье академика Улитнера «Историческая роль деятельного гуманизма как объективного принципа диалектического развития гуманистической этики». Ссылка шла с предложения «Объективная невозможность искусственного внедрения деятельного гуманизма как объективной вершины диалектически-поступательного развития этики доказана, в том числе и научными методами». Вот после слова «научными» и стояла циферка, ссылавшаяся на публикацию Яна Сноубриджа с труднопроизносимым названием «Ещё раз к вопросу о профилактике параконсциетальных состояний».

Проверив даты, я убедился, что статья Улитнера была написана после гибели Сноубриджа. Академик, судя по всему,

знал, что текст изъят из БВИ. Похоже, то была очередная улитнеровская шпилька из серии «а я знаю, а я знаю, бе-бе-бе». Которую, скорее всего, не заметили – слишком уж тоненько бебекнул академик. Потому что читать официозные статьи на тему великой всепобеждающей теории само по себе крайне скучно, а уж смотреть библиографию к ним – это вообще ни одному нормальному человеку в голову не придёт. Но, в общем, я убедился в том, что племянник и в самом деле рассказывал почтенному академику что-то интересное, вот только что именно – теперь нет никакой возможности выяснить. Тупик.

Я попробовал было что-нибудь поискать по слову «параконсциетальный», но ничего не нашёл. Видимо, это был или авторский термин, или что-то очень специфическое. Второй раз запускать глобальный поиск по БВИ я как-то не решился и оставил это дело.

Что касается литературы из закрытого доступа, с ней мне повезло не сильно больше. Все ссылки шли с очень специальных статей, где речь шла о каких-то очень тонких способах мозгоклюйства. На «Коррекцию» ссылались в основном при описании мозгокрутных методик, написанных таким языком, что у меня дым из ушей шёл. И я бы, наверное, бросил это дело, если бы не обнаружил статейку не кого иного, как Бориса Левина. В которой было аж целых три ссылки на сноубриджевские работы.

Я прочитал этот текст раз десять, не меньше, пытаясь

вникнуть. И чем больше я вникал, тем меньше понимал, что это такое вообще.

То есть. Левин подробно обсуждал достоинства и недостатки разных методов решения какой-то сложной проблемы. При этом сама проблема нигде не описывалась и даже не называлась. Это было очень заметно – избегались даже косвенные упоминания о ней. Чтобы было понятно: представьте себе инструкцию к какому-то устройству, где нет ни слова о его назначении, а также о том, что оно, собственно, делает. И даже названия самого устройства нет. Вот такое впечатление производил левинский опус.

Однако некую крайне важную информацию я из него извлёк, и даже дважды. Оба раза – благодаря хорошей зрительной памяти.

Первое. В самом конце статьи после критического анализа – насколько я его понял – некоего «метода Сноубриджа» Левин предлагал свой. Речь шла о последовательности психокорректирующих процедур. Написано это было так, что я не понимал там ни слова. Но сами слова – где-то я их видел. Вот именно такие, вот именно в такой последовательности. И не просто видел, а долго ломал над ними голову.

Довольно скоро пришёл и ответ. Я влез в комп и сверился. Да, точно: это была та самая «плановая процедура», которую делали Антону-Румате и много кому ещё. И которую сам Левин в разговоре обозвал «холостым режимом» и долго картинно недоумевал, что же это за загадочная фигня.

Правда, в статье, кроме тех строчек из файла, было кое-что ещё. Какие-то символы и команды, выглядящие как программный код, что ли. Это я опознал сразу. Последние строчки этой галиматьи в точности совпали с тем, что я подсмотрел и сфоткал с Борькиного планшета.

Я так разволновался, что случайно нажал не туда и перелистнул лишнюю страницу. И оторопел во второй раз. Сразу после статьи был краткий некролог Сноубриджа, с фотографией. Которая меня поразила.

Фотки Сноубриджа я видел – взять хотя бы ту самую, с Улитнером на рыбалке. На ней был молодой спортсмен мажорского вида. Но с фотки в некрологе смотрел старик. Ну нет, преувеличиваю. Не старик. Но человек пожилой, где-то за сто. Причём не следящий за собой, с обвислой кожей на щеках и сединой. Глаза были совсем плохие – выцветшие и старые, даже на картинке это было видно. Нет, не скажу, что краше в гроб кладут, но почему вдруг? В его-то возрасте?

И тут я вспомнил Надежду и тамошних аборигенов. Которые старели совсем уж стремительно.

От всего этого у меня разболелась голова. Я попробовал было полечиться пивом, но оно не пошло от слова совсем. Зато курить хотелось ужасно. Лежать и курить. Чем я и занялся – лежал и курил.

А в башке – крутилось, крутилось, крутилось.

День 45

Ходил искать крошки от сухарей. Ничего не нашёл – только пыль. Зато обнаружил тщательно запрятанный в очень дальнюю щель свёрток. А в нём!

А в нём гермокомбез, космический стандартный, модели ГКК61 Л-4, пятидесятилетней давности, ненадёванный, в родной упаковке.

Я сначала просто глазам не поверил. Бешеный ведь раритет, мечта коллекционера.

Лена, ты такие вещи плохо понимаешь. Но фишка тут в чём. Коллекционеры всегда стремятся собрать полную серию того, что коллекционируют. Особенно ценятся те вещи, которых мало. А меньше всего остаётся тех вещей, которые были когда-то изъяты из употребления. Комбез ГКК61 Л-4, например, изъяли через месяц после выпуска модели. Потому что вещь оказалась с системным дефектом – плохо держит вакуум. Потому что при запуске в производство какой-то урод перепутал тип гермопластика. Вроде бы никто из-за этого не погиб, но все изделия отозвали, собрали и уничтожили. А новые, уже с нормальным пластиком, маркировали ГКК62-М, чтобы не путались. Поэтому ГКК61 Л-4 осталось – ну, десятки. В складской упаковке, ненадёванных – единицы.

Сам я не по этой части. Нет у меня таких возможностей,

чтобы скафы и гермокомбики собирать. Но людей, на этом подвинутых, знаю. И если пустить информацию, что у меня такое есть – у меня под дверью будут стоять такие уважаемые люди, что мама не горюй.

В общем, я этот свёрточек решил забрать себе. Если вдруг выживу, чтоб была хоть какая-то моральная компенсация за пережитое.

Ладно, остыть пора немного от восторгов. У меня пошёл самый неприятный кусок истории. Вот сейчас, сейчас последний рывок сделаю.

Только сначала некоторые объяснения технического плана.

Похищение человека – преступление хоть и серьёзное, но почти неосуществимое. Человека нельзя просто так оглушить и запихнуть в глайдер. Нет, оглушить можно. Запихнуть вы тоже успеете. Но, скорее всего, глайдер никуда не полетит. Или полетит – до ближайшего места принудительной посадки, где вас встретят специально обученные люди. Почему так? А вот потому. Так устроено. Общественность не знает, как именно её контролируют. И не желает знать, несмотря на все свои свободолюбивые попискивания. Зачем признаваться себе, что при выборе между свободой и безопасностью большинство выберет безопасность? Но при этом все хотят самоуважения и права иметь маленькие секреты. Эти права никто не нарушает, и все довольны.

Комконовец вроде бы имеет больше возможностей. Он

знает систему. И понимает, где и как её можно обойти. Но если он действует в одиночку и за ним не стоит КОМКОН, то особой опасности он не представляет. Потому что все его специальные навыки предполагают наличие специальной аппаратуры, которую ему никто не даст.

Если, конечно, он не завхоз. Который может выписать себе хоть лысого пса с Планеты Синих Песков, коли он ему очень понадобится.

Пёс не понадобился. Я обошёлся нашим обычным инструментарием. Выписал со склада гравикомпенсатор, парализатор, полевой ментоскоп для допроса и ещё кое-что по мелочам. Весь комплект отправил сразу в защищённые почтовые ячейки Южного терминала, через который я и вернулся. На Землю в смысле. А там всё перегрузил на кибера-носильщика и дал ему инструкции – следовать за мной, в помещения не заходить, ждать у выхода, и всё такое.

Лена, я очень надеюсь, что ты хотя бы спросишь – какого хрена я это затеял?

Честно скажу. У меня нет криминальных склонностей. А если были бы, это выяснилось бы на первой же проверке и меня бы в КОМКОН не взяли. Или взяли, но совсем на другие дела. В общем, за мной такого не водится. У меня другая проблема. Я не могу оставить дело на полдороге. Ну не могу и всё тут. Это, кажется, называется синдром незавершённого действия. У меня он всегда был. Его, наверное, можно было скорректировать. Я согласился бы. Вместо этого меня

поставили на должность, где это свойство казалось безвредным и даже полезным. Наверное, так оно и есть. Мне просто очень не повезло с той монеткой и журналом. Меня замкнуло. Плюс ещё этот труп. И ключ, конечно. И вообще всё так сложилось.

На что я рассчитывал? В смысле – как собирался отмазываться потом? И опять честно: не думал. Нет, если совсем честно – то думал. Просто это были такие мысли… ну, которые лучше не жевать до того момента, как ситуация станет необратимой. А что делать – я знал, конечно. И как это делается – тоже. Что характерно – прочёл в его же методичке по экспресс-допросу в полевых условиях.

Почему меня именно на этом замкнуло? У меня ведь полно стёртого в голове. И ничего, не жалуюсь. Меньше знаешь – крепче спишь, это ведь даже не шутка. Левин мне рассказывал: был у него пациент с хронической бессонницей. Ну, Борька покопался. И выяснилось, что человеку всё время снилась одна ситуация, о которой он знать был не должен, но вот знал. А поскольку знать он был не должен, то при пробуждении он всё честно забывал. Кроме чувства вины. Которое ему потом заснуть не давало. Ну, Борька ему вписал в программу сна, что в решающий момент картинка как бы закрывается занавесочкой. И у человека всё наладилось. Очень он Левина потом благодарил.

Но вот у меня получилось по-другому. Бывает так: пока не узнаешь – заснуть не можешь. Вот это как раз мой случай.

Опять я занимаюсь самооправданием и самокопанием. Извини, Лена. К делу. Только факты.

В общем, я понял, что Борька Левин в курсе того, что меня интересует. И не просто в курсе. Он с головой увяз в теме. В той самой теме, в которой я варюсь уже пёс знает сколько времени, начиная с той самой монетки. И которая меня никак не отпускает, чтоб её.

Хотя была вероятность, что ему отрубили память. Но не вычистили полностью, в этом я был уверен. Потому что его знания могли пригодиться. Такое не убирают навсегда, только блокируют. Ну а у меня был ключ к любым замкам, в том числе и к тем, что под черепом. Даже два ключа: наш, земной, старый добрый ментоскоп и лаксианский, если ментоскоп вдруг не поможет.

Труднее всего оказалось договориться о встрече. Левин был занят, так что я ловил его дня три. При этом я боялся показаться слишком навязчивым, так что за эти три дня я сделал ему всего один звонок. Борькины перемещения и занятость я отслеживал по его личной карте. Так что мне удалось его отловить на выходе у здания Центра Карнеги в Лос-Анджелесе. И уговорить пройтись и чего-нибудь выпить.

По-моему, Борис что-то почувствовал. Хотя я отрубил себе ключом тревожность. Но он почему-то не стремился к уединению. Вместо тихого и уютного ресторанчика, куда я намеревался его завлечь, он потащил меня в огромный развлекательный комплекс на Хилл-стрит. Где море народа и

уединиться практически невозможно.

Ну, мы там посидели. Выпили. Я бы сказал, изрядно. Оба. Более того, я специально постарался набраться как следует. Так что Левину пришлось вести меня на выход, поддерживая за плечики.

Самое сложное было отмотаться от нуль-кабины в самом центре, куда Борька сначала меня и направил. Пришлось изобразить, что мне совсем худо и я хочу на воздух. Левин пытался мне объяснить, что воздух в помещении прохладнее и лучше насыщен кислородом, чем на улице. Он вообще-то был прав, но я вообще-то был пьян, так что я за него уцепился и потребовал меня вывести немедленно, а то ща блевану. Ну не мог же я ему объяснить, что меня там ждёт контейнер на ножках, без содержимого которого я не смогу его, Борьку, вывернуть наизнанку? Не мог. И когда Борька стал мне совать в рот детокс, не мог же я сказать: нет, друг Борис, ты должен пойти со мной, потому что я собираюсь тебя похитить и допросить в укромном месте. Пришлось выплюнуть Борьке этот детокс на пиджак. До сих пор стыдно. А уж как Борис на меня посмотрел – этого я никогда не забуду.

В общем, я его уломал. С крайним отвращением на физиономии он повёл меня на выход, где перетаптывался мой носильщик. И мы взяли курс на ближайший ряд нуль-кабинок.

Людей там было полно. Но я их не опасался. То есть опасался одного – что кто-нибудь сердобольный захочет мне по-

мочь. Деятельный гуманизм был бы сейчас очень не в тему.

Но всё обошлось. Борька кое-как дотащил меня до кабинки, открыл дверь, и тут я упёрся. Так что ему пришлось зайти внутрь, чтобы втащить меня. На что я, собственно, и рассчитывал.

Дальше счёт пошёл на секунды.

Для начала я приказал лаксианскому ключу отрубить сканер состояния. В общественных нуль-кабинках он всегда работает. Если туда заходит человек, чьи биологические параметры отличаются от обычных, он это распознаёт, фиксирует и подаёт сигнал куда надо. Это часть системы глобальной безопасности. Необходимая часть. Но сейчас она была очень некстати. Секунда ушла на это.

Потом я занялся собой. То есть распорядился ликвидировать состояние опьянения. Очухался буквально за секунду. Ещё секунда ушла на то, чтобы включить парализатор – специальный комконовский, замаскированный под браслет связи. Борька ничего и понять не успел.

Мне осталось его только подхватить под микитки и усадить на пол. На что ушло ещё секунды четыре.

Затем я отправил в аут ещё один очень специальный ограничитель, о котором мало кто знает. Потому что я собирался набрать адрес, который в ином случае был бы автоматически заблокирован.

Ещё секунд десять пришлось потратить на дурацкого носильщика. Который, тупо следуя моей инструкции, нуль-ка-

бину воспринял как помещение и топтался у входа. А я был на взводе и не сразу понял, в чём дело. Но наконец сообразил и приказал ему войти.

В общем, мы кое-как загрузились, я закрыл дверь и ввёл координаты. И ещё через четырнадцать микросекунд оказался на Тёмной Стороне.

День 46

Да что ж такое творится-то? Война со Странниками началась, что ли?

После завтрака – попробовал, кстати, залить биологическую смесь кипятком, получилась страшная мерзость – слушал Свиридова. И тут в иллюминаторе появился ещё один корабль. То есть мне сначала так показалось. Потом я понял, что это кусок какого-то стационарного сооружения – резервуар, трубы, что-то ещё. Всё это медленно вращалось и плыло по направлению к звезде класса G.

Да, похоже на войну. Может, мне ещё повезло? Сижу тут на попе ровно, жратва и воздух имеются, музыка опять же классическая. А где-то корабли горят и взрываются.

Хотя нет. Лучше бы я горел и взрывался, чем здесь коптить вакуум. Вот правда. Никогда не был героем, но и вечно жить не собирался. К тому же тут сидеть – всё равно не жизнь. И лучше уж отдать концы быстро и с пользой для человечества, чем вот так, медленно и позорно.

В связи с этим – ещё немножечко мемуаров.

Тёмная Сторона – это так нуль-техники её называют. На самом деле ТС – это «техническая составляющая». Если совсем точно – «система поддержки технической составляющей нуль-трафика». Каковая, в свою очередь, образует 99,99 % всех нуль-транзакций.

Вот ты, Лена, вряд ли когда-нибудь интересовалась такой прозой жизни. Для тебя нуль-Т – это когда ты входишь в одном месте и в другом выходишь. Ты, наверное, уже не помнишь, как координаты набирать. А может, и никогда не набирала, потому что когда пассажирский нуль-Т на Земле появился, ты уже была в Мировом Совете. И у тебя всегда была личная маршрутная спецкарта, которую тебе помощники готовят. Тебе всех дел – войти да выйти.

Я это без зависти говорю. Хотел бы – у меня была бы такая же. Просто у меня другой образ жизни. К земле ближе в каком-то смысле.

В общем, послушай, если интересно. А если неинтересно, пропусти, тут будут всякие скучные подробности.

Пассажирский нуль-Т, который мы все знаем и любим, функционирует по так называемому ГПП/14 МКС-протоколу. ГПП – это «гарантированно подтверждённый переход». То есть переброска производится только при условии, что выдающий и принимающий порталы свободны, открыты и синхронизированы с точностью до четырнадцати микросекунд. Чтобы если он вошёл в камеру, слушая по панельке

новостную передачу – то и вышел бы, слушая ту же передачу и не замечая, что она прерывалась. А за четырнадцать микросекунд он не успеет ничего ощутить в любом случае.

Хотя, конечно, дело не в этом. А в том, что за четырнадцать микросекунд дрейф координат точек выдачи-приёмки аппроксимируется практически линейно, что важно для расчётов.

Вот, кстати, тоже тема. Наша любимая общественность регулярно возмущается, почему это на космических судах запрещены нуль-порталы. Ну как удобно было бы: поднимаешь толстый зад с креслица, ковыляешь до кабинки – и уже на Земле. А то нужно переходить на станцию – это же столько возни, и где же забота о человеке.

Тупорылой общественности уже устали объяснять, что это и есть забота о человеке. Потому что для успешного нуль-перехода необходимо выполнение второго граничного условия нуль-перехода, то есть совмещение позиции и контрпозиции с точностью до матэквивалента фундаментальной длины. При имеющихся вычислительных мощностях это можно гарантировать только для тел с хорошо просчитанным движением. Например, с постоянной орбитой, причём постоянно же отслеживаемой и регулярно подтверждаемой. Нуль-станции на таких орбитах и находятся, их коррекция минимальна. А судно – оно, понимаете ли, летит так, как хочет пилот. Конечно, и его движение на заданном участке можно просчитать, но с другим качеством. Линей-

ное приближение тут чревато появлением в матрице Ламондуа мнимых собственных значений сигма-операторов. Что на практике означает – наш толстозадый дружок имеет шанс на Землю не попасть. Небольшой такой шансик, один к тысяче примерно. То есть каждый тысячный любитель комфорта будет растворяться в великом Ничто.

Меня лично это, может, и устроило бы, потому что дурость должна же хоть иногда быть наказуема. Но общественность любит, чтобы ей было и удобненько, и безопасненько. Чтоб и с печки упасть, и попку не ударить. А поскольку основой нашей цивилизации является деятельный гуманизм, то второе считается более важным. И поэтому порывы любителей падать с печки несколько ограничивают. Вот такая вот несправедливость.

Но вообще-то транспортировка людей – это, на самом деле, далеко не самая важная вещь. В основном нуль-Т, как и любой транспорт на планете, занят переброской грузов. Поскольку же энергии на это тратится меньше, чем на любой другой вид транспорта – вложения в переброску на старте огромные, но всё отбивается на финише практически вчистую, – то почти все грузопотоки Земли сейчас идут через нуль-порталы. Это сотни миллиардов тонн в час. А может, и больше, я точно не знаю. Но в любом случае это очень много.

Так вот, пересылать грузы по ГПП-протоколу, даже самому щадящему, невозможно в принципе. Грузовые порталы вечно заняты, на каждый из них в секунду приходят сотни и

даже тысячи запросов. К тому же их надёжность на два порядка ниже, чем у пассажирских – не только по экономическим соображениям, но и из-за масс-объёмов грузопотока. Потому что каждый переброшенный килограмм-метр амортизирует оборудование, а там валятся сотни тонн габаритных грузов.

Пассажирские порталы отказывали в считаных случаях. И каждый раз поднимался кипеш. А за ним следовали дальнейшие вложения в надёжность.

Зато отказ грузового портала считается неприятной, но штатной ситуацией. А для грузов используются протоколы класса ОТП – «от требования получателя». Смысл тот, что груз уходит в выдачу, когда это удобно выдающей стороне, и появляется на приёме, когда это удобно стороне принимающей. Между передачей и приёмом могут проходить минуты и даже часы. Всё это время груз находится в нуль-состоянии. Или, как говорят нуль-техники, подвешенным. А для того чтобы он таким не остался навсегда, чтобы его не потеряли, ну и так далее – существует ТС. Она же Тёмная Сторона. То есть невидимая миру инфраструктура нуль-Т, находящаяся по ту сторону континуума.

Устроена ТС довольно хитро. Её основу составляют куски нашего обычного пространства. Точнее, куски воздуха, нарезанные этакими ломтиками длиной-шириной километра полтора и высотой метров сто. Эти куски, строго говоря, находятся нигде – то есть за ними ничего нет, в том числе кон-

тинуума. Если ты дойдёшь до конца такого куска, то дальше двигаться будет просто некуда: пространства-то больше нет. Выглядит это как абсолютно твёрдая зеркальная стена, которую даже кварковая бомба не протаранит. Потому что таранить можно что-то, а ничто на то и ничто, что ты хоть лопни, а хрен с ним чего сделаешь.

Вот между таких стен и находятся всякие сооружения, оборудование и компьютеры, выстраивающие очереди ОТП-запросов и разводящие грузопотоки по терминалам. Кроме того, сами эти коробки могут использоваться как складские помещения. А также как место размещения некоторых производств. Включая, например, компостное.

Если уж на эту тему. Я много раз слышал дурацкую шуточку про то, почему все модели нуль-кабин обязательно совмещаются с туалетом. Дескать, не так просто эти две дверки всегда рядом. Якобы, когда нуль-Т ещё только начинался, люди боялись им пользоваться и у некоторых от страха подводило живот. Поэтому и вышло распоряжение – делать рядом отхожее место. И что инструкция с тех времён так и осталась прежней по причине тупости и косности начальства, хи-хи-хи. И ведь верят, идиоты! А простая вроде бы мысль – что органические отходы надо куда-то девать – общественности в голову, естественно, не приходит. По причине полной неспособности к элементарным умозаключениям.

Очень правильно сказал кто-то из основоположников

ТИП: общественность – не мозг цивилизации, каковым она сама себя считает, а её дерьмо. И это не скатологический юмор.

День 48

Вчера не писал. Пришлось бороться за выживание. Мне не понравилось.

По порядку. Я слушал Византийскую мессу Лаврангаса, когда по станции ударил рой обломков. Противометеоритка сработала и всю мелочь отбросила. Однако какая-то хреновина вроде куска трубы попала в батарейный отсек и разгерметизировала его.

Я перепугался. И пошёл наводить порядок.

Конечно, надо было надеть комбез. Но вот честно: у меня рука не поднялась распаковать коллекционную вещь. Я понимал, что жизнь дороже, но жаба задушила. В общем, взял я инструменты, кислородный баллон с загубником на всякий случай прихватил – и полез чиниться.

Выяснилось, что всё не так страшно. Пассивная защита затянула пробоину клеевой пробкой. Зато дверь заклинило, так что я её час открывал. А когда всё-таки открыл, то получил куском трубы по физиономии, потому что в том отсеке почему-то отказала гравикомпенсация.

Ну, я там побарахтался. Смог восстановить гравик и нормальное освещение. Воздух опять же. На место пробоины

наложил пластырь, так что теперь мне вроде как ничего не угрожает. Ну, условно не угрожает: срок годности пластыря – года полтора. Но на эту тему я думать пока не готов, извините.

Короче. Выяснилось, что труба перерубила какой-то кабель. Я так и не понял, что именно тот кабель питает – вроде и без него всё нормально работает. Хотя кто его знает.

Самое же неприятное, что удар придал станции вращение. Теперь, вместо вида на звезду класса G и планету типа Юпитера, в иллюминаторе медленно проплывает какое-то несерьёзное небесное тело, видом напоминающее картофелину, но при этом лиловое как не скажу что. К чему оно? Вроде ничей не спутник. Может, тут астероидный пояс какой имеется? Тогда его должны, по идее, разрабатывать, раз уж станцию повесили. Может, у них что-то рвануло? В астероидах иногда можно наткнуться на всякие опасные штуки, от тех же Странников, например. Бывало ведь такое.

Лана, кароч, бум надеяться на лу, как выражался наш препод по физподготовке в таких случаях. Сейчас вот только кипяточка попью и снова мемуаром займусь.

Я про Тёмную Сторону ещё не всё сказал. Главное, можно сказать, забыл.

В данном конкретном случае тут что важно. Несмотря на масштабы ТС, людей там находится крайне мало. В основном это дежурные ремонтники и прочие такие товарищи. И они там стараются не задерживаться. Потому что всегда

существует ненулевая вероятность, что данный конкретный сегмент ТС может схлопнуться. Вероятность мизерная, но она есть. И все это помнят, поэтому ходят туда исключительно по делу. И ведут себя соответствующе. В частности – в ТС не принято интересоваться, кто ты такой и что тут делаешь. По умолчанию предполагается: если уж человек попал в ТС, значит, ему надо.

У меня в хозяйстве кое-что лежит именно в таких местах. Хотя я предпочитаю всё-таки старое доброе евклидово пространство. Моё начальство со мной в этом совершенно согласно. Но тем не менее я в теме и в ТС хожу. Не часто, но регулярно.

Кстати об этом: как туда попасть. У техников есть свои спецтерминалы. Но вообще-то в ТС можно проникнуть из обычной пассажирки. То есть эта возможность заблокирована, но принципиально она существует. Так сделано специально, на случай какого-нибудь глобального факапа, чтобы было куда быстро сплавить массу обывателей, пока специально обученные люди будут сражаться за земную цивилизацию, проявляя чудеса деятельного гуманизма. Насчёт реальной полезности этой системы у меня есть сомнения, но я их подержу при себе. Ну а тогда – а тогда мне вся эта байда очень пригодилась.

В общем, всё началось с того, что я с бесчувственным Левиным на закорках – гравикомпенсатор оказался ой как в тему – выгрузился на Тёмной Стороне. В заранее облюбован-

ном сегменте, о котором я нарыл статистику и знал, что людей там не появлялось уже лет десять.

День 49

Ну дела. Ну дела.

С утречка пораньше какая-то стремительно несущаяся хрень пробила тепловыводящий радиатор станции. Он от этого не особо ухудшился, но теперь станция не просто вращается, а крутится как белка в колесе. То есть наоборот – как колесо вокруг белки. Кстати, ни разу не видел вживую эту самую белку. Говорят, это что-то вроде хомячка. Дрянь какая-то, короче говоря. Что она делает в колесе – не знаю. Хотя я вот тоже не знаю, что я тут делаю, и ничего, живу вот как-то.

Хорошо ещё, что гравикомпенсаторы работают как надо. То есть я этого кручения-верчения не чувствую. В иллюминатор, правда, смотреть неприятно. Так что я его затемнил. Конкретно – заклеил пластырем.

Кстати. Я иногда всё-таки жутко туплю. Только сейчас до меня дошло, почему те радиосообщения я получал в таком обгрызенном виде. Защита же! Ну конечно, противометеоритное защитное поле глушит любое излучение. То есть не любое на самом деле, а с длиной волны больше, чем испускает сама станция под воздействием поля. Станция от него греется, то есть испускает волны инфракрасного диапазона,

значит, оптика проходит, а в радиоспектре сплошной белый шум. Кажется, так. Или я чего-то путаю? Похоже, путаю. От же пёс, совсем физику забыл. Но, так или иначе, поле глушит радио, вот это совершенно точно. Импульс пробился только из-за мощности. Которая, судя по всему, была ну очень нехилая.

Ну что ж, одним вопросом меньше. Осталось понять, кого спасали и от чего. Хотя мне-то с того какой прибыток? Никакого. Меня-то никто вытаскивать не собирался. А всё-таки любопытно, что же там такое делается. Может, и в самом деле Странники напали? Не верю почему-то. Хотя, с другой стороны – а кто их разберёт. Темна вода во облацех, как выражается Славин в таких случаях.

Это моя текущая реальность. Теперь обратно про старое.

Итак. На Тёмной Стороне было темно. Хоть глаз выколи. Хорошо, я прихватил с собой в числе прочего лётный компактный осветитель. Это такая суровая штукенция из пилотного набора, светит как прожектор. Тут она мне очень пригодилась. Я её сразу нацепил на кибера-носильщика, так и пошли.

Вот, кстати, тоже тема. Почему у нас столько мелкой специализированной техники? Все эти киберы-носильщики, киберы-уборщики, киберы-парикмахеры и киберы-маникюрщики? Неужели нельзя было сделать универсальную модель? Я когда-то этот вопрос задавал профессору Клапауцию из Института кибертехнологий. Который сначала на-

чал мне рассказывать про деятельный гуманизм и про то, что сам вид человекоподобного кибера, услужающего человеку, будет ужасно нервировать общественность. А потом вздохнул и сказал простую вещь: интеллект есть производная решаемых задач по уровню их универсальности. То есть искусственный интеллект, постоянно решающий несколько разных задач, будет развиваться и в конце концов разовьётся до приличного уровня. А решающий задачи узкого спектра – нет. Это законы системотехники, обойти их нельзя. Поэтому лучше уж у нас будут тележки с манипуляторами отдельно и пылесосы с ногами отдельно. Во избежание сами понимаете чего.

Мне тогда пришла в голову мысль про нашу общественность. Она так-то состоит из людей неглупых и компетентных. В своих сферах деятельности. Общественностью они становятся, когда пытаются рассуждать о том, в чём ни хрена не понимают и понимать на самом деле не хотят. Интеллект у них от этого, согласно законам системотехники, как бы развивается, но в неправильную сторону. И рождает ложное сознание – есть в ТИПе такое понятие, когда человек пытается объяснить то, чего понять правильно заведомо не способен. Религия, например— когда законов природы не знают и знать не могут, поэтому всё сваливают на какого-нибудь там бога. Вот и наша общественность тоже представляет собой ложное сознание, только другого вида. Или, может, рода. Интересно, что наши историки-теоретики по этому пово-

ду думают? Наверное, что-нибудь думают, но помалкивают. Потому что общественность трогать нежелательно: она чуть что обижается и подымает кипеш.

Ну да и пёс с ней. Продолжу писанину.

Посветив по окрестностям, я понял, что мы находимся среди типовых крупногабаритных контейнеров. Крупногабаритка – это размером с трёхэтажный дом, если что. Все они были загерметизированы и без маркировки. Между ними была проброшена пластиковая дорожка, по которой я и зашагал, ища укромного местечка.

Оно нашлось довольно быстро – в одном из контейнеров был проделан проём, в который вела дорожка. Там обнаружилось помещеньице из четырёх комнат, с освещением и мебелью. Мебель, правда, была пластиковая и ужасно пыльная. Зато там нашлось глубокое кресло, которое я кое-как протёр, разместил на нём бесчувственного Борьку и принялся подключать шлем ментоскопа.

И подключивши его, наконец любовался я на творение рук своих. Как вдруг Левин – похоже, давно очухавшийся, но валявший дурака – вскочил, сорвал с себя шлем ментоскопа и со всей дури грохнул его об пол.

День 50

Вчера не дописал. Опять на мою шею приключения. Точнее, на противоположную часть. Буквально.

В общем так. Сижу, пишу и вдруг чувствую, что мне ведь, пожалуй, холодновато. Даже не так – что сижу на чём-то холодном и вокруг тоже не весна – пальцам зябковато, носу и ушам неуютно. Не то чтобы вот прям мороз, но температура существенно снизилась.

Я подумал было, что это разгерметизация, и на всякий пожарный укрылся в силовом узле – там есть свет и можно загерметизироваться в случае чего. Однако всё было относительно нормально, и я пошёл разбираться.

Разбирался я часа четыре. И понял, что тот самый перерубленный кабель, оказывается, запитывал обогрев трёх помещений жилой части. В том числе и компьютерной, где я, можно сказать, поселился. Запитка – для повышения живучести – шла через аккумулятор, так что сразу я этого не почувствовал. Но теперь он сел. Что означает – через некоторое время тут всё покроется инеем.

В принципе, я мог переселиться в силовой узел. Но там тесно, неуютно. И нет компа, а я к нему уже привык. Поэтому я почесал в затылке и пошёл делать обогреватель.

Изобретать особо ничего не пришлось. В кофейном автомате стоит высокотемпературная инфракрасная панель ИКББ2400. Вообще-то это очень мощная штука, а в автомат её ставят, чтобы форсировать теплообмен. То есть чтобы вскипячивать чашку за секунду. Или кипятить? Как правильно? Нет, пожалуй, всё-таки вскипячивать. Короче, это сила. Потребовалось всего-то – пережечь плату прерывате-

ля и подключить панель напрямую. Включил – кофемашина довольно быстро нагрелась, как печка. Я подождал, пока в помещении установится нормальная температура, и его выключил. Пока выключал, обжёг кончик носа и предплечье – корпус-то горячий, а я как-то не подумал, что выключатель нужно оборудовать отдельно. Хорошо хоть в инструментах нашлись теплоизолирующие перчатки. Иначе пришлось бы выдёргивать кабель, с риском запороть всю работу.

Теперь сижу и думаю, как бы соорудить какой-нибудь регулятор, чтобы поддерживать нужную температуру постоянно.

Ну, молодец я, молодец. А теперь про прошлые подвиги, не такие славные.

В общем, я немножко растерялся. И не придумал ничего лучше, как вырубить Левина «поворотом вниз». Жёстко, да. Хорошо, что нос не разбил. Но главное – он вырубился.

А шлем я даже поднимать не стал. И так было видно, что вся тонкая электроника побилась.

Что я сделал дальше? Ну, естественно, усадил его обратно, а потом позвал своего носильщика и взял второй шлем.

Да, разумеется, он у меня был. То есть у меня их было в запасе три, плюс запасной ментоскоп. Плюс новая модель ментоскопа без шлема, которую я более-менее освоил на всякий пожарный случай. Мало ли что. Надо быть готовым к неожиданностям. Потому что я хоть и не герой, но факапы видал самые разные. И если я во что и верую, так это в то, что запас

карман не тянет.

Это у меня, можно сказать, жизненное кредо.

День 51

Никогда не надо хвалиться, никогда! Сижу теперь как дурак.

Вчера вот что случилось. Сижу, пишу. Чувствую – начинает морозить. Радостно включаю свою печку-кофеварку, а она не греет. Отключаю, проверяю контакты, вроде всё нормально. Включаю – не греет ни хрена! Вытаскиваю тепловую панель, смотрю – а у неё контакты расплавились. Короче, факап.

Теперь приходится обогревать помещение пиропатронами. Вообще-то это надругательство над техникой безопасности. Пиропатроны нужны, чтобы выплавлять из пробоин временные клеевые пробки для более серьёзного ремонта. Жуткая вещь, горят в вакууме, в кислороде не нуждаются. Палить их внутри станции – безумное совершенно мероприятие: пожар в космосе штука страшная. Но ничего лучше я пока не придумал.

Хорошо ещё, остался космический пластырь, я из него сделал что-то вроде чаши. Прогорать вроде не прогорает. Дыма от них тоже нет, ну хоть это. Я их к тому же режу напополам. Резал бы на четыре части, но запалы там только с концов. А без запала я их активировать не могу.

Половинка пиропатрона нагревает помещение так, что приходится ждать часа три, пока температура спадёт до приемлемой. Потом свидание с компьютером часа на четыре, а потом опять идти в силовку. Спать здесь уже не получится. В принципе.

Патронов у меня десять. Так что этого добра мне хватит ещё на девятнадцать дней, если тратить по половинке в сутки. После этого, если я не придумаю ничего лучше, придётся помещение загерметизировать. То есть попрощаться с компьютером навсегда.

Как-то это огорчает. Оказывается, привык я уже к этим записулькам. Тянет перечитывать и даже поправлять. Чувствую в себе даже какие-то литературные, не побоюсь этого слова, амбиции. Хочется то стереть, это поправить. Очень много лишнего. Работала бы у меня клавиша стирания, я тут бы всё переделал.

А вот кстати – зачем? Я же прекрасно понимаю, что это никто никогда не прочитает. И даже в том маловероятном случае, если я отсюда выберусь и меня не убьют, я эту писанину первым делом сотру нахрен. Для кого же я это пишу? Для условной Лены Завадской? Ха-ха три раза, как выражается Славин в таких случаях.

С другой стороны. Кому будет лучше, если я перестану писать? Мне? Нет. Мне будет хуже, потому что у меня отнимется единственное доступное занятие, которое мне действительно нравится. Ну, значит, буду продолжать, пока по-

па к стулу не примёрзнет.

Итак, Левина я приложил об пол. Потом испугался – вдруг сотрясение. Ментоскопия под сотрясом – это что-то специальное, я такого не умею. Но всё обошлось. И когда Борис очухался, он уже был, как говорят психокорректоры, на поводке. То есть всё понимал, но сопротивляться действиям оператора не мог и не хотел.

Настройки ментоскопа я выставил точно по левинской методичке – подавление воли к сопротивлению, потом прямой лжи, косвенной, утаивания и так далее. В результате Боря должен был мне говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. Как на пуху – как Борька называл данное состояние. Или на духу – не помню. Какая-то древняя пословица.

Но, в общем, эту стадию я прошёл успешно. А вот дальше начались проблемы.

Для начала я предъявил Борису страницу из его статьи и потребовал объяснить, что это такое и зачем.

Он принялся объяснять. Но я его не понимал.

Наша беседа выглядела примерно так. Борис что-то говорил. Я спрашивал его, что означают вот эти слова. Левин отвечал, тогда я спрашивал его, что означает его ответ. Каждый раз это кончалось тем, что Борис начинал циклиться – то есть разъяснял своё предыдущее объяснение примерно теми же словами. Я знал, что он не нарочно, но злился ужасно.

– Что это? – я показывал ему закорючки.

– Команды обмена коры с таламусом по трансформе сен-

сорного следа на первичной стадии синтеза, – выдавал Борис, смотря на меня собачьими глазами.

– Объясни, что ты сказал, – требовал я.

– На стадии формирования сенсорного следа вносятся направленные изменения в первичную менталь, – объяснял Левин.

– Какие изменения? – добивался я. – С какой целью?

– Направленные на купирование форсажа аутоинтолерантной реакции, – отвечал Борис как на духу.

Вот так мы и беседовали, пока я не осознал, что брожу в трёх соснах и надо зайти с той стороны, которую я понимаю лучше. И стал спрашивать про Сноубриджа.

Тут началось нечто странное. Борис вроде бы подтверждал, что Яна когда-то знал, но совершенно не помнил о нём ничего конкретного. Он даже не смог вспомнить, где и когда с ним познакомился. Обо всём прочем он тоже говорил самыми общими словами, причём любая попытка что-либо уточнить приводила только к тому, что он замолкал и растерянно улыбался.

В такой ситуации нужно проводить структурное исследование психики с погружением в закрытые слои. Понятно, что моих дилетантских познаний на это не хватило бы в принципе. Но у меня был под рукой отличный профессиональный психокорректор – сам Левин.

Идея не моя. Если честно, она из сериала. Нет, я сериалы не смотрю – у меня на работе практикантки обсуждали.

Как я понял, там злодейские Странники пленили профессора психологии с величайшими секретами человечества в голове и заставили его самого выуживать их из себя. Я послушал и сказал девчонкам, что это чушь собачья. Но потом засомневался и при встрече с тем же Левиным спросил. Тот задумался и сказал, что вообще-то это возможно, как раз в режиме допроса с подавлением воли. Правда, добавил он тогда, это сработает только с очень хорошим специалистом. Потому что режим допроса существенно снижает уровень интеллекта.

Я лично в левинский интеллект верил. Теперь предстояло проверить его на практике.

Короче, я развернул к Левину экран ментоскопа и приказал ему объяснить, что он видит и что мне делать для того-то и для того-то. Борис послушался – ещё бы, воля-то подавлена – и стал мне говорить, что делать. Я крутил ручки настроек, выслушивал его комментарии и снова крутил ручки.

В результате нам удалось войти в глубинные слои психики. Голова Левина изнутри оказалась чем-то вроде бронированного лабиринта. Похоже, ему столько раз стирали и перепрошивали память, что разобраться во всех этих блоках, капканах и закоулках было крайне затруднительно. Но мы всё-таки продвигались, хотя и не без потерь. К числу которых принадлежал ещё один шлем и левинские брюки. Вторжение в какую-то область памяти вызвало у Борьки что-то вроде эпилептического припадка, так что он стал колотиться

головой о кресло. Шлем вроде бы продолжал работать, но я на всякий случай его заменил, из-за чего пришлось некоторые вещи проделать по второму разу. К тому же он ещё и обмочился. Не сильно, но пятно на брюках образовалось.

Вот же пёс. Ну почему у меня не работает клавиша «стереть»? Гадость же написал. Сам понимаю, что гадость. А убрать не могу.

Извини, Лена.

День 52

Фу, жарко.

Похоже, я подсел на эти записи. Раньше как-то спокойно было – под настроение садился, что-то писал, перечитывал. А сейчас не мог дождаться, пока температура спадёт хотя бы до двадцати градусов. Теперь вот сижу в парилке, голый, с пуза пот капает. Хорошо хоть вентиляция работает, как-то справляется.

Продолжаю. Итак, с Левиным мы проработали часа четыре. И в конце концов упёрлись в стену.

Тут опять будут технические подробности. Ну что делать, мне так удобнее. Я вообще обстоятельный, чего уж.

Так я о чём. Воспоминание – это совсем не то же самое, что видеозапись или что-то в этом роде. Это очень сложная штука. Ну, например, я вспоминаю, что в соседней комнате стоит стол. На самом деле я вспоминаю как минимум две ве-

щи: вид этого стола – раз, и что это именно стол – два. Что значит стол? Это то, на что можно положить или поставить что-нибудь. Поскольку вещь определяется через свою целевую функцию относительно человеческой деятельности. Ну то есть – как мы её можем использовать и в чём она нам может препятствовать. И если, вспомнив стол, я забуду, что это стол – считайте, что я ничего не вспомнил. Или даже если я вспомню, что эта штука называется стол, но забуду, что он такое и зачем – я тоже ничего не вспомнил.

Но чаще бывает наоборот. Когда мы вспоминаем, мы доходим только до уровня слов. А картинку мозг нам достраивает сам. То есть в памяти болтается метка «я сидел за столом», а дальше мозг дорисовывает как-то стол. Спроси конкретно, как он выглядел, этот стол, – человек не скажет. Он это забыл. То есть не забыл, на самом деле мы ничего не забываем. Просто мозг заблокировал этот сегмент памяти как ненужный и перегружающий его возможности. А вместо него разместил несколько слов, которые в нашем воображении обрастают каким-то мясом.

Непонятно, наверное? Ну а как ещё объяснить? В учебниках ещё непонятнее.

Короче, в чём там была фишка. Все подлинные воспоминания Левина о Сноубридже, судя по всему, были то ли удалены напрочь, то ли очень хорошо заблокированы. Поверх них были записаны воспоминания ложные – судя по всему, похожие на правду, но лишённые какой бы то ни было кон-

кретики. То есть Борис вроде бы помнил, что в такой-то день он разговаривал с Яном по браслету о чём-то интересном. Но о чём именно – эта информация отсутствовала в памяти изначально. Как и все прочие параметры разговора: кто звонил, сколько времени заняла беседа, к чему пришли в итоге и так далее. Или – он помнил, что писал рецензию на работу Сноубриджа, но ничего не помнил ни о самой работе, ни о собственной писанине. И так во всём.

То есть. Вместо подлинной дорожки с настоящими картинками, звуками и так далее в голове Левина были слова и обозначения. Типа «разговаривал с Яном». Или «писал рецензию». Когда Борису доводилось об этом вспоминать, воображение что-то ему подмалёвывало, так что никакого дискомфорта он не чувствовал.

Я решил проверить, помнит ли он по-настоящему наш разговор на даче в Комарове Оказалось, что нет, настоящих живых воспоминаний у него не осталось. В записи было что-то вроде «приезжал Яша Вандерхузе, пил, болтал о какой-то чепухе». Содержание разговора отсутствовало напрочь. Зато была специально проставлена эмоциональная метка, что Вандерхузе стал навязчив и много пьёт. Последнее меня как-то особенно задело – я-то помнил, что кушали мы Борькины настоечки нос в нос.

Однако возмущайся не возмущайся, но где-то ведь в Бориной голове лежала настоящая дорожка с воспоминаниями. И не одна. Потому что то же самое перекрытие памяти мы

обнаружили и в других местах.

В конце концов мы что-то нашли. И я спросил Левина, как достать эти воспоминания. Желательно не причиняя ему вреда.

Он поднял на меня глаза – всё такие же собачьи – и сообщил мне, что, судя по ментоскопу, с данным оборудованием это сделать нельзя в принципе. Там такие блоки, что их могут снять разве что в Институте мозга. А так я могу только сжечь ему нейроны.

Но меня это не особенно выбило из колеи. Я только спросил, что именно нужно сделать, чтобы целиком и полностью снять все блокировки с его сознания, не нанося ему вреда. Чтобы он сказал мне это точно.

Борис тяжело задумался и в конце концов выдал несколько длинных непонятных фраз. Я попросил его сосредоточиться и повторить, чётко и ясно, каждый раз точно представляя, что именно он имеет в виду. Тот выполнил. В одном месте, правда, запнулся и стал говорить сначала. А я тем временем переговорил со своим маленьким треугольным другом. Настраивая его выключить то, о чём говорит человек перед нами, тем самым способом, о котором он говорит. Не нанося при этом его мозгу никакого вреда.

Лаксианский ключ задумался – впервые за всё время нашего знакомства. Я аж животом чувствовал, как он думает. А потом он понял, и я это тоже ощутил – что он понял.

И когда я дал ключу команду работать, лицо у Левина

вдруг напряглось. Примерно как у человека, которому на плечи положили мешок с кирпичами. У нас в «трёшке» были такие упражнения на физподготовке. Кирпичи мало того что тяжёлые, так ещё и углами давят, больно, сука. А с ними нужно бежать на время, и это тоже не добавляет счастья.

Так вот, физиономия у него сделалась именно такая. Я даже испугался. А потом уже и очень сильно испугался. Потому что впечатление было, будто на него кладут мешок за мешком и он сейчас под ними рухнет. Он в какой-то момент аж синий стал, я реально застремался, что вот сейчас будет ещё один труп на моей совести.

И вдруг лицо у него разгладилось. Совсем. И взгляд стал очень спокойным. Хотя нет, неспокойным. Счастливым. Нет, не счастливым. Умиротворённым. Это вроде как ближе, но не совсем то. Ну как же объяснить-то? А, вот. Как у человека, который что-то очень давно потерял, уже не рассчитывал найти и вдруг нашёл. Держит и чувствует, что без этого ему было плохо, а теперь всё в порядке. Как-то так, что ли. Но вообще это так словами не расскажешь, это видеть надо.

Зато на экране ментоскопа всё замигало и стёрлось. И через пару секунд выскочило системное сообщение "Ошибка AA100F: потеря контакта с сознанием пациента. Рекомендуется перезагрузка системы".

Тут-то до меня и дошло, как я лажанулся. Потому что я попросил лаксианский ключ снять все блокировки, какие есть в его сознании. Все, блин, какие есть. Включая подавле-

ние воли ментоскопом. И сейчас он грохнет ещё и этот шлем, а потом на меня кинется. Как иначе-то?

Ну, естественно, я схватился за парализатор.

День 53

Уфф, холодно.

Чаша из пластыря всё-таки прогорела. Хорошо ещё, я вовремя заметил. Потому что потушить горящий пиропатрон невозможно. Я и так жутко рисковал. Больше не хочу.

Вопрос обогрева я всё-таки решил. Частично. Разобрал тостер и вытащил из него нагревательные элементы. Они там слабенькие, но всё лучше, чем ничего. Закрепил их на раме и обклеил с обеих сторон пластырем. Запитал от трансформатора кофейного автомата, выставив по минимуму. Очень боялся, что перемкнёт. Нет, вроде не перемкнуло. Но греет так себе, с панелью никакого сравнения. Просто тёпленько.

Я эту штуку положил на стул, а сверху накидал тряпок и теперь на всём этом сижу. Попа и ноги кое-как обогреваются, а до рук и лица тёплый воздух доходит по минимуму. Можно было бы форсировать, но боюсь, что всё-таки перемкнёт.

У меня технические познания на самом деле не очень. То есть матчасть я себе представляю – всякие там устройства, детали и их характеристики. Но это не совсем то, что мне сейчас нужно.

Ладно, как-нибудь перекантуюсь. Пока вроде пальцы ше-

велятся, и то хлеб. Хотя, конечно, решение временное, нужно что-то придумать.

Ну, продолжаю. Хотя нет, уже заканчиваю. Почти. Если, конечно, получится написать. Потому что момент очень уж стрёмный. Стрёмный и тёмный.

В общем, я схватился было за парализатор, но как-то растерялся. Потому что Левин не вскакивал, руками не махал, вообще ничего такого не делал. Он спокойно сидел и улыбался. Не скалился, не кривил губы – улыбался. По-доброму. Как счастливый человек, которому ровным счётом ничего не угрожает.

А потом он сказал – даже нет, выговорил, медленно так, будто слова на вкус пробовал:

– Не знаю, как у тебя это вышло, но… спасибо. Ты даже не представляешь, что ты сделал.

Я несколько оторопел. Потом спросил Левина, о чём это он.

– Понимаешь, – сообщил он тем же манером, – ты снял все барьеры в моей психике. Вообще все. В том числе так называемые естественные.

– И чего? – только и нашёлся я. Наверное, вид у меня был не самый умный. Во всяком случае, Борька снова разулыбался.

– И теперь я свободен, – наконец снизошёл он. – Скорее всего, я первый освобождённый. В этом тысячелетии, по крайней мере.

Я и не стал делать вид, что понимаю. Просто сел напротив. Не забывая про парализатор. Похоже, я ему что-то в голове повредил.

– Нет, – сказал Левин, как будто мои мысли видел. – Ты не нанёс мне никакого вреда. Наоборот. Ты принёс мне огромную пользу. Просто ты не понимаешь.

– Почему это вдруг? – меня такое заявление как-то задело. – Объясни. Может, пойму.

Борис посмотрел на меня как-то странно. С сочувствием, что ли. Нет, не так. С состраданием.

– Насколько я осознаю твои намерения, – говорить он стал быстрее, но так же ровно, – ты хотел убрать блоки, поставленные психокоррекцией. На самом деле блоки в сознании возможны потому, что само сознание может ставить блоки. Оно это и делает. Постоянно. Начиная с воспоминаний о первых секундах жизни. И кончая, допустим, желаниями, которых мы боимся. Всё это блокируется. Поэтому наше сознание как бы разгорожено стенками. Эту систему стенок мы и называем нашим «я». Мы и есть наша тюрьма. А её фундамент – тот барьер, который отделяет нашу сущность от основы существования… – и тут он замолчал. Весомо так замолчал. Со значением. Дескать, дальше всё.

– И как без стенок? – ничего умнее мне в голову не пришло. Левин посмотрел на меня и тихо засмеялся.

– Это очень хорошо, – наконец сказал он. – Это даже слишком хорошо. Так не бывает. Во всяком случае, здесь.

Поэтому меня скоро здесь не будет. Оперирующий тэтан является причиной над жизнью. И на пути к развоплощению уничтожает постулированные им формы. Скоро я уйду туда, где их нет.

Что такое «тэтан», я не врубился, а вот насчёт «уйду» у меня были другие планы. Так что я не стал гадать, что да как, а включил парализатор.

То есть я так подумал, что я его включил. Вот только на Левина это не произвело ни малейшего впечатления. Как сидел, так и сидел.

И тут до меня дошло, что на самом деле я ничего не сделал. Даже рукой не двинул. Не знаю, как так вышло. Но тут же мне стало ясно – что бы я ни делал, будет то же самое. Мне покажется, что я делаю, а на самом деле ничего. Не знаю, как я это понял, но понял, что называется, очень определённо. Пузом, что называется, почуял. Как с лаксианским ключом. Только ещё яснее.

Я уж подумал – всё. Сейчас Борис встанет и уйдёт. Спокойненько так. Я ведь не могу и пальцем пошевелить. Но он сидел. Только устроился поудобнее.

– Ты не понял, – соизволил он наконец. – Я не собираюсь убегать. Я просто перестану здесь быть. Когда завершится реинтеграция энграмм, моё существование здесь прекратится. Меня не будет, как не было… – дальше он сказал что-то настолько заумное, чего я не смог не то что понять, а даже запомнить.

Но мне было важно не это. Пусть он стал внезапно крут, пожалуйста. Мне что, жалко? Мне нужна была вся имеющаяся у него информация по Надежде, Авроре, Сноубриджу, академику Улитнеру, а также по всем причастным к этой истории. Зря я, что ли, всё это затеял?

И я открыл было рот, чтобы всё это сказать, но Борис покачал головой, и я заткнулся.

– У нас мало времени, – сказал Левин. – Я отвечу на твои вопросы. Но сперва расскажи, каким образом ты смог меня освободить. Все подробности, пожалуйста.

Я потом думал – почему я его слушался. Но тогда было такое ощущение, что других вариантов нет вообще. Даже вопрос так не стоит – говорить или не говорить. Просто – показать лаксианский ключ и объяснить, что это такое и откуда. Что я и сделал.

И тут в какой-то момент лицо Бориса как будто изнутри осветилось. Никогда такого не видел, честно. Мне даже как-то страшновато стало.

– Не бойся, – сказал Левин, опять каким-то образом угадав. – Я радуюсь тому, что в вечности есть подобные мне. Я иду к ним. А теперь спрашивай.

– Ты помнишь Яна Сноубриджа? – решил я зайти в лоб.

– Да. Мне он нравился. Но я не смог ему помочь.

– В чём помочь? – я решил выяснять всё постепенно.

– Он умирал. Я корректировал его, но безуспешно.

– Отчего он умирал?

– Он был… – начал Левин и не закончил. Время кончилось.

День 55

Прекрасный день. Отоспался после вчерашнего, помылся, выкушал биологической смеси – с чипсами, между прочим. Могу себе позволить. Послушал Фрескобальди в бурмистровском исполнении, потом – «Пятницу» из штокхаузеновского цикла. Жаль только, не могу поглазеть в иллюминатор на звезду класса G и планету типа Юпитера. Начал по ним скучать. Увы, вот этого уже не вернуть – станция кувыркается, иллюминатор заклеен. Но мне и так неплохо.

И вот сижу за компом. При нормальной комнатной температуре. Потому что вчера я решил климатический вопрос.

Моя самодельная грелка, честно говоря, работала хреновато. И я задумался – а если попробовать найти тот самый аккумулятор, от которого тут всё штатно работало? Потратил на это уйму времени – очень мёрз. И ничего, естественно, не нашёл. Отправился отмокать в силовой узел. И там меня посетила наконец разумная мысль.

Я что подумал. Ведь наверняка где-то есть подробный план-схема станции со всеми коммуникациями. Ну да, он вообще-то в компе, а он заблокирован. Но ведь эта схема если зачем-то нужна, так это в случае факапа. А в случае факапа комп может и заблокироваться, и вообще как-нибудь

повредиться. Что делать? А то, что где-то должен быть или какой-то резервный комп, или твёрдый носитель. Бумага или плёнка. Скорее всего, в силовом узле, потому что если уж с ним что случится, то вряд ли тут останется кто живой.

Снова перерыл силовой узел. Ничего не обнаружил. Даже отдалённо похожего. Зато под консолью регулятора – я туда раньше не заглядывал, очень уж мала щель, а тут с отчаяния и туда посветил фонариком – нашёл пакет с чипсами. Видимо, уборочная автоматика его оттуда не смогла достать. Как он туда попал – не знаю. Я его оттуда минут двадцать доставал – присох к полу. Чипсы зато оказались вполне годные. Хотя что с ними сделается, они могут, наверное, и полвека пролежать. А может, и век. Химия – она и есть химия.

Кстати. Опять же интересная тема. Я когда молодой был, не особо понимал, зачем нужно выпускать эту дрянь – чипсы, солёные орешки, сухарики. И это при том, что продовольственный вопрос решён пёс знает сколько времени назад, а при нынешних технологиях никакая еда вообще не проблема. Ну, допустим, не всякая. Малый спинной мозг тахорга можно попробовать только на Пандоре. И то если успеешь его вырезать в первые десять минут после смерти зверя, а потом он разлагается. Но все же понимают, что это такая игра. Если вдруг вокруг этого деликатеса возник бы серьёзный кипеш, его быстро синтезировали бы. Или что нас в лётном кормили тушняком и биологической смесью – это тоже понятно, это в основном ради воспитательного эффекта. Но

так-то ведь каждый может хоть каждый день кушать седло барашка, неотличимое от натурального, и запивать это дело бургундским любого года, тоже от натурального неотличимым. А если вдруг вы его от натурального действительно отличите, то считайте, что вы нашли своё жизненное предназначение. Потому что попасть в элиту дегустаторов – это не всем дано. Зато уже если вы туда попали, то у вас будет собственная передача на федеральном канале, человеко-часы на балансе, юные поклонницы и всё такое прочее. Кроме, конечно, нормальной еды, потому что вкусовые сосочки нужно беречь. Я лично знаком с Масамити Ясуда, да-да, тем самым. Так он двадцать лет вообще из дому не выходил. И питался в основном кашей из проросшего зерна, без приправ, разумеется. Вот он может настоящее вино отличить от химического. Или мясо от телёнка и автоклавное. Говорит, что из автоклава лучше, вкус ровнее. Ну, я запомнил. Хотя я считаю, нормальному человеку всё равно, откуда мясо – от телёнка его отрезали или из автоклава вынули. То есть, конечно, лучше, если из автоклава, потому что телёнка жалко. Но с точки зрения едока – то же на то же.

И при всём при этом – эти самые чипсы выпускаются в каких-то совершенно неприличных количествах. И кто-то это всё ест! Вместо стейков.

Разъяснил мне это дело один старичок. Я тогда числился в действующем резерве и работал врачом на «Селене-9» (с которой, собственно, и начался пошибякинский Центр Транс-

цендентальных Исследований). Врач из меня был так себе, если честно. Но математики – люди тихие, аккуратные, так что ничего существеннее мелкого бытового травматизма не случалось. Это когда очередной гений задумается и налетит носом на стену. Такое бывало, да. А вообще-то моей задачей было приглядывать за двумя молодыми дарованиями, которые вот-вот должны были решить проблему Ефимова – Вайлда. Проблема в итоге оказалась неразрешимой. Но я не о том. Я про старичка. Формально он числился поваром. Кстати, готовил он неплохо. Но всю жизнь проработал именно на фастфудном производстве, а на «Селену» его сманил лично Пошибякин. Сманил специально, чтобы снабжать свой питомник талантов особенно качественной дрянью, подобранной индивидуально.

Дедушка объяснил мне вот что. Оказывается, некоторым людям всё время нужно что-то жевать. Ну вот нравится им двигать челюстями, это их успокаивает, развлекает и занимает внимание. Жевать они могут часами. При этом совсем уж безвкусное они жевать не хотят, слишком изысканное тоже будет не то. Им подавай какой-нибудь простой внятный вкус, один и тот же, чтобы на него сильно не отвлекаться. Ну и, разумеется, никому не нужен лишний вес, от которого потом приходится довольно долго лечиться. Так вот, для них-то вся эта дрянь и делается, причём это сложное искусство. Чтобы калорий там не было почти никаких, а вкус был именно такой, какой надо – ощутимый, но ненавязчивый. В идеа-

ле это можно для каждого человека подобрать. Дедушка делал солёный арахис для самого Ламондуа. Который предпочитал размышлять о нуль-физике в обнимку с пакетиком. По словам дедушки, этот арахис никто, кроме Ламондуа, есть не мог. А наш великий светоч жевал горстями и добавки просил.

Тут я старичку не поверил. А он так хитренько усмехнулся да и говорит – хотите, вам сделаю? Посмотрел на меня как гробовщик на больного, задал несколько вопросиков – довольно личных, надо сказать. И попросил доступ к медицинской карте. Ну и ушёл. Через день вручил мне пакет с какими-то сухими треугольничками. Я попробовал – ну, солёненькие. Не впечатлился. Потом сел за комп, что-то искал в БВИ и не заметил, как весь пакет смолотил. Как корова какая-нибудь. Честно говоря, сам от себя такого не ожидал. Испугался даже, что подсяду на эту дрянь. И второго пакета у старичка не попросил. Ну его.

Но это я как-то совсем уж отвлёкся. Извини, Лена.

Короче, чипсы я достал, а вот схему станции так и не обнаружил. И совсем уже пал духом, но подумал, что стоит ещё раз обыскать комнатку с компом.

Худо было то, что, уходя, я задел ногой провод и грелку тем самым отключил. Так что комната выморозилась ещё сильнее. Не то чтобы совсем принципиально, но мне не понравилось. Я уже подумывал всё-таки распаковать коллекционный гермокомбез, потому что ну сил не было терпеть.

Но всё-таки вытерпел. Правда, уши страшно мёрзли и нос тоже. Жуть, короче. Как вспомню, так вздрогну.

План-схему я нашёл в ящике стола, на котором стоит комп. Он даже не заперт был. Просто я не заметил, что там ящик. Он, сука, гладенько так зашлифован заподлицо с поверхностью, ручки нет, а вместо неё выем внизу, за него нужно уцепиться и на себя потянуть. Причём достаточно сильно, чтобы ящик снялся с предохранителей. Ну, это правильно, кстати, сделано. Мало ли что со станцией случится – нельзя, чтобы ящик вывалился. Но вот маркировку какую-нибудь яркую могли бы и сделать. Потому что техники-то, конечно, знают, где что, а если техников нет? Хотя такой факап трудно себе представить, но всё когда-то бывает в первый раз. В общем, это недоработка. Жив буду – обязательно этот вопрос подниму.

Но, в общем, да, в ящике лежал пакет с планами, чертежами и инструкциями. Плюс контейнер для инфы – видимо, с тем же самым. Ну, он мне был без надобности, а вот пакет я забрал. Уполз в силовой узел, закрыл все двери, отогрелся и начал изучать.

Чтение оказалось очень занимательным. Особенно когда я дошёл до силовой разводки. Выяснилось, что все кабели многократно дублированы. Управляет ими, естественно, комп, а в случае, если он заблокирован или не работает – есть несколько вынесенных пультов. И ближайший – как раз в силовом узле, прямо под крышкой регулятора есть сдвиж-

ная крышка.

Ну, я её нашёл. Действительно, крышка. А под ней лампочки, рычажки и тумблеры. Дающие доступ ко всей системе. Кстати, и к питанию компа тоже – так что можно будет попробовать перезагрузить его ещё раз, вдруг преодолею блокировку на стадии загрузки. Но это я оставил на потом, а пока – нашёл альтернативный кабель к аккумулятору и его включил. И сел ждать результата.

Ждать пришлось не особо долго – уже через полчаса всё было в порядке. Комнатная температура, все дела.

Я прям как домой вернулся.

День 56

Слушал Орфа. Carmina Burana всё-таки попсовата, как я теперь понимаю, а вот De Temporum Fine Comoedia – очень круто.

Ну что ж. Надо всё-таки написать ещё немножко. Про Левина и все дела.

Когда время снова началось, я сидел на попе ровно. В том самом кресле, где ещё недавно сидел Левин. Шлем держал в руках. Сидел на мокром, неприятно. И ноги мёрзли – непонятно почему, температура вроде нормальная была. Но это снаружи, а внутри я весь озяб. Так, что хотелось в плед завернуться. В тёплый клетчатый плед.

А самое скверное – на шее у меня больше ничего не бол-

талось. Ни цепочки, ни того, что на ней было. Лаксиане всё забрали и ушли к себе.

Я зажмурился и попробовал хоть что-нибудь вспомнить. Но вспоминался только золотой свет. Нет, не золотой. Медовый, что ли. И рука, выходящая из этого света. Даже не рука, формы у неё не было. Просто часть света. Которая стала такой, что может прикасаться к тьме. Никаких контуров, только где-то там, где должно быть запястье – какой-то знак, вроде клейма, вряд ли наколка. А может, и не было этого знака, или он был не такой, как я запомнил. Хотя я его не запомнил. Только ощущение. Трепет, что ли? Ну, в общем, да, трепет. Дурацкое какое слово.

Сейчас я сижу и думаю: а наш Семёныч из лётного, когда своему богу молился, он что-то такое ощущал? Если да, то зачем? Если разобраться, очень нездоровое чувство. Вроде и приятное, но подрывает. Что-то такое, чего подрывать ни в коем случае нельзя. Об этом и думать-то нежелательно. Так что я ничего говорить не буду, а то ведь что-нибудь скажу, а стереть не смогу. Не надо этого.

Короче, я сидел в этом кресле, и до меня постепенно так доходило, что мне вообще-то капец пришёл. Самый настоящий. И главное – заслуженный. Такая ситуация, что даже нулевую статью брать бесполезно. Полный абгемахт, как выражается Славин в таких случаях.

Ну вот посмотри, Лена. Как я собирался закончить дело с Левиным? Ну, я вроде бы уже говорил. Вытрясти из него всё,

что он знал, потом почистить память насчёт себя и того, что я с ним делал. Если бы он мне чуть-чуть помог, имплантировал бы поверх какое-нибудь дурацкое воспоминание про пьянку. Возможно, Борис потом бы что-нибудь заподозрил, но вряд ли стал бы проверять. Он человек служебный, у него и так вся голова в заплатках. Ну а я отсиделся бы у себя на складах, дожидаясь Комова, а когда тот вернулся бы – отдал ему цепочку со всем содержимым. Ключ, естественно, перенаправив на него, пусть спокойно владеет. А дальше всё зависело бы от Геннадия Юрьевича. Покарает – значит, покарает, простит на радостях – ну, значит, простит. Я рассчитывал на второе: если у него и в самом деле проблемы с позицией, то своими людьми он бросаться не будет. Разве что Горби с Сикорски поднажмут, но это от меня не зависело… Короче, я понимал, что нарушаю всё что можно, но рассчитывал выкрутиться.

Но Левин исчез вместе с комовскими вещичками. И его довольно скоро начнут искать, так как он человек служебный. Если будут искать, то выйдут и на мою скромную персону. Первая же серьёзная проверка покажет кучу нарушений, а когда расковыряют дело о незаконном использовании комовского доступа, то нарушения превратятся в преступления. Которые венчают похищение человека и утрата ценнейших артефактов.

Так или иначе, с дальнейшей моей судьбой всё понятно. Даже не будь я комконовцем. А я комконовец. Я договор

подписывал, там есть соответствующий пункт. Так что – всё, финита.

Нет, теоретически я могу ещё попрыгать. Пока они найдут кабину, через которую я ушёл на Тёмную Сторону, пройдёт какое-то время. Может, сутки, а может, и несколько. За это время я отсюда уйду. Лучше всего спрятаться где-нибудь в ближнем космосе, но в достаточно пыльном его углу. Не из тех, в которых я бывал: эти обыщут в первую очередь. В каком-то очень неожиданном месте, надо придумать в каком. И уже оттуда, максимально себя обезопасив – начать переговоры. С тем же Комовым, когда он вернётся. Выйти на него через БВИ, слить информацию, а там пускай думает, что со мной делать.

От таких мыслей я даже как-то оживился. Дескать, не всё потеряно, руки-ноги-голова ещё при мне, повоюем, типа. Теперь нужно без лишнего нытья и депрессухи делать отсюда ноги, наметить маршрут и всё такое.

И я уже было привстал, да вовремя посмотрел на экран ментоскопа.

А там, на экране, светилось сообщение: "Запущена программа: экспресс-имплантация СНВ. Ошибка АА100В: не установлен контакт с сознанием пациента. Рекомендуется установить контакт".

День 57

Ничего нового. Полчаса назад на комп пришло – ОМОВ. Что за «омов», к чему «омов»? А, всё равно. Теперь уже совсем всё равно.

Ну, ещё одно усилие. Совсем-совсем последнее, чтобы наконец к самой сути. Зря я, что ли, почти два месяца кропал этот опус?

Лена, если ты вдруг не знаешь. СНВ – это система наведённых воспоминаний. Штука чрезвычайно удобная, чтобы запихнуть в голову большой объём взаимосвязанных знаний. И чрезвычайно опасная, так как голова очень быстро привыкает к такому способу усвоения информации и по-другому уже хотеть перестаёт. Поэтому СНВ никогда не используется в целях обучения. В лётном, например, после экзаменов всех отличников проверяли на ментоскопе – на гипношпаргалки и на СНВ. Причём если за гипношпаргалки просто жучили и заставляли пересдавать, то за впиливание СНВ можно было вылететь. Официально – за использование запрещённой психокоррекции. Афактически – просто чтобы сохранить человеку то, что он называет своим мозгом. Потому что подсадка на впиливание – дело быстрое.

В «трёшке» нам, наоборот, впиливали довольно много. Потому что некоторые знания в принципе не передаются другим способом. То есть передаются, но это надо очень дол-

го корячиться. Ну, например, как учат субаксу? Если приёмы словами объяснять, человек драться не научится. Надо, чтобы человек сам понял, мышцей. И тогда – либо гонять в спортзале до опупения, либо впиливать. Непосредственно из головы тренера. Или то же самое лётное мастерство. Там, правда, кроме чистой СНВ, ещё и объяснять нужно много чего. На самом деле, как меня потом Левин просветил, объяснялово можно было бы тоже впилить, но этого специально не делают, только навыки дают. Потому что самое опасное – когда впиливают слова и картинки, а не мышечное. И везде где только можно этого стараются избегать. И всё-таки каждый год у одного-двух курсантов выявляют лёгкий СНВ-синдром. Это когда молодой парень не то что книжки не читает, но даже и сериалы не смотрит, к девкам в другой корпус залезть не пытается, а лежит на коечке и считает время до очередной загрузки данных. Лечили это дело у нас, кстати, по старинке, сенсорной депривацией. Это когда у тела полностью отключают чувствительность, в попу вставляют шланг принудительного питания, в писю катетер и сажают в тёмную комнату на сколько надо. После такого мозг реагирует положительно на любые впечатления, даже самые убогие. Идёшь по солнечной улице, ешь мороженое и от счастья плачешь. Я сам помню – через сенсорную депривацию нас всех прогоняли, в порядке психподготовки. Выяснилось, что я к ней среднеустойчив. Правда, мне обещали, что с возрастом попривыкну. Видимо, правду сказали. Торчу же я здесь

уже два месяца и с ума пока не сошёл. Хотелось бы надеяться, во всяком случае.

Но это в сторону. В общем, СНВ – штука опасная. Это понимает даже наша общественность, хотя, казалось бы, что она вообще понимает? Массового кипеша вокруг этой темы нет, все смирились, что знания приходится получать через глаза и уши. Хотя нытьё раздаётся регулярно, особенно от всякой фрондирующей публики – дескать, власть боится, что люди станут слишком умными, вот и запрещает прогрессивные методы обучения и заставляет корячиться как в Средневековье. А все разговоры о СНВ-синдроме – чушь. Вот же Ламондуа закачал в себя чуть ли не весь БВИ и ничего, в овощ не превратился. Значит, это безопасно.

Эти ссылки на Ламондуа меня особенно раздражают. Потому что я-то знаю, как там было на самом деле. Для начала – он действительно гений. Ламондуа начал закачивать в себя данные после факапа на Радуге, когда в Мировом Совете Горби проталкивал вопрос о запрете исследований вакуума ниже фундаментальной длины, то есть нуль-физики как таковой. При этом качал он данные осторожно – только те, которые касались теории возмущений пространства. И на него работала целая врачебная бригада из Института Мозга, которая следила за состоянием его драгоценных нейронов буквально поминутно, в режиме ручной коррекции. А когда он доказал предельную теорему о квантовании и сформулировал три условия нуль-перехода, то, не дожидаясь экспе-

риментального подтверждения, отправился на Леониду лечиться. Так что на первом испытании нуль-портала он не присутствовал. Хотя это для него был триумф всей жизни.

Ну так вот. Если вы гений, у вас есть железная необходимость быстро получить необходимые знания, а также личная врачебная бригада и путёвка на Леониду – тогда дерзайте. И то бы я не советовал. А если всего этого нет – даже и не думайте.

Есть и другая засада. В момент имплантации СНВ ты превращаешься даже не в овощ, а в зубную пасту, тебя можно пальцем на бутерброд намазывать. Если тебе это делает хороший психокорректор, то ничего страшного. Но впиливать себе информблок в одиночку, без ничего – это реально стрёмно. Потому что если вдруг что-то пойдёт не так, то можно так и остаться зубной пастой. Что в моём положении означает – я тут так тихонько и скопычусь.

Однако тогда мне было на всё это наплевать. Мне было важно, что Левин меня всё-таки не совсем кинул. Понял каким-то образом, что мне нужно, и любопытство моё решил напоследок удовлетворить. Во всяком случае, я на это очень надеялся. Так что я вздохнул, надел шлем, приладил всё как надо, включил, протестировал режим и взялся за ручки ментоскопа.

На всё про всё ушло минут пять. Потом я заснул в кресле. Обычный эффект: имплант требует времени на встраивание.

А когда я наконец проснулся, я уже всё знал или почти

всё знал. Не то чтобы понимал, но знать – знал. Овладел материалом, так сказать. Где-то даже с лихвой и передозом.

День 58

Как-то странно задремалось мне вчера перед экраном. Приснился Левин. То есть во сне я знал, что это он. Точнее – то, что от него осталось. Это было что-то вроде огромного квадрата, только не жёлтого, а тёмного, пустого. Я при этом знал, что на самом деле он золотой и сияющий, просто он как бы специально загородился, чтобы со мной пообщаться без проблем.

Левин говорил, что у меня всё будет хорошо. Что я рано или поздно выйду отсюда. Чтобы я ничего не боялся и ничему не удивлялся. И что я, к его великому сожалению, не смогу стать свободным в этой жизни. Но он постарается помочь мне в другом месте и в другое время.

Я, когда проснулся, даже посмеялся. Тут и проверяться не надо: всё по учебнику. Классический случай подсознательной компенсации осознанных страхов. Хотя, конечно, что-то внутри ёкает – а вдруг? а если? а что ежели как-то? Ну и тому подобная чушь. Самому противно. Взрослый вроде бы человек, а посидел два месяца в одиночестве – размяк до неприличия.

Ладно, раскрою все тайны. Только расскажу сначала, что я дальше делал.

После того как я проснулся с новыми знаниями в голове, мне понадобилось где-то часов десять, чтобы всё это утрясти. Со стороны это выглядело, наверное, странно. Ну представьте себе: сидит пожилой лысый человек, пялится в пространство. То ругается, то ржёт в голос, то рожа у него такая, будто он жабу проглотил. А это у него в голове простраиваются нейронные цепочки. То есть импортированные знания делаются частью личности.

Ну что тут сказать. Ощущения очень прикольные. Будто в голове открыли бутылку с шампанским, оттуда хлещет пена с миллионом пузырьков, но они у поверхности мозга не лопаются, а застывают как бы в узор. А тебе это нравится, как будто ты смотришь невероятно классный сериал и даже не один, а сто сразу, и как-то разом всё понимаешь. Или как будто раньше в тебя что-то вливалось тонкой струйкой, а тут наконец кран открыли на полную… Нет, всё не то. Ну не писатель я – прости, Лена. Не владею я этими, как их… метафорами.

В общем, когда бурное фонтанирование более-менее закончилось, у меня внутри черепа образовалось что-то вроде залива со сложными берегами, островками и всякой мелкой псятинкой. Например, я очень подробно знал историю планеты Аврора начиная с глубокой древности. Особенно – историю династии Пицев и Святого Ордена. Которая, с одной стороны, была вроде как и ни при чём, а с другой – без этого всё остальное было непонятно. А также историю ИЭИ,

ещё тех времён, когда меня на свете не было. А также биографию академика Окада и его лучшего ученика – довольно грустную и поучительную. И ещё более грустную историю Антона-Руматы. Или совсем уж печальную судьбу Владимира Юрковского, о которой я кое-как знал, а тут обогатился, как говорится, красочными подробностями. И ещё множество всяких-разных вещей, включая то мелкое обстоятельство, из-за которого я во всё это вляпался (вот никогда бы не подумал, кстати).

Из всего этого мне особенно понравилась арканарская история. Левин и сам её изучал с удовольствием, и мне это передалось. Но у меня есть отдельный плюс – я понимаю административную логику. Так что мне это было вдвойне по кайфу. Я даже зауважал этих средневековых королей – так они хорошо выкручивались из разных ситуаций и двигались к стратегическим целям. Особенно мне было Пица Шестого жалко. Человек он был так себе, но делал всё правильно. И если бы не земляне… эх.

А вот мы, земляне, выглядим в этой истории довольно-таки неприглядно. Потому что непонятно чего хотели. То есть наоборот, понятно чего – замести мусор под ковёр. Ну и замели, вот только мусор подгнил и завонял. И чего со всем этим делать – непонятно. Такие дела.

Долго у меня всё это укладывалось в голове, но наконец уложилось. И у меня снова появилась способность думать о себе. И о делах своих невесёлых.

Как следует поразмыслив, я решился-таки осуществить свой первоначальный план. То есть спрятаться в ближнем космосе.

Для начала я поставил целью избавиться от носильщика с его грузом. Кроме фонаря, мне там было уже ничего не нужно, а вот следов и улик оставлять не хотелось.

Тут я перебрал несколько вариантов. Самым простым было оставить его здесь, загнав кибера в какой-нибудь контейнер, пусть ищут. Самым изящным – прошвырнуться до Денеба-8 и там попробовать отправить его по грузовому протоколу до Амальтеи. Был шанс, что грузовые запросы они там забыли отключить, потому что грузопоток между Денебом-8 и Амальтеей вряд ли вообще какой-то есть. А так как трасса занята физиками, то груз просто подвиснет в нуле и будет там висеть до морковкина заговенья, как выражается Славин в таких случаях. К сожалению, риск тоже наличествовал, потому что могли забыть, а могли и не забыть. К тому же меня на Денебе-8 видели. Так что я решил не рисковать и остановился на самом надёжном варианте – на Долгопе.

Долгопа – место довольно специфическое. Это спутник Москвы, сероводородного газового гиганта цвета этого самого… извините за скатологический юмор. Толку от этой планеты никакого нет. За исключением её крайне выгодного расположения в ближнем Внеземелье, а главное – наличия шести спутников с исключительно устойчивыми и хорошо просчитываемыми орбитами. На которых легко и прият-

но размещать большие нуль-порталы. Одинцово, Балашиха, Люберцы – очень известные среди нуль-техников названия. А Новая Рига – место, известное далеко за пределами этой среды, так как имеет репутацию злачного. Я там бывал по коллекционерским делам, подтверждаю: заслуженная репутация.

Однако кроме шести хороших, годных спутников, там имеется ещё и седьмой – эта самая Долгопа. Спутник нехороший и негодный. В смысле – с неудобной орбитой, зато с ядовитой атмосферой и океаном из смеси азотной и соляной кислот. Местечко адовенькое. Зато в океане – аномально высокое содержание дейтерия и гелия-3, которые до сих пор используются в старинных термоядерных реакторах. Которые давно уже выглядят как музейные экспонаты. Им и место в музее, если б не старинный закон о диверсификации источников энергии. Согласно которому десять процентов нашей энергетики должно базироваться на принципах, отличных от повсеместно применяемых, потому что вдруг что-нибудь случится. Например, прилетят Странники и накроют нас какой-нибудь фигнёй, или законы природы вдруг поменяются, и вся современная энергетика от этого погибнет. А человечество, дескать, должно выжить в любом случае.

Сейчас это всё звучит немножечко безумно, но тут надо иметь в виду исторические обстоятельства. Тогда как раз переходили с термояда на энерговакуумные насосы. Переходили весьма резво, пока часть освоенного космоса за Сатур-

ном не накрыло рассеянной нуль-волной естественного происхождения. То есть это сейчас понятно, что это была нуль-волна. А тогда никто ничего не понимал. Нечем такие вещи тогда было понимать. Тогда только-только освоили бондепадхаевскую трансгрессию и тихонько подбирались к чему-то вроде американской сигма-деритринитации. Так что выглядело это как страшный и совершенно необъяснимый факап, когда вся энерговакуумка одновременно вышла из строя. А вот старый добрый термояд продолжал давать энергию. Благодаря этому Внеземелье как-то выжило, хотя и с большими потерями. Вот после этого закон и приняли.

Потом, конечно, всё много раз менялось, энерговакуумки сменили на разгонные линейники, а сейчас везде используют субспейсовые батареи или АСТ-коллекторы. Но вся предыдущая энергетическая машинерия сохраняется в неприкосновенности и даже используется. Хотя топливо для тех же термоядерных реакторов добывается при помощи нуль-технологий. И если с ними что-нибудь случится, от реакторов никакого толка не будет. Но это логика, а к чему она, когда есть решение Мирового Совета, которое никто не хочет менять, потому что всех всё устраивает? Лена, ты мне можешь это объяснить? Комов вот в своё время не смог, только рукой махнул. Дескать, не нами принято, не нам и менять.

Короче, на Долгопе есть небольшая станция, добывающая гелий-3 со своим маленьким нуль-порталом. Люди там не появляются никогда, а вот всякая автоматика – постоянно,

так как в агрессивной среде даже киберы долго не живут. Туда я и направил своего носильщика вместе со всеми грузами, запрограммировав его сразу же уронить себя в океан. Благо грузовая нуль-камера открывается там прямо на поверхность. Думаю, он справился.

Что касается себя любимого, я наметил некий маршрут. Описывать не буду. Но первым этапом должно было стать попадание на родной склад, где я мог бы разжиться некоторыми редкими артефактами, очень полезными в бегах. Конечно, по сравнению с лаксианским ключом они смотрелись бледно, но лучше что-то, чем ничего. При этом я допускал, что Левина уже хватились, уже определили, с кем его крайний раз видели, и меня уже ищут. Мне было крайне желательно на складе не засветиться, особенно – по документам.

Это для меня было не так уж и проблемно. Кроме моего официального допуска, я в своё время сварганил себе несколько запасных. Оформленных на людей, которые даже и не подозревали, что получили право посещать столь тщательно охраняемое место.

Зачем? А затем, что в хорошем доме чёрный ход не помешает. Даже если ты весь такой честный и преданный долгу. Но честность честностью, долг долгом, а голова какая-то на плечах у меня имеется. И я помню, к примеру, как лишился своего места замначканцелярии Мирового Совета. Которому во время очередного тагорянского кризиса Горби поручил за десять минут подготовить меморандум, и тут вдруг

выяснилось, что у него просрочен допуск к спецбазе диндокументов. Причём просрочен он был давно, а выяснилось это прям вот сейчас. Человек впал в панику, побежал чего-то требовать, наговорил глупостей. Естественно, Горби рассвирепел и его отправил куда-то на Владиславу. Казалось бы, при чём тут Сикорски? А Сикорски, как всегда, ни при чём! Если, конечно, не считать того, что проштрафившийся зам был человеком Бадера, а требуемый документ был в итоге подготовлен человеком из ведомства Руди, у которого вдруг нашёлся и допуск, и все нужные разрешения, подготовленные заранее… Случайность, наверное. Или совпадение. Ага, конечно.

Ну так вот. Чтобы оградить себя от всяких таких случайностей и совпадений, я и принял своевременные меры. Что сейчас должно было бы мне сильно помочь.

То есть проникнуть в свою сокровищницу я мог. Оставалось до неё добраться.

Вариантов было мало. На Амальтею, к своему челноку, мне соваться было нельзя: это означало совать голову даже не в петлю, а в пасть тахорга. Угнать корабль – это для меня что-то из области фантастики, я не Комов. Всякого рода извращённые способы доставки типа орбитальных прыжков с гравиком я и не рассматривал, пусть этим занимаются любители экстрима.

И я совсем уже расстроился, когда мне в голову пришёл очень простой вариант. Хотя и не очень экономичный.

Но мне было как-то не до экономии, уж извините.

День 59

Ну дела. Не понос, так золотуха, как выражается Славин в таких случаях.

Вчера вечером возился с пультом в регуляторе – пытался нормально запитать хозблок. У меня там до сих пор самодельная запитка из силовки, меня это нервирует. К тому же хочется включить ионный душ, он не лишний. Нашёл вроде бы дублирующий кабель, но в последний момент испугался, что у меня там при пуске всё сгорит. Решил отложить это дело на сегодняшнее утро и пошёл спать.

Проснулся от холода. Не ледяной, терпимый, но всё равно хорошего мало. Бросился в силовку отогреваться – там вообще зима. Я уж было запаниковал, но взял себя в руки, нашёл пакет со схемой и к регулятору – смотреть под крышкой. Посмотрел. Вроде все лампочки горят как надо, все тумблеры в правильном положении. Снова стал смотреть схему, снова проверяю – вроде всё правильно, питание подаётся. Ничего не понимаю, опять начинаю паниковать. Беру себя в руки, снова смотрю. И тут замечаю наконец, что какой-то крохотный рычажок с краю как-то странно торчит. Проверил по схеме, что за фигня. Оказалось – это опция перевода станции в режим строгой экономии энергии. На случай, если субспейсовая батарея выйдет из строя или ещё что. В

частности, температура во всех помещениях опускается до биологически терпимого минимума.

Как я этот пёсов рычажок задел, ума не приложу. Похоже, случайно как-то, рукавом, что ли. И не заметил.

Ну, поругался я на свою тупость. Вернул всё назад, прогрел помещение. Потом демонтировал свою самоделку и начал колдовать с пультом. Долго разбирался, но таки победил. Ионный душ, кстати, тоже заработал. Я его уже и опробовал, так что теперь я свеж и бодр и пахну морской волной. Вот такой я молодец.

Ну а теперь снова в прошлое.

Значит, на чём я остановился? А, вот: как я нашёл вариант доставки себя любимого на складской астероид.

В принципе, у нас на таких объектах принят самоввоз и самовывоз. Но на самый крайний случай в любом комконовском УКБ есть грузовой челнок. Он вообще-то здоровенный, так как предназначен для тяжёлых габаритных грузов, которые нужно срочно доставить куда-нибудь к псу в пасть. Внутри он начинён довольно качественной автоматикой, которая способна выполнить взлёт-посадку (посадка на троечку, но точно не разобьётся и груз не повредит) и простейшие манёвры, чтобы добраться до ближайшего комконовского нуль-портала. Для комфортной перевозки людей эта штука не приспособлена. Но это и неважно, так как на наших нуль-порталах имеются комплекты защиты, от обычных скафов и вплоть до противорадиационных и гравиустойчи-

вых. Потому что грузы бывают разные, и их иногда нужно сопровождать.

Мои действия? Я отсюда, пользуясь одним из своих липовых допусков, направляю запрос на челнок: «Доставить груз на такой-то портал». Неважно, какой груз. Но достаточно тяжёлый, на пару тонн. И достаточно распространённый.

Зачем? Потому что если он туда полетит пустой, а обратно – с грузом в девяносто три кило, что будет отмечено в отчётах, это могут заметить. Пусть даже заметят сильно позже, чем я всё проверну – плевать, лишнего времени у меня больше нет, для меня несколько часов уже выигрыш.

Итак, мы берём с собой что-нибудь тяжёлое, долетаем, я делаю акт приёмки и часиков через пять, чтобы выглядело естественнее – передачи груза. Вес немножко корректируем. Я надеваю скаф потолще, и мы спускаемся. Там – снова акт приёмки, киберы разгружают челнок, и он отправляется обратно на взлётку. А я радостно топаю к своим хранилищам. Где, в частности, лежат в консервации звездолёты класса «призрак» девятой модели. Маленькие кораблики, для перелётов средней дальности. Максимальная дистанция одной деритринитации – двадцать восемь световых. Оружия на борту нет. Зато маскировка была и остаётся лучшей из всех известных человечеству. Их вообще ничего не распознаёт, только веерное масс-сканирование, и то неуверенно. Потому-то их, собственно, и сняли с производства. Во избежание.

Но мне для моих целей нужен был именно такой кораблик. На котором я мог бы рассекать по ближнему космосу, не особо опасаясь, что меня засекут.

План был всем хорош, за исключением того, что я могу попасться на глаза каким-нибудь знакомым. Однако ничто не мешает выписать в составе груза мимикридный комбинезон вроде тех, в которых мы работали на Надежде. Или что-нибудь понадёжнее, типа «невидимки». Устройство тяжёлое, лишние семь килограммов тащить на себе неохота, зато меня уж точно никто не увидит. В общем, этот вопрос я тоже пометил как решённый.

Осталось одно: попасть на ближайший комконовский нуль-портал. Я потянулся за компом, чтобы прикинуть выгодную трассу, и тут вспомнил, что оставил его в багаже. Так что теперь он покоится на дне долгопского океана и тихо растворяется в агрессивной кислотной среде. Вместе с двумя панельками, кстати.

Я сам себе чуть по морде на настучал. Сижу тут такой умный, планы строю, даже немножечко горжусь собой. И такой факап.

Причём с компом у меня уплыло множество ценной для меня инфы. Включая те самые коды и пароли.

Когда до меня это дошло, меня аж передёрнуло – а вдруг левинские новые дружки забрали у меня не только комовскую цепочку, но и моё собственное добро? Так что разулся я с такой скоростью, как в лётном.

Почему разулся? А потому что мой личный шифроконтейнер оформлен оригинальным образом. Это такое колечко на большом пальце левой ноги. Смешно выглядит, неудобно снимать в случае чего, зато надёжно.

Ну, колечко оказалось на месте. Что означало – потерял я не так уж и много. Но мне нужен был новый комп. Которых полно в любом земном или околоземном компьютерном центре, иди бери.

Вот только мне нужно было избежать регистрации покупки на моё имя. И при этом каким-то образом его активировать.

День 60

Типа юбилей. Шестьдесят дней моего здесь пребывания. Жаль, отметить нечем. Разве что биологической смесью. Задумался, кстати – а едал ли я чего-нибудь гаже биологической смеси? Вспомнил: в лётном на первом курсе нас кормили киселём. Такая розовая склизкая дрянь. Сейчас думаю: а, пожалуй, я бы сейчас её похлебал. Всё какое-то разнообразие.

Ладно, чего уж. Надо заканчивать с этой мурой.

Дурацкая ситуация с компом меня подвесила серьёзно. Потому что регистрация приобретения – процедура простая, формальная, вот только обойти её нельзя. Потому что без неё комп просто не будет активирован и не заработает. В

принципе. Как и любая другая магазинная вещь.

Кстати. В учебниках у нас написано, что регистрация – пережиток предкоммунистической эпохи. Когда у каждого жителя Земли был счёт, с которого в момент регистрации покупки и списывались средства. Потом эти счета сделали открытыми, то есть неограниченно пополняемыми. А потом совсем отменили. Но необходимость приложить руку к прилавку и дать магазинному компьютеру себя опознать – осталась. Как и то, что данные по всем приобретениям записываются в профессиональный реестр. Потому что, дескать, статистическим службам очень полезно знать, что да как и с чем именно приобретают люди. Для планирования дальнейшего производства. Чтобы, например, знать, сколько спичечных коробков со спичками из настоящей осины приобретает владелец одной янтариновой трубки. А то вдруг осины не хватит.

На самом деле всё это чушь. Я и сам, в общем-то, догадывался, а потом мне это подтвердил Григорянц, который одно время работал под прикрытием в Центральном Статистическом Бюро. Так вот, они там эти данные вообще не смотрят, так как ориентируются на магазинные показатели, и то обобщённые. Не нужно им это ни за чем.

Реальная причина – чисто психологическая. Если человеку дать возможность брать с полки всё что хочется, и никто не будет знать, что именно он это взял – человек рано или поздно начнёт относиться к вещам как к грязи. Например,

каждый день брать себе новый глайдер, ну просто потому, что новый. А предыдущий – разбивать о край Великого Каньона, просто чтобы посмотреть, как глайдер разбивается. Но если приобретение глайдера будет фиксироваться и отражаться в ПР, он этого делать не будет. Даже не потому, что побоится – вот, дескать, кто-нибудь посмотрит в его реестр и увидит там сотни глайдеров. Он просто не дойдёт до той стадии, когда ему захочется бить глайдеры о Великий Каньон. Он будет относиться к вещи довольно бережно, и даже когда она ему надоест – сдаст в тот же магазин на переработку и получит новый. Потому что будет чувствовать какую-то ответственность, что ли. Из-за регистрации покупки, да.

Всё это, допустим, очень хорошо придумано. Но в данный конкретный момент мне эта самая регистрация – как нож острый. Потому что она означает, что мой идентификатор идёт в общую базу, где моментально и опознаётся. Если меня уже ищут, конечно, но я исхожу из того, что ищут. И в этом случае – через несколько минут меня берут тёпленького.

Можно было бы воспользоваться казённым компьютером в какой-нибудь гостинице, досуговом центре, типа того, что на Япете. Вот только и там требуется регистрация. Да она вообще везде требуется – без неё я могу взять с полки только какую-нибудь простенькую жратву вроде чипсов и газировки. С голоду не помру, но это и всё.

В конце концов я придумал вариант. Мне, по большому счёту, нужен любой, совершенно любой работающий ком-

пьютер с омега-контроллером, к которому я смогу подключить шифроконтейнер, корректно открыть его, достать нужные коды и сделать необходимые распоряжения. Я всё сделаю и сотру все следы своей работы. Главное, чтобы мне никто при этом не мешал.

Где бы такой найти? Ну, например, на какой-нибудь малопосещаемой пересадочной нуль-станции. Да хотя бы и посещаемой – главное, чтобы там не было техников. На маленькие станции бригада обычно заглядывает раз в месяц, работает пару часов, потом выпивает в каком-нибудь техническом помещении и отправляется обратно – кто куда. Наличие-отсутствие техбригады проверяется довольно легко: если они вдруг на месте, возле порталов обязательно будут суетиться киберы-носильщики, лежать всякое оборудование и так далее. Во всяком случае, на маленькой станции, где лишних помещений нет, это обычно так. Значит что? Значит, нужно искать эту маленькую станцию, там идти в технические помещения, найти комп, станцией управляющий, и немножечко попользовать его не по назначению. Делов-то.

Правда, возникла проблема – а где такую станцию найти. Был бы у меня комп, посмотрел бы, но вся штука в том, что у меня его нет. Тогда я решил не мучиться, а вернуться на Япет. А там поговорить с местными, что-то как-то выяснить, в общем – на месте сориентируюсь. Засвечусь, конечно, но не так, как в случае приобретения компа: это надо будет сначала сообразить, что я был на Япете, потом искать свидете-

лей, которые меня запомнили, их опрашивать, потом работать с их памятью. В общем, на это по-любому уйдёт много времени, а я к тому моменту уже буду невидим и свободен.

И я вошёл в нуль-камеру и бестрепетной рукой набрал код Япета.

Представьте моё удивление, когда через четырнадцать микросекунд передо мной засверкала стеклянная стена, а за ней – взвешенная белая муть, которую я век бы не видел.

А через пару секунд за спиной раздалось: «Уважаемый товарищ! В связи с неожиданным выходом из строя терминала порта Япета вы перенесены в ближайшую точку приёма. Добро пожаловать на Энцелад».

День 61

Ничего нового. Заканчиваю.

Вообще говоря, факапы с точкой приёма – явление крайне редкое, но иногда случается. Это надо умудриться попасть так, чтобы за четырнадцать микросекунд позиция и контрпозиция разошлись больше чем на матэквивалент фундаментальной длины. В таких случаях ОТП-протокол подвешивает груз в нуле, но людей подвешивать в нуле нельзя. Поэтому ГПП предлагает резервные точки выхода, для которых совмещение координат установлено. Обычно выбирается точка, относительно близкая к заказанной, но чтобы там был большой порт. Тут опять же психология. Если человек

телепортировался в Одессу, а вышел, скажем, в Херсоне, ему это как-то проще пережить, чем если он на Луне выпрыгнет. Хотя практических последствий это не имеет. Всё равно через пару секунд – в крайнем случае пару минут – он таки попадёт в Одессу.

Хотя, конечно, влипнуть в такой факап именно сейчас – это был нехороший признак. Признаком ещё худшим был сам Энцелад. Надо ж было меня перебросить именно сюда!

С другой стороны, ситуация давала мне кое-какие возможности. Я напустил на себя вид растерянный и озабоченный и направился в сторону местного бара.

По ходу я увидел какую-то бабусю, переругивающуюся с кибером-стюардом. Насколько я понял, она требовала объяснений, куда пропал её носильщик с вещами. Мне это напомнило собственную дурость, и я направился в бар. В котором мне в предыдущие разы побывать не довелось.

Надо признать, бар на Энцеладе отменный. Одних пивных кранов штук двадцать. Но я на это не купился, а посмотрел, что берут люди в оранжевых комбезах – ну, в смысле местные техники. Они все толпились у одного конкретного крантика с краю. Я пристроился туда, через пару минут уже знал, что здесь отличное местное тёмное, и выяснял у ребят всякие подробности.

Ребята мне сказали, что сегодня плохой день. Во-первых, ещё с утра с Тёмной Стороны пришла весточка, что грузопотоки на всю область Сатурна задерживаются с часовым, что

ли, лагом. На законный вопрос, куда ушёл весь нуль-трафик, ТС-ники ответили в том смысле, что сами в удивлении. А потом и с пассажирами начались какие-то проблемы. Ничего серьёзного, но как-то нехорошо и тревожно.

Зато я немного успокоился. Поскольку торможение грузопотоков в девяноста девяти процентах случаев означает простую вещь: через нуль тащат какой-то очень массивный и крайне габаритный груз. Очень массивный, крайне габаритный и чрезвычайно секретный. Иначе нет надобности связываться с нуль-транспортировкой. На моей памяти такое было пару раз. Первый – когда нашли судно-астероид хаттифнаттов. И второй – когда случилось что-то такое, о чём даже я не знаю. В обоих случаях требовались мегапорталы с камерой размерчиком в кубический километр. Монтируются они прямо в космосе, а оборудование для них брали с наших складов, потому я и в курсе. Ну, подумал я, и сейчас что-то такое волокут. Хрен бы с ним.

Тогда я приступил к следующему этапу. Выпив с ребятами пару кружек, я начал рассказывать такую байку. Дескать, я – врач с Марса, занимаюсь Г-аллергией, синдромом раннего развития и другими побочками фукамизации. В каком-то интернате случилось что-то непонятное, может, и по моей части, и меня на всякий случай привлекли к делу. Где и что – я сам пока не знаю. Всё это знал мой начальник, который меня и взял с собой. Проблема в том, что меня закинуло сюда, а начальник, судя по всему, благополучно высадился на

Япете. С ним же был носильщик, так что я остался без вещей, даже без компа и связи. И мне нужно очень-очень срочно по такому-то адресу – я назвал засевший у меня в памяти номер астероида в гуще пояса, где лет десять назад я тайно встречался с одной замужней дамой.

Ребята посочувствовали: действительно ведь неприятная ситуация. Кто-то попытался сунуть мне панельку, чтобы я в БВИ нашёл код связи своего начальника. Я довольно талантливо изобразил узкого, очень узкого специалиста, который в БВИ понимает как ракопаук в алапайчиках и знает только свою предметную область. Мне ещё раз посочувствовали. Один товарищ достал маленький комп и, поковырявшись немного, предложил мне путь с четырьмя пересадками, всё через крупные порталы: Ганимед, Кал и на-Красная, Нью-Васюки, Распределительная-4. Меня это категорически не устраивало, мне нужна была маленькая станция. Так что я, напустив на себя растерянный вид, сказал, что не хочу снова попасть куда-нибудь не туда и нет ли варианта покороче.

Мне стали объяснять, что второй раз попасть в такой же факап – дело нереальное, но я упёрся. Поэтому тот же товарищ быстренько просчитал варианты и предложил две пересадки: Распределительная-2 и маленькая промежуточная станция без названия, типа «номер запиши». Это было ровно то, что мне нужно.

Я записал номер на салфетке, допил пиво, всем пожелал хорошего вакуума и направился обратно в портал.

На Распределительную я прибыл без проблем. Там выпил апельсинового сока, вернулся к порталу и оказался здесь. Быстро осмотрелся и убедился, что станция и в самом деле пуста. После чего бодро потрусил в техничку, на свидание с компом. Где и обнаружил, что он заблокирован. А когда я вернулся к порталам, выяснилось, что они отключены.

Я проторчал перед отключёнными порталами час. Изо всех сил убеждая себя, что это какая-то ошибка. Что рано или поздно всё починят и включат.

А потом до меня наконец дошло, что никто ничего не починит и не включит.

То есть, конечно, включат когда-нибудь. Для переброски убойной команды.

День 62

Обнаружил, что сильно похудел – штаны выбрали весь резерв и теперь болтаются. Я ретро-одежды из жёсткой ткани не ношу, у меня всё подсаживается по фигуре. Фигура моя, кстати, меня устраивает. А каждую неделю ходить на процедуры и ускорять обмен, чтобы поражать окружающих стройностью – это уж извините.

Я вообще к худым отношусь сложно. Ещё с училища. Был у нас один такой, оперативное искусство преподавал – тощий, лысый, всегда в чёрном ходил. Неприятный тип, никогда с первого раза зачёт не ставил, принцип у него был такой.

Я ему раз семь пересдавал. Потом Сикорски, тоже тощий. Ну а Горби в этом отношении вообще классический тип.

Есть, правда, два исключения: Арам Григорянц и Толик Бойцов. Ну, Арама ты, Лена, наверняка знаешь. А Толик – это командир наших убойщиков. Они-то, скорее всего, по мне работать и будут.

Вот, кстати, забавная деталь. У нас с ДГБ много общего, но есть какие-то моменты, где мы расходимся. Обычно это воспринимается как разница стиля: дескать, ДГБ – пижоны и любят всякие новшества, а КОМКОН – это крепкий олдскул. Но на самом деле разница глубже. Мировоззренческая есть между нами разница, не побоюсь этого слова.

В частности. У галактов есть такая репутация – они вроде как не любят убивать. На самом деле они убивают не меньше нашего. Просто им важен мотивчик: почему вдруг данный человек стал представлять угрозу для общества. Причём просто выпотрошить голову злодея на ментоскопе им мало, они ещё интересуются, так сказать, развитием его идей. Они могут годами держать человечка в разработке, чтобы посмотреть, до чего он дойдёт. Иногда доходило до всякого нехорошего. Рассказывать не буду – ты, Лена, это лучше знаешь. До меня только слухи доходят, да и то кривые.

У КОМКОНа парадигма другая. Угроза должна быть ликвидирована, а потом можно посмотреть, что это было и почему. А если угроза серьёзная, то можно и не смотреть, важно уничтожить. Хорошо, что Комов у Фомальгаута и вряд ли

доступен. Потому что если бы с ним связались и он хоть полслова сказал бы о лаксианском ключе, то меня не пытались бы здесь блокировать, а пригнали «Терминатор» и испарили плазменным ударом. Во избежание. Но, судя по всему, про лаксианский ключ они не знают. Так что голова моя им всё-таки нужна. Мёртвая, разумеется. Посмертная ментоскопия у нас очень хорошо поставлена.

Тоже, между прочим, тема. Когда я только знакомился со спецификой нашей работы, то интересовался – а зачем вообще убивать? Ну нагробил человек, проштрафился. Допустим даже, совершил преступление. У нас же есть ментоскописты. Выяснить аккуратненько, как он дошёл до жизни такой, что с ним не так. И скорректировать личность. Можно даже стереть прошлые воспоминания. А преступление сделать тайной личности. Мы же так делаем в случае проступка, совершённого случайно. К тому же и допрашивать всё-таки лучше живого человека, а не мёртвого. Энграммы, конечно, вытащить можно и из мёртвого, и расшифровать их тоже можно. Но тут нужна аппаратура другого класса и другие специалисты. Тот же Борис за такую работу не взялся бы. А главное – зачем?

Такие же вопросы были и у других курсантов. И в конце концов нам объяснили, в чём дело. Раз и навсегда.

Во-первых. Смертная казнь у нас запрещена конституционными законами. Которые были подписаны пёс знает сколько времени назад при объединении Земли под Мировой Со-

вет. Время было тяжёлое, послеполуденное. Ну то есть как тяжёлое. Ресурсы, в общем-то, уже были, а вот человеческая жизнь стоила дорого. Хотя интересно, а сколько бы она стоила, если бы после Полудня на Земле осталось не двадцать миллионов, а хотя бы двести? В ИЭИ, говорят, строили как-то компьютерные модели, но я что-то не видел на эту тему публикаций. Зато полным-полно болтовни насчёт объективных законов исторического развития, диалектически ведущих к торжеству деятельного гуманизма через всеобщую гекатомбу. Хотя ТИП всё всегда прекрасно объясняет, на то она и всепобеждающее учение.

Так или иначе, смертной казни у нас нет и быть не может. Заключения под стражу, как в древние времена – тоже. Запрещено теми же основными законами. Есть наказание в виде общественных работ, в послеполуденные времена это было актуально-радиоактивные пустоши расчищать. Когда-то этого реально боялись. Но сейчас общественными работами никого не напугаешь.

И, наконец, психокоррекция. Которая человека может изменить очень сильно, но такие штуки, как полное стирание личности или глобальная замена памяти, запрещены Комиссией по этике Мирового Совета.

И вот теперь – во-вторых. Некоторых людей удерживает от некоторых поступков только угроза физической смерти. Когда ты знаешь, что в любом случае останешься жив, да ещё и на свободе, пусть даже весь изнутри себя перекроенный,

это как-то способствует всяким смелым идеям. Типа – проводить опыты на людях. Или играться со смертельно опасными артефактами. Или убить человека, которого ты считаешь вредным. До такого тоже некоторые доходят. Например, на Ламондуа дважды покушались – после истории с Радугой. Оба раза – из самых высоких побуждений: дескать, опыты с нуль-Т смертельно опасны для человечества, и надо это остановить любой ценой… Один даже нулевую статью взял – дескать, действую по своему усмотрению, и хоть убейте сразу, хоть судите потом семеро. Убили, конечно: нулевая статья выводит из-под действия любых законов. Но такой идиот нашёлся один. А если бы не угроза смерти, их было бы гораздо больше. Мы даже не знаем, насколько больше.

Так вот. Даже последний зритель сериалов знает – КОМКОН и ДГБ могут убить. Случайно, разумеется. При задержании. Потому что в законах есть такой пунктик: при задержании особо опасного преступника можно и нужно использовать любые средства. А уровень опасности данные службы определяют сами. Вот и думай: ты мог быть живым и тёплым, а теперь ты холодный и мёртвый. И твою голову сканируют точечными импульсами, чтобы понять, что с тобой было не так, что ты стал плохим парнем. Вот такое знание – оно очень помогает не делать глупостей.

Поэтому КОМКОН и ДГБ, если считают, что человек наработал на смерть, то с неё и начинают. Это не считая «несчастных случаев», когда операция маскируется. В той

или иной степени маскируется – иногда общественности дают понюхать горелого. То есть пускают слухи о том, что тот или иной факап на самом деле был спецоперацией. Иногда, кстати сказать, этой темой прикрывают самые настоящие факапы. Потому что иногда бывает так: уж лучше пусть думают, что это злодеи из спецслужб постарались, чем знают, что во всём виноват высокопоставленный кретин. Которого даже наказать-то толком нельзя, потому что если его наказать, то повредишь какому-нибудь хорошему делу.

Вот после катастрофы у Слепого Пятна все виновные были найдены, названы и наказаны. Включая самого директора Института, Мвена Маса, который теперь доживает век на каком-то тропическом острове. Но в принципе это было справедливо, потому что погибло много людей, и кто-то должен был за это ответить. Вот только привело это к разгрому Института Физики Пространства и закрытию всех перспективных исследований в области высших пространств. А нуль-Т у нас есть, потому что после факапа на Радуге – слава деятельному гуманизму, там обошлось почти без жертв: лично Комов прикрыл Ламондуа и его команду от Горби, деятельно жаждущего крови. Несмотря на очевидную их вину.

Ну а с самими сотрудниками КОМКОНа разговор особый. При окончательном оформлении они подписывают документ, в котором есть пункт о снятии ответственности. То есть действующего сотрудника можно убрать с формулировкой типа «не оправдал возложенного доверия». Что, конеч-

но, означает внутриведомственный скандал, но, в общем, такое тоже случалось.

Да, вот такие у нас условия работы. Кому не нравится – добро пожаловать в аналитические отде

Файл 2

День 64

Извините, в прошлый раз оборвалось на полуслове. Исправить уже ничего не могу, у меня ничего не стирается, я вроде про это говорил. Хуже того, весь файл заблокировался ещё и на запись. Пришлось создавать новый. Короче, очередной факап. Псы бы его драли.

В общем, я сидел себе, писал очередной кусок мемуара, и вдруг гаснет свет. Комп при этом продолжает работать, ничего не грохочет, не скрипит, просто свет гаснет. Я иду к выключателю – ничего не работает. За дверью – тоже темень. Точнее, очень-очень слабая подсветочка, так, что стены видно, а больше ничего и не разберёшь. То есть как катастрофа это не выглядит. Но и хорошего тоже ничего в этом нет.

Ну я, конечно, отправился в силовку. И там с фонариком стал разбираться с документацией – может, опять рычажок неправильно встал и станция переключилась в какой-нибудь спецрежим.

Внимательное чтение привело меня к разделу «Пассивный режим». Из которого я узнал, в числе всего прочего, что станция, если на ней три месяца никто не появлялся, перехо-

дит в режим консервации. Во имя уменьшения амортизации оборудования. Не то чтобы всё вообще выключается, просто начинает работать по минимуму – так, чтобы появившиеся наконец техники не реанимировали всё с нуля (от этого амортизация только больше), а спокойно включили все системы на полную катушку. То есть – освещённость выставляется на минимальную, тепло – на десять градусов по Цельсию, все коммунальные службы отключаются, в том числе очистка воды. И воздуха тоже, кстати.

Вывести систему из такого состояния ничего не стоит: достаточно дойти до компа и запустить соответствующую программу. Но вот неприятность: комп заблокирован. А вывод станции в штатный режим через выносной пульт не предусмотрен. Потому что просто аварийную ситуацию предусмотрели, а то, что человек может оказаться на работающей станции, но при этом не может воспользоваться нуль-Т – нет. Не подумали, что такое может быть.

Тут до меня дошло, что я ведь, похоже, дождался-таки нехорошего. Без воды, без чистого воздуха, без всего вообще – я довольно скоро сдохну! И вторая мысль: вполне возможно, что этого-то и ждут. Потому что в таком случае Славин так и не подпишет приказа о моей ликвидации, просто всё случится само. Типа – пока выясняли, что делать с дядей Яшей, он взял да и помер. Ну да, нехорошо как-то вышло, но проблемка сама собой разрешилась.

В принципе, это на грани фола. Хотя про того же Сикор-

ски рассказывают, что он во время работы саракшианской комиссии специально протормозил помощь одному особенно въедливому человечку, застрявшему в местных джунглях. Вытащили оттуда его уже основательно обглоданным… Я, правда, всегда думал, что Руди в очередной раз сочинил про себя страшилку. Но кто знает, может, что-то за этим есть. Во всяком случае, Славин эту страшилку знает. Он-то мне её и рассказал. А раз знает, то может и сам применить.

Короче, я немного попаниковал. Потом всё-таки взял себя в руки. И стал искать решение.

Не буду расписывать всё, что я потом делал. Помогла насильственная перезагрузка компа.

День 65

Как-то я несколько напрягся из-за последних событий. Теперь сплю рядом с гермокомбезом ГККб1 Л-4. Без упаковки. Да, я его распаковал. Собственными руками. Коллекционная ценность вещи от этого понизилась. А моя личная безопасность повысилась. Вот такая диалектика.

На самом деле я уже почти всё рассказал. Кроме того, что мне оставил Левин. Правда, я не очень понимаю, как это… слово забыл… подавать, что ли. И даже с какого места.

Начну, пожалуй, сначала. То есть с того, как Борьку вообще припрягли к этому делу.

Было это довольно хитро закручено. Потому что припря-

гали его несколько раз.

Первый раз это было связано со Сноубриджем, с которым Левин работал. От него он кое-что узнал. Впоследствии он заблокировал себе часть воспоминаний, в основном сентиментальных, но вот фактуру сохранил.

Потом – и это было совершенно никак не связано с предыдущим случаем – Левин поучаствовал в разборе ментального наследия академика Окада. Конкретно он занимался слуховыми ассоциациями. Но приходилось залезать и в другие сектора, и вот тут-то он узнал о модификаторе.

Третий, решающий подход к той же штанге был у него связан с планетой Надежда и тем, что там творилось. Не то чтобы руководство КОМКОНа не знало чего-то принципиального. Однако выяснилось, что по ходу дела утеряна фактура, а в ней-то обычно прячутся всякие неожиданности. И Сикорски, который работал на Саракше и имел в этих делах личный интерес, настоял на глубинном расследовании. Оно же расследование с плавающей задачей, оно же total recall.

Суть в чём. Обычное расследование имеет конкретную цель. Например: найти виновных в таком-то факапе. Или – определить, что же произошло на самом деле там-то и там-то. Ну и так далее. Цель ясна, задача определена.

ГР проводится, когда цель не вполне понятна. То есть прояснение цели расследования входит в задачу самого расследования. Например: «Найдите всё, относящееся к этому делу, вообще всё – и заодно определите, что это за дело вооб-

ще и про что оно». Или: «Выясните, как такое вообще могло произойти». Или, скажем: «Вот была такая история, в ней что-то не так, найдите – что». Или даже: «Дана предметная область, найдите всё подозрительное».

Понятно, что эти «не так», «подозрительное», «относящееся к делу» и т. п. никак не формализуемы. Это всё интуиции, расплывчатые оценки и тому подобное. Тем не менее такие задачи регулярно возникают на практике, и с этим надо как-то работать. Ну вот и работают. Как могут. Хотя это дорого обходится.

Право инициировать глубинные расследования есть у руководства КОМКОНа, у галактов (вот не знаю, как у них это устроено) и у членов Президиума Мирового Совета. Ну то есть у людей очень серьёзных и социально ответственных. Потому что ресурсов такие дела берут много, а результат не то что не гарантирован – иногда трудно понять, является ли итог вообще сколько-нибудь осмысленным. Плюс издержки, о которых ниже.

Проводится ГР обычно так. Сперва назначается ведущий. Как правило, один, очень редко двое или трое. Выбор ведущего – половина успеха или неуспеха дела. В идеале это должен быть человек, буквально рождённый для данной проблемы. У которого личный опыт и знания на проблему ложатся. И к тому же – чтобы это не была его основная работа, потому что иначе это обойдётся в неприемлемую цену.

Ведущему даётся в руки рабочая группа плюс неограни-

ченные полномочия. С группой он лично не контактирует. Во избежание. Он отдаёт распоряжения и ставит задачи. То есть может загружать на постоянной основе абсолютно любой работой несколько десятков очень хороших специалистов. На непостоянной – задействовать целые институты. Кроме того, он может требовать любую помощь и поддержку, а также затребовать практически любые сведения о чём угодно. Включая информацию, составляющую тайну личности или гостайну. Ему также предоставляется доступ ко всем информационным ресурсам, до которых КОМКОН вообще способен дотянуться. И самое главное – доступ к КРИ.

Получить персональный доступ к Коллектору Рассеянной Информации крайне сложно. Доступ предоставляется организациям. На практике это означает, что любой запрос проверяется-перепроверяется всеми заинтересованными лицами, на предмет кабы чего не вышло. Личный доступ к Коллектору есть у единиц. У Горбовского он, например, есть. Про Пошибякина рассказывают легенду, будто бы он на спор взломал защиту Коллектора, применив какой-то хитрый математический метод. Как говорят абсолютно все знающие люди, это чушь собачья.

Но ведущему глубинное расследование доступ к КРИ выписывают. И ничем не ограничивают в его любопытстве. Он может интересоваться всем: начиная от процесса пищеварения тахорга и кончая интригами времён фараонов. И любые сведения ему доставят на блюдечке. А если их нет – Коллек-

тор выжмет информацию из воздуха, из космоса и из глубин библиотек.

Сроки ведущему ставят обычно разумные – в том смысле, что не торопят. Или вообще не ставят сроков. Просто на такие дела не берут людей, которые будут тянуть с результатами. Тем более, что в данном случае у ведущего есть стимул закончить с делами поскорее. Потому что после проведения глубинного расследования ведущему стирают память. Полностью, в обязательном порядке. Ибо мало ли до чего он мог по ходу дела докопаться. И выборочно – членам рабочей группы.

Я вот не знаю, вёл ли я сам когда-нибудь глубинное расследование. Наверное, всё-таки нет. Но вот в рабочей группе я дважды побывал. Первый раз это было расследование обстоятельств исчезновения на одной планете так называемой «группы Кандид» («Дело улитки на склоне»). Задание мне поставили стрёмное: выяснить, посещал ли данную планету один человек и если да, то с какой целью. Не знаю, что я там навыяснял: задание я помню, а к чему пришёл – это уже нет. Единственное, что осталось – отношение к Горбовскому. Что-то я по ходу дела о нём узнал такое… А второй раз я работал по теме «Урод». Ну, про это ты, Лена, в курсе.

Теперь о Левине. Его выбрали из-за того, что он уже дважды касался этой темы. Сикорски счёл это знаком. И довольно долго на Борьку давил, прежде чем тот всё-таки согласился. Выпросив себе и то и это, и ещё кой-чего сверху. Не буду

вдаваться в подробности, скажу одно: всё-таки есть у них это самое. Ну, торгашество, что ли. Нет, я без предрассудков, таких предрассудков у завхозов не бывает. Но вот факт. Факты – вещь упрямая. Хотя когда факты обобщаются или переходят в статистику – тут, конечно, возможны варианты. Ещё какие варианты. Помню одну историю… всё-всё-всё, молчу.

В общем, Левин взялся. И довёл дело почти до конца, когда появился я со своими ненужными расспросами. Левин это счёл то ли проверкой, то ли знаком недоверия и устроил Сикорски скандал. Тот встревожился, пообещал разобраться, а расследование временно приостановил до выяснения обстоятельств. При этом Левину заблокировали память – не убрали совсем, а именно заблокировали – и заодно внушили лёгкую неприязнь ко мне лично. Не такую, чтобы он от меня бегал, но достаточную, чтобы не стремился к общению. То-то мне его пришлось с такими трудами вытаскивать на рандеву.

Теперь о самом расследовании. Когда оно начиналось, всё крутилось вокруг модификатора-и академика Окада, который его, в свою очередь, модифицировал. Потом пришла арканарская тема и остальные оттёрла. На совершенно левый вопрос с Юрковским Левин потратил уйму времени и даже задействовал Коллектор. В результате выяснив подробности личной жизни одной давно умершей женщины. Интересные для сочинителей душещипательных сериалов, но не для Сикорски. Потом начался самый жир, довольно скверно пахну-

щий. Но он его разгрёб, и осталось всего несколько мелких вопросиков, когда появился я и всё пошло насмарку.

Ну вот как-то так. Этот хвост я, кажется, расплёл. И могу начать более-менее сначала.

То есть с Полудня.

День 65

Тот же день. Спать пора, а мне не спится. Попробовал поставить себе какую-нибудь спокойную музычку и по ошибке включил Магнуса Пруста. Вот этот самый кусок, который в экстренных новостях. Тра-дррр-та-тара-буми фоном вувузела. Вскочил, естественно. Магнуса стёр, чтоб духу его не было. Но теперь час не усну как минимум.

Вообще не знаю: кем надо быть, чтобы записать себе в коллекцию Пруста? В Халифате какую-то его симфонию для пыток использовали. Реально, надевали на человека наушники и затыкали рот, чтобы не орал. Пары часов обычно хватало, чтобы у того мозги кипеть начинали.

Хотя вот тринадцатого мы же слушаем «Мёртвую Руку»? Славин, правда, говорил, что это не аутентичное исполнение, а обработка. В аутентичном, говорит, это слушать невозможно вообще. А так – почти невозможно. И весь эффект от этого самого почти. Потому что слёзы, глаза в кучку и одна мысль: хорошо, что это кончилось.

Кстати вот тоже, насчёт тринадцатого. Время от време-

ни на федеральные каналы вылезает какое-нибудь высокоинтеллектуальное мурло с предложением его отменить. Дескать, сколько можно. Каждый земной год всепланетный траур, сколько уже времени прошло, экономика страдает и всё такое. Макс Каммерер, кстати, когда журналиствовал, тоже отметился. Тряс какими-то хозяйственными цифрами, явно с потолка взятыми, и что-то там блекотал про средневековые ритуалы, недостойные современного прогрессивного человека.

Очень хотелось ему в рожу плюнуть за такую прогрессивность. Или ещё лучше – заставить прослушать всю «Руку» без адаптации, а во время отказов слуха просмотреть все серии «Последнего лета». Не самое красивое зрелище, зато все съёмки документальные. От первых взрывов до финальных трупов. Особенно Индия. Минус миллиард в месяц. Или бразильские кадры. Эти ребята вообще были ни при чём, на них бомбы сбросили просто на всякий случай. Зато съёмки с последнего карнавала на развалинах Рио очень впечатляют. Ну и, конечно, серии про Ресурсную. Вот это в особенности – про Ресурсную.

Вообще интересно. А что было бы, если бы выжили не русские, вместе с остатками немцев и японцев – а, скажем, китайцы и корейцы? ТИП на эту тему молчит. То есть не молчит, конечно, я официальную точку зрения знаю: было бы то же самое – восстановление и объединение планеты и строительство коммунистического общества. Разве что Пол-

день назывался бы Полночью. Потому что китайцы отсчитывали бы время не от первой атомной атаки Халифата, а от гибели Пекина, а там был свой часовой пояс. Но что-то мне не верится. Китайцы, если верить той же ТИП, запретили бы прогресс вообще. Ушли бы ниже пара, как говорят в ИЭИ про доиндустриальные общества. И благополучно вымерли после Гудбая. Или не вымерли бы, но тогда я сидел бы не здесь, а в какой-нибудь пещере, глодал бы чью-нибудь конечность. Хотя, может, был бы счастливее.

Ладно, это всё побоку. Так вот, про модификатор. Предназначался он в основном для крупного рогатого скота и лошадей. Не все знают, но в первые послеполуденные десятилетия транспорт был в основном гужевой. И по-другому быть не могло. Потому что быки и лошади не нуждаются в сборке, а производят себя сами и заправляются углеводами, а не углеводородами. Так что импульсные ракеты с ЯРД, благодаря которым сумели восстановить орбитальный пояс, волокли на стартовые столы лошадки. А бензин из хранилищ выдавался только для спецтехники.

Кто сделал модификатор, так и осталось неизвестным. Важно, что его применяли везде. Один укол – и через двое суток животное становилось идеально послушным, вплоть до отключения базовых инстинктов. Лошадь могла идти и тащить груз, пока не падала замертво. Что в тех условиях могло быть критически важно.

При этом никто особо не интересовался, а как именно эта

штука действует и что это вообще такое. Все считали, что это какая-то химия. А так – работает, и ладно.

Вот от этого «работает, и ладно» факапы-то и бывают. И ещё – от наплевательского отношения к технике безопасности.

Потому что это никакая не химия была. А самая что ни на есть биология.

День 66

Давно не слушал музыки. Попытался сегодня поставить – ничего не нравится, ну то есть вообще. Даже Бах. Кажется, переел я классики. Вот что-нибудь лёгенькое можно. Даже «Барвинок», пёс с ним. Или лучше заставку к сериалу про Урановую Голконду. Сериал идиотский, а заставка гениальная. Тип-патим-патим-парам, тарам, тарам, и скрипочка фоном.

Между прочим, характерный примерчик. Когда сериал появился, его авторы особо напирали на то, что работали с историческими документами, в том числе с дневниками членов экипажа «Хиуса». Как потом выяснилось, дневник был всего один – шофёра Быкова. Который был ветеран Ресурсной и вообще человек героический. Но интеллектом не блистал, писать толком не умел и, что вокруг происходит, понимал с пятого на десятое. Отношение в экспедиции к нему было соответствующим – ну дурак и дурак. Плюс секрет-

ность. Быков так и не понял, куда летал, к какому солнышку. Другое дело, что боньдепадхаевский сверхсветовой привод был жуткой дрянью: несколько месяцев полёта и десятипроцентный разброс точки выхода в геометрической пропорции от дистанции, что приходилось корректировать досветовыми двигателями. Но для своего времени и это было вундервафлей. Так что всё держали в страшном секрете, чтобы стрёмные парни с Аляски и Фолклендов не догадались. Потому что хоть американосов и осталось два с половиной миллиона против наших восемнадцати, зато технологии у них сохранились более продвинутые. Так что официально мы возили трансураны с той Венеры, что возле Солнца, а не с ЕН-17. Впрочем, экипажу тоже официально ничего не сообщали – знали только пилоты и начэкспедиции. Хотя, конечно, все всё понимали, кроме Быкова. И дураков-сериальщиков. Поверивших быковскому мемуару как он есть.

Как же над ними ржали! Кое-кто предлагал даже снять серию на поверхности нашей родной Венеры. Вот смеху-то было бы. Или эпизод с Бондепадхаем. Из которого прямо следует, что Быкова не просто держали за дурака, но и вообще ему не доверяли. Может, даже прикалывались. Хотя нет, не прикалывались, но не доверяли конкретно.

Ладно, космос космосом, вернёмся на Землю. Тогдашнюю.

Первые случаи заражения модификатором человека прошли незамеченными. А когда их стали замечать, заражённых

начали прятать. Потому что очень уж они были хорошими работниками. Скажешь – сделают. Не скажешь – будут сидеть на корточках и смотреть в пространство мутными глазами. Правда, есть и спать им тоже надо было приказывать. Зато трудовые показатели были отличными.

Но в конце концов ситуация выяснилась. Поднялся кипеш. Тело одного заражённого доставили в нормальную лабораторию в Норильске и там распотрошили до молекул. Выяснилось следующее.

Исходно модификатор был непатогенным вирусом-симбионтом. Человек им заразиться не мог. Животное тоже – естественным путём, разумеется: вирус был низковирулентным и заражал только при непосредственном попадании в кровеносную систему, причём в достаточном количестве. Физического вреда организму он не причинял. Зато он воздействовал на мозг несчастной скотины довольно сложным образом. А именно – проникал в лимбическую систему и обрушивал её связи с разными системами организма, в том числе с корой. Точнее, он их модифицировал с упрощением. А ещё точнее… о пёс, тут у меня вместо знаний начинается какое-то серое облако. Потому что Левин эти вещи понимал отлично, но он этим всю жизнь занимался. А у меня этой подложки нет. Поэтому я всё равно не понимаю, что такое базовый таламический код. Или там шлейф первичных ретенций. Пока не сосредотачиваюсь – кажется, что всё понятно, а так – нет.

Короче, механизм был такой. Животное переставало чувствовать удовольствие от каких бы то ни было биологических функций организма. От еды, от сна, от секса. С другой стороны, и неудовольствие тоже прекращалось. Даже физическая боль, хотя и продолжала ощущаться, но не воспринималась как что-то нежелательное. Все желания и страхи отмирали. Оставалась только одна радость – от специфического возбуждения префронтальной коры мозга, связанного с выполнением приказов. Разумеется, с точностью до понимания приказа, с чем бывали проблемы. Но это работало.

Как возникла разновидность модификатора, опасного для человека, так и не поняли. В памяти Левина осталось несколько версий. Случайная мутация под воздействием радиации. Естественная мутация, направленная на приспособление. Наконец – чьё-то вмешательство. Подозревали прежде всего недобитых американцев. Которые хоть и остались в подавляющем меньшинстве, но всё-таки в новый Союз Советских Коммунистических Республик не вошли, капитализм свой проклятый у себя сохранили и даже в космос вышли на собственной технике. И, в общем-то, несмотря на всё пережитое, с каждым годом становилось всё яснее, что двум разным цивилизациям на одной Земле не ужиться и вопрос рано или поздно придётся решать.

Наверное, поэтому неприятности и факапы тогда всё чаще списывали на длинную руку США.

Всё-таки в каком-то смысле хорошо, что Гудбай в 2038 У

этот вопрос закрыл. Пачкаться не пришлось.

Ну, Лена, ты понимаешь, о чём я.

День 67

Вчера я как-то впал в задумчивость и писать мне больше не хотелось.

О чём думал? О разном. В основном о людях. Почему они такие. А не, например, другие.

Вот, скажем, Сикорски. С одной стороны, конечно, гад змеючий, это без вариантов. А с другой – и в нём бывает какое-то благородство, что ли. Не, не то. Уважение к противнику, я бы сказал. Если, конечно, противник не представляет угрозы безопасности Земли и родной конторы – тут пощады не будет. Но если что-то личное – Руди себя ведёт без мелочности. Может и красивый жест сделать. Не на публику, а чисто для себя. Мол, вот я какой, мог бы в порошок стереть, а я конфетку подарю и уйду восвояси. Зачем-то это ему надо.

Я ведь, когда писал про нашу с ним первую встречу, забыл один момент. То есть не забыл, а не знал, как его в рассказ вставить. Про тот кусок розового янтарина, что у него на столе лежал. Так вот, когда я уже в «трёшке» учился, прислал кто-то на мой адрес посылочку. А в ней – тот самый янтарин. Именно тот самый, я его хорошо запомнил. Ну, я сразу понял, от кого подарочек. Дескать, живи, курсант, всё я про тебя понимаю, претензий не имею. Но имей в виду –

я в случае чего за ценой не стою. Вот как-то так. Во всяком случае, я это так понял. Как потом выяснилось – понял правильно.

Вот такой он и есть, наш Рудольф. Умеет, подлюка.

День 67

Сначала решил отдохнуть до завтра. А потом послушал музыку и думаю: нет, ещё попишу. Не про Руди, конечно. А про одного исторического персонажа. Который к нашей истории имеет отношение самое непосредственное.

Академик Сусуму Окада родился до Полудня. То есть формально к Поколению коммунаров не относился. Что не помешало ему стать одним из его типичных представителей. Даже слишком типичных.

Академик и посейчас считается классиком мировой океанологии. Согласно официальной биографии, он провёл под водой больше времени, чем на суше. В конце концов, прожив более ста лет, он попал в катастрофу на подлодке, отчего его парализовало. Мозг академика в момент клинической смерти был подвергнут ментальному сканированию. На древней допотопной аппаратуре, которая к нынешним ментоскопам относится примерно как паровоз к «Призраку». Биомасса, хранящая код, занимала несколько зданий. Сейчас всё это вынесли в космос, но не тронули. Она там так и болтается в первозданном виде.

По официальной версии, мозг академика сканировали для того, чтобы впоследствии воскресить научное светило. И если бы не решение Мирового Совета, запретившего всякие эксперименты по воскрешению, то, возможно, что-то такое удалось бы осуществить. Но мозги академика до сих пор сохраняются – в виде цифрового кода на биомассе – и доступны для изучения. Разумеется, не всеми желающими, а только специалистами с соответствующим допуском. Поэтическим соображениям.

Это то, что написано в БВИ. Люди в теме могли бы добавить, что ДБЗ – Департамент Безопасности Земли, предшественник ДГБ – в ту пору действительно держал на океанском дне секретные базы. Где занимались разными стрёмными делами. В том числе – по части вирусологии, но и не только. Ментоскопы тоже были изделием ДБЗ. И первые опыты по растормаживанию гипоталамуса тоже. И ещё всякое-разное.

Судя по всему, академик Окада очень много знал. И, похоже, наши тогдашние коллеги очень дорожили этими знаниями. Иначе вряд ли кто-нибудь потратил бы сотни тысяч человеко-часов на попытку записать содержимое мозга полупокойника. Разумеется, воскрешать его никто не собирался – хотя бы потому, что сам академик это категорически запретил. Окада был буддистом и надеялся на перевоплощение. Хотя по воспоминаниям Левина – который был одним из тех, кто копался в застывшей биомассе с целью добыть

кое-какие нужные сведения – не так уж он и верил в этот самый метампсихоз. Просто считал нужным придерживаться воззрений предков. Как и их обычаев: сразу же после копирования тело профессора было сожжено с соблюдением буддистских обрядов. Правда, урна с прахом была захоронена не в семейной могиле, а в рабочей камере прямоточного плазменного двигателя межпланетного корабля. Академик хотел, чтобы от него не осталось буквально ничего. Некоторые причины – с древними обычаями не связанные – для этого у него были.

Для нас важно, что именно Окада был автором концепции позитивной реморализации, и он же попытался использовать для этих целей вирус-модификатор, им же и доведённый до ума. Причём, что характерно, это была его персональная инициативная разработка.

Судя по тому клубку воспоминаний, что оставил мне Левин, он и сам задумывался о том, почему почтенный интеллектуал взялся за такое предприятие. Более чем сомнительное, как выражается Славин в таких случаях.

Что Борис в итоге надумал, я так и не понял – эту часть инфы Левин то ли выпилил, то ли недоложил. Но по сохранившейся части мне кое-что стало ясно и без того.

Академик как-то очень близко принял к сердцу тогдашнюю идею о «новом человеке». Ну, дескать, старые люди устроили атомную войну, это было ужасно, так что мы все должны измениться и стать хорошими. Хорошесть на-

ша должна состоять в том, что мы будем мало жрать, много работать и слушаться. А до наступления этого волшебного момента мы всё равно должны мало жрать, много работать и слушаться, только под угрозой воздействия объективных законов развития, то есть палки и кнута во всех их разновидностях и модификациях. Потому что объективные законы развития обычно принимают именно такую форму.

Теория ясная и понятная, продержалась она лет сто, потом жизнь объективно внесла свои диалектические коррективы. То есть сначала выпилилось требование меньше жрать и вообще потреблять, потому что доросли до уровня сверхдешёвого товарного производства. Сейчас потихоньку выпиливается требование работать. Откровенно говоря, некоторые профессии поддерживаются только потому, что иначе не будет чем занять людей, а они хотят быть занятыми. Если уж совсем-совсем честно, то девяносто процентов пилотов давным-давно можно было заменить на автоматику. Просто слишком много людей хотят быть пилотами… Зато моя нынешняя профессия будет востребована всегда. Потому что принимать решения – это святое, это мы никогда никаким машинам не отдадим. Правда, Лена?

Но до наших времён академик не дожил. Он был человеком своего времени. То есть прежде всего коммунаром. К тому же – настоящим японцем и настоящим учёным.

Насчёт японцев. Сейчас они считаются милыми и пушистыми. Потому что их вытеснили в науку и на значимых

должностях их практически нет. Но так не всегда было, в эпоху Полудня они играли более серьёзную роль. Тема, конечно, скользкая, так что углубляться не буду. Мы сами знаем, где у нас чего. Зачем ворошить?

Что касается нашего академика, он был не просто японцем, а последним представителем древнего самурайского рода, со всякими завиральными представлениями о необходимости жертвенного служения чему-нибудь. Так что коммунистическая пропаганда легла на благодатную почву.

И наконец, он был настоящим учёным. То есть к окружающей реальности относился с пренебрежением, а то и с презрением.

Вообще-то это типичная профессиональная деформация. Ну, как у медиков, например, которые всё сводят к проблемам с организмом. Ты ему жалуешься на то, что всё достало и жить неинтересно, а он тебе: «Печень проверь». Кстати, в большинстве случаев это работает. Но глобально такой взгляд неправильный, так как человек не только из печени состоит или там кишок. А вот психолог, особенно психокорректор, даже бронхиальную астму объяснит так, что это от лишней напористости и карьеризма. Потому что, делая усилие, человек непроизвольно задерживает выдох, как типа когда штангу рвёшь. Ну а потом это начинает происходить уже помимо воли. Так что давай-ка садись под шлем, будем тебя расслаблять. Кстати, тоже работает, меня Левин так лечил… Опять-таки, можно дойти и до того, что переломы начнёшь

объяснять душевными проблемами. В общем, во всём нужна мера и всему должна быть граница. Вот только эта простая мысль непопулярна среди умных голов. И понятно почему. Потому что реальность вся такая кривая и неправильная, а мысли в голове все такие правильные и красивые. И хочется на эту самую реальность плюнуть и забыть про неё – или переделать её под свои умные мысли.

Вот как-то так всё это в его случае и совпало. И привело к поиску путей улучшения человеческой природы. А тут как раз подвернулось исследование вируса-модификатора, от которого нужно было быстренько соорудить вакцину. Что он и сделал, но заразился сам. Не физически, а, так сказать, идейно. А потом, как следствие, уже и физически.

Очень сумбурно написалось. Извини, Лен.

День 68

Перечитал вчерашнее и за голову схватился. Бессвязная болтовня и ничего по делу. Мог бы – стёр и переписал нормально. Но не могу.

Теперь только факты.

Реморализатор создал академик Сусуму Окада. Сделал он это, как типичный коммунар, из идеалистических соображений. Состояли они в том, что люди его не устраивали. Он считал, что они не соответствуют высокому званию человека. Ибо настоящий человек движим не низменными желани-

ями, а исключительно долгом. Единственной его радостью и счастьем должно быть исполнение этого самого долга, в чём бы он ни состоял. Всё остальное должно было быть второстепенным, а лучше бы его вообще не было.

И академик придумал, как таких людей создать. Благодаря случайно оказавшемуся в его распоряжении вирусу-модификатору.

Окада изменил вирус следующим образом. Общий принцип подавления естественных желаний сохранился, хотя и в ослабленном виде: некое подобие удовольствия от еды, секса и тому подобного он вернул. Однако эти радости не могли сравниться с чувством удовлетворения, которое человек испытывал от высокой самооценки. Так как вирус закорачивал центр удовольствия именно на самооценку. Каковая, в свою очередь, формировалась очень жёстко – самооценка прямо зависела от того, что человек считал правильным. То есть от совести.

Вот тут, извините, опять придётся порассуждать. Говорят, у некоторых людей нет совести. На самом деле она есть у всех. Потому что совесть – это логически необходимая часть системы саморепрезентации. Ну то есть восприятия человеком самого себя. В частности – насколько он соответствует своим представлениям о том, что такое хороший человек. Своим, повторяю, представлениям. Именно своим. Другое дело, что они в большинстве случаев совпадают с общественными, потому что откуда же они берутся, как не от общества.

Но в принципе они немного различаются у разных людей, к тому же и общество меняется. Так что возможна какая-то их эволюция. Как полагал академик – к лучшему. То есть к прекрасному миру, где единственными радостями человека станут познание и творчество, а также служение высочайшим идеалам добра и света. Это он и называл «позитивной реморализацией».

В принципе, Окада мог изменить судьбу нашей цивилизации, сделай он свою заразу более вирулентной. К счастью, он считал это неприемлемым по этическим соображениям. По его мнению, повсеместному внедрению должно предшествовать долгое, тщательное тестирование.

Как настоящий коммунар и настоящий учёный, он начал с себя.

Судя по тому, что мы знаем о дальнейшем, поведение почтенного академика изменилось не особенно заметно: как он был фанатиком, так им и остался. Более того, продуктивность его научных штудий повысилась – поскольку ничто человеческое (которого у академика Окада было и без того немного) его больше не отвлекало от трудов.

Вдохновлённый результатом, академик написал отчёт вышестоящему начальству – то есть в ДБЗ – о проделанной работе. Тот же отчёт был направлен в другие инстанции, в том числе тогдашнему руководству ССКР. Академик принял все меры, чтобы каждый адресат получил свою копию.

Через неделю после этого на подводной лодке, в экипаж

которой входил академик, случилось несчастье. Все, однако, спаслись – и все, кроме академика, остались живыми и невредимыми. Академика почему-то вытащили последним, отчего случились проблемы с декомпрессией. В результате почтенного старичка хватил паралич. Дальше – короткая непродолжительная агония, смерть и запись мозга на биомассу.

Что особенно любопытно: при первом же разборе наследия почтенного академика выяснилось, что рабочие материалы по модификатору приведены в негодность. В частности, куда-то исчезли файлы со схемой синтеза реморализатора и описания кинетики вирус-клеточного взаимодействия. Образцы культуры вроде бы сохранились, но проверить, тот ли это вирус, было невозможно: сравнивать было не с чем. Единственный на тот момент организм, успешно заражённый реморализатором, к тому моменту уже превратился в ионный шлейф, размазанный по пустоте.

День 69

Вчера приснилась, будто меня освободили и вернули на Землю. Я взял отпуск и отправился в Испанию, на море – полежать на солнышке и покурить. И вот я лежу в белом песке, курю и думаю, чего мне больше хочется – искупаться или холодного апельсинового сока с каплей мартини экстра драй. Ну, не каплей, допустим, но главное – холодного. И вот я ле-

жу и никак не могу решить. А солнышко припекает, жарко, потею. В конце концов решил всё-таки искупаться, встал и проснулся. Чувствую – и впрямь жарковато. Посмотрел на датчики температуры – вроде нормально. Такое ощущение, что слегка приболел или что-то воспалилось. Но как? У меня, как у всех, биоблокада, да и здесь всё стерильно. Странно, очень странно.

А ещё страннее то, что я сейчас расскажу. Ты, Лена, точно не поверишь. И я бы не поверил. И никто не верил, пока не убедились.

В общем так. Лена, ну вот что ты подумала, когда прочла концовку вчерашнего? Правильно. И я то же самое подумал бы, если бы мне кто сказал. Вопрос только в том, кто именно уконтропупил академика Окада: ДБЗ, какая-то другая контора, или приказ шёл непосредственно с уровня политического руководства.

Ну вот именно это все тогда и подумали. А когда выяснилось, что информация о модификаторе утеряна, всем стало вообще всё ясно. Кто-то ликвидировал почтенного учёного за то, что он полез в дела не своего уровня. Как иначе-то?

Так вот. Когда ситуация с модификатором стала совсем гнилой и к тому же опасной, было принято решение расследовать это дело по новой. С перетряской тогдашних архивов, поднятием всей документации и тэ пэ. Собственно, и левинское ковыряние в застывшей биомассе имело, в числе прочего, и эту цель: понять, кто ликвидировал академика и по-

чему.

Расследование затянулось лет на десять. Всю добытую информацию грузили в КРИ, туда же засовывали результаты промежуточных экспертиз и всего такого прочего. В конце концов докатились до археологии – вытащили на поверхность бренные останки той самой подводной лодки и разобрали там всё буквально на молекулы.

Результат был неожиданным. Его проверяли и перепроверяли много раз. Тем не менее пришлось признать – да, и такое в природе бывает.

Катастрофа произошла случайно. Нет, в самом деле! На подлодке из-за производственного дефекта взорвалась плазменная батарея, пошла течь. Молодой командир не справился с управлением и положил лодку на грунт, где она застряла в какой-то расщелине, некстати там случившейся. Идиотское стечение обстоятельств, классический факап на ровном месте.

Что касается обстоятельств неудачного спасения. Тут, как выяснил Левин, вся вина лежала на академике. Дело в том, что модификатор заглушил в нём инстинкт самосохранения. Во всяком случае, работа для него была бесконечно важнее всего остального. А тут, как назло, ему пришла в голову какая-то интересная мысль, и он принялся её записывать. При этом академика уважали и даже побаивались, так что от писанины его просто побоялись отрывать. Вода уже ломала переборки, а Окада писал. Когда же его всё-таки запихали в

скафандр – последним, – выяснилось, что рванёт ну вот прям щас. Подниматься пришлось спешно. Кессонку заработали все, но академик был старенький, с изношенными сосудами, у него пошли тромбы, а потом – газовая эмболия. Если бы академика можно было сразу запихнуть в камеру повышенного давления, это могло бы его спасти. И опять же – вместо этого Окада практически сразу отправился в Америку на самолёте. Прихватило его в воздухе. Дополнительным фактором послужило то, что он чувствовал боль, но не обращал на неё внимания. Так что в больницу его доставили уже в таком состоянии, что помочь – по тем временам – ему было уже просто нечем.

Но это выяснилось потом. А тогда ближайшие друзья и коллеги академика, знающие о его разработках, подумали именно о ликвидации. И, разумеется, так же думал самый близкий ученик и последователь академика. Некто Званцев.

День 70

Со мной что-то не то происходит. Сегодня валялся в ванне и случайно коснулся одного места на груди, слева. Палец будто током шибануло. Нет, не сильно. И не током. Просто – дёрнуло. Как будто коснулся горячего, обжечься не успел, сразу отдёрнул. Рефлекторно. Я испугался, попробовал ещё раз, долго искал эту точку проклятую. В конце концов вроде бы нашёл. Уже не так сильно, но касаться этого места было

неприятно. Взял палочку пластмассовую, попробовал надавить. Опять странность, само это место ничего не чувствует, будто онемение какое-то. Долго щупал себя и нашёл ещё одно такое место, на лбу. Прямо прикасаться не могу – рука сама отпрыгивает. И не шучу я ни пса, какие уж тут шутки.

Одно хорошо – температурка эта загадочная ушла. Даже подмерзать немножко начал. И общее состояние – как будто сильно устаю, вот только непонятно от чего. Явно что-то психосоматическое. Провериться бы, да как?

Эх, ладно. Вернёмся к старым делам.

Внешность академика Окада память Левина не сохранила. Наверное, Борис этим не интересовался. А вот изображения и съёмки Николая Евгеньевича Званцева он рассматривал подробно. Человек был громадного роста, широкоплечий и краснорожий. Хотя это он прятал под загаром. Родители его, скорее всего, были шведами или норвежцами. И один из них, несомненно, – военным преступником. Вероятно, пилотом стратосферного бомбардировщика, ну или подводником. Потому что только пилоты стратосферников и подводники имели право на сохранение замороженных эмбрионов своих нерождённых детей в халифатских противоатомных бункерах класса «кенотаф». Прочие воины джихада могли рассчитывать только на милость Аллаха. Каковая, как известно, мало кого миновала. Включая кенотаф, из которого извлекли пробирку с будущим Званцевым. Годных эмбрионов осталось восемнадцать – из трёх с половиной

тысяч. Остальные раздавило обрушившимся потолком бункера, плюс нарушение температурного режима. Будущему Званцеву повезло. Его – и ещё девятнадцать эмбрионов – не успели разместить на постоянное хранение, и они остались в первичной заморозке. Морозильная установка уцелела и продержала температуру полвека, пока бункер не вскрыла советская экспедиция. Генетическое разнообразие в ту пору ценилось, а уж неповреждённые радиацией готовые зародыши – тем более. Все уцелевшие пробирки были доставлены на поверхность, зародыши разморожены и дорощены до жизнеспособного состояния. По традиции, детишки получили фамилию человека, обнаружившего зародыши. В данном случае им была некая Евгения Званцева. В экспедицию на радиоактивную пустошь, где находился вход в убежище, она попала как приговорённая к пожизненным общественным работам (как и все члены её банды). За успешное вскрытие кенотафа и обнаружение ценного оборудования бандерше скостили срок с пожизненного до тридцатилетнего. Практического значения это не имело: через полгода после этого Званцева умерла от лейкемии. Странно даже, что она так долго протянула.

Сейчас всё это считалось бы тайной личности. Однако Николай Евгеньевич всё знал, причём с детских лет. В те времена с людьми не церемонились. Трудно сказать, повлияло ли это на его мировоззрение. Левин считал, что да. Во всяком случае, вырос Званцев человеком умным и волевым, но

крайне категоричным, а по части воззрений на человека и общество – весьма экстремальным. На выпускном экзамене в интернате он писал сочинение на свободную тему и избрал такой предмет: «Можно ли считать людей подлинно разумными существами?». Ответ отрока был отрицательный: по его мнению, человек недостоин называться хомо сапиенсом, пока мотивы его поступков животные, а разум подчинён инстинктам. Под конец он предложил именовать современного человека Anthropithecus loquax, то есть «антропитек болтливый». Это человеческое свойство Званцев особенно презирал.

Впрочем, не он один. Среди элиты Поколения таких было пусть не через одного, то каждый третий точно. И если бы его родила живая мама, получившая свою дозу радиации, то пресловутая Инга Зайонц с удовольствием занесла бы Званцева в свой список «сыновей Огня». Но вот беда: он-то родился в инкубаторе с освинцованными стенами. Так что это скорее дух эпохи.

Неудивительно, что с такими взглядами Николай Евгеньевич был довольно быстро завербован ДБЗ. Там он довольно скоро освоился и был направлен под воду – заниматься всякой суперсекретной гадостью. Формально же он числился в организации прикрытия, именуемой Океанская Охрана. Там он познакомился с милыми, заботливыми людьми, в число коих входил не кто иной, как Горбовский – уже в те времена имевший привычку полёживать на кушеточке и заниматься

гуманизмом. Общение с этим исполином духа и корифеем окончательно укрепило Званцева в его воззрениях, а когда он перешёл в ведение академика Окада, уверенность превратилась в фанатизм.

В работе над модификатором Николай Евгеньевич принимал самое непосредственное участие. Идеи Окада он не просто разделял, а творчески развивал самым радикальным образом. В частности, он был горячим сторонником того, чтобы сделать вирус максимально вирулентным и в кратчайшие сроки заразить им всё человечество. К счастью, своими планами он сначала поделился с любимым учителем, а тот немедленно взял с ученика слово, что он не заразит деморализатором ни одного человека на Земле без его, академика, на то позволения. Ученик слово дал – и, надо признать, сдержал.

Гибель академика Званцев понял однозначно – как ликвидацию, а попытку записать содержимое его мозга – как желание украсть у гения секреты и использовать против его воли. Поэтому какого пса?

День 71

Вчера не смог закончить. Разволновался. Были причины. Конкретно – сижу, пишу и вдруг чувствую, что по мне что-то течёт. По груди, слева. Рукой потрогал – тёплое, липкое. Опускаю руку, смотрю – на ней кровь. Побежал в хозблок,

смотрю в зеркало – точно кровь. Да, на том самом месте. Потрогал – боли нет, хотя палец дёргает, как раньше. Кровь смыл – вроде чистая кожа. Подождал полчасика, послушал Клофельда – мне «Afwillite» у него особенно нравится, умиротворяющая такая музычка, вроде и несерьёзная, но что-то в ней есть такое… Ладно, тут не до музыки. Тут здоровье, а к нему я отношусь трепетно. Потому что фукамизация фукамизацией, а я за жизнь всякого насмотрелся. Того же Комова синеньким видел. Так что не надо мне тут неожиданностей.

Ну, в общем, полежал, успокоился, смотрю снова. Кожа вроде чистая. Осторожно залезаю в ванну, моюсь, потом отлёживаюсь, всё время слежу за своим состоянием. Ничего, совсем ничего. Но ведь кровь-то была! Пёс, пёс, ну что же это такое-то? Нет ответа. Чую, и не будет. Или будет такой, который мне не понравится.

Лучше уж о старых делах продолжу.

Остановился я на Званцеве. При расследовании дела об утрате материалов профессора он сразу попал в число наиболее вероятных подозреваемых. Однако Николай Евгеньевич всё отрицал, а в уничтожении ценной информации винил адресатов доклада. Допросы под гипнозом и наркотиками правды подтвердили, что он искренен. К тому же Званцев демонстративно потребовал глубокого исследования памяти. Ментоскопов тогда не было, процедура была болезненной и к тому же опасной. Званцев тем не менее на ней настаивал, так как хотел полностью очистить себя от подозрений.

Когда же ему в этом отказали, он бросил на стол начальству рапорт на увольнение по личным причинам. Его пытались отговорить – он был ценным сотрудником. Но он, что называется, упёрся рогом.

В конце концов рапорт ему подписали, и он ушёл работать в самую что ни на есть настоящую океанологию. Последующие десятилетия он занимался крупными морскими млекопитающими. По мнению Левина, они ему были ближе, чем люди.

Левину, кстати, это понравилось. Он, оказывается, любил дельфинов. Ну кто бы мог подумать.

День 72

Непонятки продолжаются.

Во-первых, снова начало кровить. Не сильно, но постоянно. Откуда кровь – непонятно, на коже вроде бы никаких ранок или там ещё чего. Да если б и были, у меня ж биоблокада, всё должно затянуться за пару минут.

Во-вторых, ещё одна гадость добавилась – чешется лоб. Не весь, а в том самом онемелом месте. Почесать не получается: это место ничего не чувствует. Ну, в смысле прикосновений не чувствует, а при этом чешется, сука! Конкретно так зудит.

И в-третьих: почему-то очень боюсь спать. Физически боюсь. Такое чувство, будто во сне я умру. При этом спать хо-

чется ужасно, всё время кемарю и клюю носом. Но как лягу – сна нет. Ни в одном глазу. Спать в кресле тоже пробовал: как задремлю, так сразу что-то вроде удара в сердце, дёргаюсь и просыпаюсь. Пробовал ещё спать в гермокомбезе. В нём вроде поспокойнее, часа полтора продремал, потом опять этот удар в сердце. В общем, придётся, наверное, покопаться в аптечке – наверняка там есть какое-нибудь успокоительное. И снотворное тоже, наверное, найдётся.

А пока – закончу про Званцева.

Разумеется, материалы академика Окада украл именно он. И он же подменил пробирки с готовым вирусом. Однако после этого он использовал приём, для своего времени новый и оригинальный: стёр себе память каким-то препаратом, чуть ли не собственной разработки. Средство, правда, было грубым, так что впоследствии ему пришлось регулярно лечиться от приступов головной боли и других неприятных последствий. Впрочем, себя он не берёг… Так или иначе, но о том, что материалы уничтожил именно он, ему удалось забыть. При этом работу над реморализатором, разговоры с академиком Окада, его гибель и всё прочее он помнил. И искренне ненавидел тех, кто, по его мнению, убил гения и похоронил его разработки.

Через двадцать лет после описываемых событий Николай Евгеньевич, к тому времени честный океанолог, преследуя стаю дельфинов-касаток, неожиданно получил на ручной комм – браслетов тогда не было – вызов. Он был от Ока-

да – или, во всяком случае, с его личного канала, который был доступен только ближайшим ученикам академика. Вызов Николай Евгеньевич, естественно, принял. И с удивлением услышал собственный голос, который сообщил ему некие инструкции. Сводящиеся к тому, что он должен найти нечто, лежащее в такой-то точке на океанском дне.

Как потом выяснилось, звонок прошёл с самого обычного публичного сервиса – «напоминалки». Он и сейчас существует. Можно запрограммировать звонок самому себе или другому человеку через какое-то время. И даже в том, что Званцев выставил двадцатилетний срок, не было ничего необычного. Некоторые дедушки, давно покойные, таким способом внуков с днём рождения поздравляют каждый год. А та самая милая женщина, с которой мы расстались на Энцеладе, записала всякие неприятные слова в мой адрес и запрограммировала это прокрутить как раз в мой юбилей. Я, правда, не сильно расстроился, так как в тот день у меня были другие проблемы. Но царапнуло, чего уж там.

Ладно, это я опять отвлекаться начал. Вернёмся обратно.

Так вот, у Званцева оказались все разработки академика, включая сам вирус. Вопрос был в том, что со всем этим делать дальше.

Как я уже вроде бы писал, Николай Евгеньевич относился к людям без особой любви и вообще считал их существами несовершенными. С годами это у него только усилилось: он имел устойчивую репутацию нелюдима и буки. Идею пози-

тивной реморализации он полностью разделял. Реморализатор на руках имел. Однако была одна закавыка: слово, которое он дал учителю. К таким вещам Званцев относился очень серьёзно. И слово сдержал: он не ввёл это зелье даже себе. Ну, в смысле тогда не ввёл. Потом-то всё изменилось, но тут уж извините.

Ну и напоследок неожиданное.

Практически весь свой жизненный путь Николай Евгеньевич прошёл в гордом одиночестве. В том числе и по части семьи. Однако в девяностотрёхлетнем возрасте он, к удивлению коллег (друзей у него не было), сочетался браком со своей ассистенткой, восемнадцатилетней Маюки Малышевой.

Этот неординарный поступок вызвал разного рода кривотолки. Пошли разговорчики про седину в бороду и беса в ребро. На самом деле – и это быстро выяснилось – брак был чисто платоническим. Николаю Евгеньевичу нужна была не женщина и не мать его детей, а секретарша и смотрительница за научным наследием. Маюки с этой задачей справилась. Остаток жизни Николая Евгеньевича она была его личным секретарём, а остаток своей – посвятила работе над архивом мужа, изданию и переизданию трудов, отстаиванию приоритета и так далее. Она практически в одиночку подготовила издание трудов Званцева в «Научном наследии». Она отстояла приоритет своего супруга в построении стандартной модели биосферы «водных» планет. Последнее, что ей удалось – это настоять на присвоении Институту Океана имени Зван-

цева. В памяти Левина осталась картинка: тощая старуха с редкими седыми волосами, восседающая в каком-то президиуме. Все радости жизни для неё к тому времени свелись к этой одной: сидеть в президиуме.

Однако так было не всегда. До встречи со Званцевым Малышева не чуралась мужского внимания. Во всяком случае, когда она вышла замуж за Николая Евгеньевича, у неё был сын. Занесённый в соответствующий каталог БВИ как Антон Малышев.

Отметим на будущее: просто Антон Малышев. Без отчества.

День 73

Идиотский день, ни на чём не могу сосредоточиться. Два раза садился писать, просидел за экраном где-то час, вообще ничего не написалось. Есть не хочется совсем, хотя голодный. То есть я чувствую, что голодный, а как посмотрю на биологическую смесь – так и понимаю, что жрать это я не буду. Музыка тоже не идёт. Пытался послушать Сарасате, мне когда-то фантазия на тему «Кармен» нравилась. А теперь слушаю и думаю: лучше бы я нашёл записи с какими-нибудь дурацкими певичками. Не «Барвинок», конечно, а что-нибудь вроде «маки-маки-лютики – каждый раз люблю тебя, как в последний раз, как в последний раз я люблю тебя, я люблю тебя». Или ещё что-нибудь пошленькое. Что-

нибудь такое, на что старички из Общественной комиссии по нравственным ценностям обычно пишут кляузы в Мировой Совет.

Вот тоже, кстати. Пока молодой был, не понимал, зачем нужна эта контора. Которую даже общественность, и та ненавидит. Потому что время от времени этим гадам и в самом деле удаётся что-нибудь запретить, снять с федеральных каналов и так далее. Разумеется, запись только больше расходится через БВИ, но сам факт – бесит неимоверно. Потом-то я понял, что это просто громоотвод. Надо же людям чем-нибудь возмущаться. То есть это такая потребность, которую нужно удовлетворять. Потому что даже если всё вокруг ну совсем ништячок, человек будет возмущаться тем, что всё ништячок. Или прицепится к какой-нибудь мелочи и ну её теребить. Так что пусть уж лучше ненавидят старых пердунов, которым только того и надо – чтобы их молодые ненавидели. Хотя лучше бы вместо этого за здоровьем следили и омолаживались регулярно. Ну да каждый сам для себя выбирает. Я вот тоже выбрал. Теперь тут сижу как дурак.

Пёс, ну вот зачем я это написал? Наверное, ради последней фразы. Себя жалко. Расклеился.

А хоть бы и так. Расклеился. Я не герой, да? А герой на моём месте что бы делал? Комов, наверное, уже свихнулся бы и уж во всяком случае разнёс бы половину станции. Он человек деятельный, ему сидеть и ждать – хуже нет. Видел я его в таких ситуациях, самому страшно становилось. Си-

корски – пожалуй, тоже потёк бы: так и вижу, как он ходит взад-вперёд по коридорчику и интриги против самого себя плетёт. Горби разве что, у этого опыт есть. Перемогся бы на коечке. Но кто у нас великий Горби и кто – Вандерхузе? А вот почему-то на коечке именно дядя Яша. Который тут сидит и чувствует себя ошибкой природы.

Если честно, Лена, устал я очень. Ощущение такое, что я на этой проклятой станции целую жизнь прожил. Нормальная жизнь вспоминается уже как сон какой-то. Ничего не хочется. Даже курить. Кстати, совсем расхотелось. Что-то внутри переломилось по этой части. Раньше мне даже снилось, как курю. Вроде полжизни отдал бы за ящик сигар. А сейчас покажи мне кохибу коллекционную – не уверен даже, что возьму.

День 74

Сегодня не могу писать. Завтра. Как очухаюсь.

День 75

А вчера меня в каком-то смысле убили. Всё-таки убили. Однако я живой. Всё-таки живой.

В общем, дело было так… или не было дела? Всё-таки было. Уверен – было. Такое не забудешь.

Короче, позавчера у меня опять были панические приступы перед сном. Кончилось всё тем, что я нашёл в аптечке снотворное, принял его и проспал шесть часов. На седьмом часу проснулся от собственного крика. Ещё где-то час приходил в себя. Потом долго лежал в ванне и пытался лечить нервы Сен-Сансом. Помогло не особенно – и хуже того, чуть было не заснул в воде. Испугался, что захлебнусь, побежал под ионный душ. Замёрз. Решил немного погреться. Прилёг на коечку, под спинку подложил гермокомбез, накрылся – и сам не заметил, как заснул.

То есть это мне приснилось, что я заснул. А на самом деле я сидел за компьютером и пытался что-то писать. И вдруг с экрана всё стёрлось. Раз – и нету. Я испугаться не успел, как замигал свет, как при нуль-переброске. А потом из коридорчика, от камер – шаги. Тяжёлые такие, увесистые. Уверенные.

Я оглянуться только успел, и тут ко мне входит Толик Бойцов, а за ним Гриша Серосовин и Олесь Котик с термопакетом в руке. Наша убойная команда.

Нет, я в обморок не упал. И с лица, наверное, не сбледнул, как выражается Славин в таких случаях. Даже не испугался толком. Одна мысль только в голове осталась: «Вот и всё, вот и всё». И никаких других мыслей, только вот это «вот и всё, финита, крышка, всё, приехали».

Олесь достаёт парализатор, виновато этак улыбается и говорит:

– Ждал нас, наверное? Прости, в космосе большой факап. Еле прорвались.

Толик поднимает свой «герцог» 26-го калибра, тоже улыбается и вежливо просит:

– Привстань, пожалуйста.

И я послушно так встаю, понимая, что сейчас он мне всадит пульку в сердце. Именно в сердце, не в голову – чтобы мозг остался целым. А на полсекунды раньше Гриша пустит мне в лоб луч парализатора. Чтобы я ничего не почувствовал, во-первых, и чтобы мозг целее был, во-вторых. Потом Олесь отрежет мне микроструной голову и упакует в термопакет. Бойцов и Серосовин обыщут тело и, скорее всего, утилизируют. Жаль только, что ребята не догадаются взять гермокомбез, они же не представляют, какая это ценность. Я даже хотел объяснить им, чтобы они его с собой забрали и подарили Славину, он оценит, но не успел и рта раскрыть, как всё перед глазами застыло и онемело, потом в груди что-то хрустнуло, и я проснулся.

Честно скажу – первым делом проверил, нет ли подо мной лужи. Нет, не было. И вообще чувствовал я себя хорошо. Не поверишь, Лена, – хорошо. Очумело несколько, но хорошо. Будто гора с плеч свалилась. Хотя не с плеч, скорее с сердца. Которое всё это время было как бы сжато, потому что было страшно. А теперь – всё.

Я сидел на коечке и соображал. Выяснилось, что я откуда-то знаю и понимаю, что случилось. Ну не всё понимаю, но

довольно многое. Как будто в голову кто-то закачал. Хотя, наверное, так и было – иначе откуда уверенность, что я всё правильно понимаю?

Так вот, я откуда-то знал, что убойную команду отправил ко мне не Славин и не Григорянц, а лично Геннадий Юрьевич. Отправил не потому, что считал меня виноватым, а потому, что испугался чего-то очень сильно. Но кто-то – то есть понятно кто – счёл мою смерть несвоевременной. Да, именно в такой формулировке. Нет, даже не в такой, это просто ближайшее похожее слово. А если точнее – решил, что смерть не пойдёт мне сейчас на пользу. Интересно, что они там у себя считают пользой? Хотя нет, не интересно. Я как вспомню этот золотой свет и руку, так мурашки по коже. Ну их, все эти лаксианские дела, знать ничего о них не хочу.

В общем. То, что когда-то было Левиным, мою смерть отменило. Хотя нет, не так. Сделало её не бывшей. То есть она была, но последствий не имела. Потому что все последствия были развернуты в прошлое, а оно просто так не меняется. Ну почти. Покровило немножко в том месте, куда потом пуля попала, лоб почесался от парализатора, воспаление какое-то внутреннее – и всё. Ну, это терпимо.

Интересно, что стало с убойной командой? Что-то с ней случилось, вот только что именно – я так и не понял. То есть, с одной стороны, я точно знаю, что её больше нет. С другой – что с Бойцовым и его ребятами ничего плохого не произошло. Как это совмещается – не знаю. Может, когда выберусь,

больше пойму. А в том, что я отсюда как-то выберусь, у меня особых сомнений больше нет. Уж если меня от верной смерти спасли, не оставят же здесь гнить? Вот это мне уж точно не на пользу будет.

Извини, Лена, пойду ещё немного подремлю. Что-то у меня в последние дни недосып образовался.

День 76

Новая беда: не могу заснуть. То есть засыпаю, вот уже совсем засыпаю и потом вдруг резко вздрагиваю и просыпаюсь. Как будто страх какой-то будит. Хотя страха как такового вроде тоже не чувствую. Ерунда какая-то.

Ладно, попишу, авось полегчает.

На самом деле ситуация в семье Званцева сложилась неприятная. Хотя не то чтобы удивительная. Бывает. Сейчас из этого трагедии не делают: дети по большей части в интернатах растут и контакт с родителями у них слабый. Ну скажут папе-академику, что у его сына успеваемость ниже средней, способностей и талантов не выявлено и наиболее вероятный жизненный путь ему – на водорослевую ферму. Неприятно, да. Но, в общем-то, и на водорослевой ферме люди нужны. Пусть лучше там трудится, чем в папином институте небо коптит.

Вот и у Званцевых возникла та же ситуация. Единственный сын Маюки Малышевой был, как бы это сказать повеж-

ливее, недаровит. Не то чтобы дурак, нет, но науки ему не давались. От слова совсем.

При этом родители ничем, кроме науки, не интересовались. Николай Евгеньевич, во всяком случае, точно. Приёмного сына он воспринимал как ненужную проблему, на которую жалко тратить лишнюю минуту. Причём то, что сын приёмный, здесь роли не играло – во всяком случае, Левин пришёл к такому выводу, я ему верю… А вот мать затерроризировала ребёнка, пытаясь пичкать его математикой, биологией и прочими такими вещами. То есть портила ему жизнь и развивала комплекс неполноценности.

При этом во всех остальных отношениях Малышев был очень даже ничего. Спортсменом он был отличным, занимался чуть ли не полдюжиной видов спорта плюс подводное плавание. Красавец – девушки по нему вздыхали (видимо, в настоящего отца пошёл). Музыкальный слух, приятный баритон. И – полное отсутствие интереса к формулам.

Единственным более-менее научным предметом, которым молодой Антон интересовался, была история. Сначала на уровне беллетристики: любил читать книжки про Средневековье. Потом стал интересоваться профессиональной литературой. Мать, счастливая тем, что сынок увлёкся хоть чем-то, помимо спорта и баб, напрягла свои связи и пристроила сына в исторический кружок при Норильском университете. Естественно, все кружковцы поступали на истфак. Поступил и Малышев. Правда, быстро выяснилось, что и там он

не тянет: ТИПовский жаргон давался ему плохо, матметоды не понимал вообще. Зато у него была хорошая память, особенно на мелкие подробности. В модельной игре по раннему Средневековью, где он отыгрывал какого-то аристократа, то ли барона, то ли графа, Антон занял второе место по сумме баллов и первое за достоверность отыгрыша. Это и стало самым заметным его научным достижением.

На тех же модельных играх он познакомился с дочкой какого-то профессора, которая в него, естественно, влюбилась. Долго за ним бегала, и в конце концов он одарил её своим благосклонным вниманием. Причём, к большому удивлению девицы, в полном объёме.

Родителям девушки парень, в общем, понравился – во всяком случае, её папа взял Антона к себе на диплом.

Дальнейшая карьера Малышева рисовалась вполне отчётливо – ассистент при большом человеке в режиме «поди-принеси-организуй» и медленное восхождение по административной линии. В конце концов он осел бы на какой-нибудь контролирующей должности и всю оставшуюся жизнь сводил бы счёты с умниками, которые оказались талантливее его. Это не мой прогноз, а левинский, но я и тут с ним согласен. По жизни оно обычно так и бывает. Плавали – знаем, как выражается Славин в таких случаях.

Но тут у Антона неожиданно образовалась другая возможность заняться историей. Причём – именно историей Средневековья.

День 77

Слушал Пярта. Даже не знал, что есть такой Пярт. Кто он, какого века – не ведаю. Впечатлений тоже особо никаких. Не то чтобы совсем плохо, но как-то так, ни о чём. Колокола какие-то, звон в ушах от них. И никакого тебе катарсиса.

Да и пёс с ним, с Пяртом. Давайте про Институт Экспериментальной Истории.

Вот ведь как получается. Я всю жизнь считал, что ИЭИ был основан, когда нашли первые более-менее цивилизованные человеческие планеты. Нет, ну не то чтобы я специально интересовался, но это же вроде как очевидно. Левин знал больше. Оказывается, ИЭИ – это переименованный ИАИ, то есть Институт Альтернативной Истории. Который, в свою очередь, когда-то назывался Институтом США и Канады и был основан ещё до Полудня. Кажется, это был единственный институт, всё руководство которого выжило – так как двадцать пятого находилось в Норильске на какой-то научной конференции. То ли повезло, то ли чего-то ждали… Хотя, с другой стороны, когда случился Гудбай, половина сотрудников Института находилась на Аляске. Где и погибла. Вместе со своим предметом изучения.

Кстати об этом. Сейчас принята точка зрения, что Гудбай – это такая оттянутая обратка от Полудня. Случившаяся из-за смещения течений, пробудившегося вулканизма морского

дна и так далее. Которая выморила полпланеты, но через пару лет всё стало возвращаться к норме. А что капиталисты от этого перемёрли почти все целиком – так это им не повезло.

С точки зрения общественности, всюду подозревающей заговоры и тайные козни, всё это выглядит крайне сомнительно. Я тоже, конечно, подозревал. Пока не столкнулся с серьёзным геоклиматологом, которому и задал соответствующий вопрос. Дядька попался хороший, поэтому он не стал возить меня мордой по столу. Просто поржал. А потом сказал, что воздействие на климат такого масштаба и с такой степенью просчитанности невозможно даже сейчас. То есть возможно – при желании мы можем Землю, например, взорвать. Или высушить. Или заморозить. Или содрать с неё атмосферу. Это пожалуйста. Но – целиком всю планету. А вот спланировать Гудбай, чтобы он затронул только западное полушарие – это даже сейчас, с нашими вычислительными мощностями, было бы крайне рискованно. Ну разве что уставить всю планету климатизаторами. Каковых в те времена не было даже в проекте. Не говоря уже о тогдашней энерговооружённости. Так что мы, может, и хотели бы прибить американосов таким способом, но не могли. Мать-Природа виновата, а мы – нет. Вот как-то так свезло. Как в древности Японии вот тоже с Китаем свезло – китайцы поплыли Японию завоёвывать, да флот вторжения бурей потопило. Климат – сложная и непредсказуемая штука.

Ну да ладно. Важно тут что. После безвременной кончи-

ны США Институт не распустили, а переориентировали на изучение альтернативных вариантов исторического процесса. Разумеется, в рамках ТИП, это святое. Но с большими вольностями по теоретической части и с упором на моделирование. Собственно, это и сейчас так, только модели стали на три порядка сложнее. Ну а на каком жаргоне всё это излагается для публики, не суть важно. В крайнем случае всегда найдётся какой-нибудь Улитнер, который правильно оформит любые результаты. Ну а как добиться результатов – это уже другой вопрос.

Так вот о результатах. Наработки ИАИ стали актуальными, когда нашлись первые гуманоидные цивилизации. И стало понятно, что они не последние.

День 78

От нечего делать стал читать старый файл. А что, неплохо написано. Лишнего много, это да, но можно считать, что это авторский стиль. Жаль только, опечатки убрать не могу. Ну и подкорректировать кое-что.

Хотя, может, и не стоит корректировать. Это как посмотреть.

Вот написал я там в самом начале про Странников – что, дескать, общественность их боится, потому что они невообразимо круты и мы по сравнению с ними дикари. Ну да, это правда. Но не вся правда.

Положим, побаивались мы их всегда. С тех пор, как нашли пустотелые янтариновые спутники у четвёртой планеты ЕН-11 – которую довольно долго официально именовали Марсом, хотя в это никто не верил, звёзды-то другие… Это впечатлило: мы тогда такого не могли. Но была надежда, что когда-нибудь сможем, так что особого страха не случилось.

Страшнее стало, когда выяснилось, насколько же именно Странники обогнали нас в освоении Галактики. Одного только мусора, который они оставили, хватило бы на парочку цивилизаций, как наша.

И весь этот мусор древнее костей австралопитека. Тогда стало как-то нехорошо, потому что почувствовался масштаб. А от этого всегда неприятно.

Однако настоящий стремак начался, когда в космосе стали находить планеты с людьми. Такими же, как мы. Причём находятся они не абы как: заселённые планеты выстроены по линии. Кривой, но линии. Помеченной ещё и остатками сооружений Странников. Ну понятно, кто это сделал.

Говорят, есть около полусотни разных теорий, объясняющих, зачем Странникам понадобилось засевать космос людьми. Я имею в виду теории, а не просто идеи. То есть научно обоснованные, подтверждённые фактами, просчитанные на компьютерах и имеющие влиятельных сторонников в научном мире. Кроме этого, есть множество разных идей, время от времени волнующих общественность. Которая, как известно, разбирается во всём, особенно во внеземных негу-

маноидных сверхцивилизациях. Специалистов по внеземным цивилизациям среди общественности даже больше, чем по хоккею на траве. Потому что в хоккее нужно хотя бы правила знать. А про внеземные негуманоидные сверхцивилизации достаточно выучить фразу «ну как вы не понимаете, у них совершенно нечеловеческая логика». И дальше можно нести любую чушь. Даже с федеральных каналов.

Но пёс бы с ней, с общественностью. Есть два простых житейских соображения. Первое: Странники нас знают, и знают очень хорошо. И второе: им что-то от нас нужно. Что-то, о чём нам не говорят. А такое обычно бывает в каких случаях? Да уж понятно в каких. Потому-то мы Странников и боимся. Ведь так, Лена?

Одно хорошо: все эти вторичные цивилизации примитивнее нашей. В космос никто так толком и не вышел. Несмотря на все наши усилия, хе-хе-хе. Хотя почему хе-хе-хе? Ну, допустим, бывают всякие моменты. Но это касается цивилизаций относительно развитых. И к тому же: мы ведь действительно не хотим, чтобы с кем-нибудь ещё случился Полдень? Нет, не хотим. Он нигде и не случился. По крайней мере, в зоне нашей ответственности. Ядерные удары – да, глобальный факап – нет. Мы от этого всех, кого могли, уберегли. Из гуманизма, да. А также потому, что самостоятельно вывернуть на нашу историческую последовательность можно только такой ценой. Мнение сугубо неофициальное, но все мои знакомые историки его вообще-то разделяют.

Но это сейчас. А в то время, о котором я говорю, человеческих цивилизаций было найдено всего четыре. Или, может быть, пять, Левин точно не помнил, а я – так и вообще никогда не интересовался. Ну, в общем, не густо. Причём все они, кроме одной, находились на уровне пантийских дикарей. То есть верхнего неолита в лучшем случае. И только одна вытянула на уровень земного Средневековья.

Да, это я про Аврору.

День 79

Ничего нового. Хотя нет, новость была: случайно стёр из фонотеки Мендельсона. Хотел послушать и не на ту кнопочку нажал. Там кнопочки маленькие. Жалко, конечно. Теперь буду осторожнее.

Ладно, к теме. Про Антона Малышева.

Вообще-то попасть в ИАИ у Антона не было никаких шансов. С момента обнаружения первой планеты с людьми все разработки Института были полностью засекречены, а сам ИАИ перебазирован на Луну, а потом на ЕН-19 – там была землеподобная планетка без людей. Точнее, люди там когда-то были, но вымерли в какие-то доисторические времена, пёс знает почему. Там всё и разместили – подальше от Земли. В том числе и от земной исторической науки. Что касается исторической кафедры Норильского университета, то даже на тогдашнем общем фоне она имела репутацию ти-

хой заводи и оплота традиций. А точнее – места скучного и замшелого.

Однако вышло так, что Антон в ИАИ всё-таки попал – благодаря приёмному отцу. Который тоже вообще-то не должен был ничего знать, но узнал. Благодаря маленькой терминологической ошибке, связанной всё с той же Авророй.

С точки зрения тогдашней ТИП, главной загадкой планеты было несоответствие между достигнутым уровнем технологий и типом социальных отношений. Если конкретно – у жителей планеты уже были достаточно продвинутые технические средства. Но они то ли не использовались, то ли не давали эффекта. Особенно странно выглядела ситуация с транспортной связностью. Планета имела девять континентов, по сути – больших островов. Мореходное дело было поставлено неплохо: у туземцев имелся огромный опыт каботажного плавания и суда с гладкой обшивкой, напоминающие земные каракки. Уже был изобретён секстант. Тем не менее сообщение между континентами отсутствовало напрочь – никакого аналога земных «великих географических открытий» на Авроре не случилось.

Одно из объяснений, которые предложили теоретики Института – это роль ветров и океанских течений, которые препятствовали дальним плаваниям. Если Колумбу добраться до Америки помогали пассаты, а вернуться – Гольфстрим и западные ветры, то на Авроре природа, дескать, препятствовала отдалению от берегов.

Для того чтобы эту версию проверить, нужен был хороший океанограф, желательно не болтливый, а ещё лучше – имеющий отношение к секретным делам и имеющий соответствующие формальные обязательства. И какой-то дурак вспомнил про Званцева.

Почему дурак? Потому что Николай Евгеньевич был не океанографом, а океанологом. То есть занимался океанской жизнью, а не построением моделей течений и ветров, что в данном случае и требовалось. Но выяснилось это потом, когда со Званцевым уже связались и попробовали привлечь к сотрудничеству.

Николай Евгеньевич выслушал предложение, после чего объяснил, кто им на самом деле нужен, и дал рекомендацию. На чём, казалось бы, дело и кончилось.

А теперь только факты. Которые Левин аккуратно собрал и систематизировал.

Через два месяца после того, как Званцев узнал о существовании Авроры, его приёмный сын Антон Малышев неожиданно уходит из Норильского университета, не защитив диплом. И уезжает в Новоалтайск, где поступает в маленький и довольно закрытый Институт средневековой культуры. Несмотря на посредственные знания, особенно по части точных наук, его туда принимают, причём сразу на третий курс.

Антон ведёт замкнутый образ жизни, посвящая всё время учёбе и спорту, особое внимание уделяя акробатике и фехто-

ванию. Однажды его чуть было не исключили из фехтовальной секции – он явился на бой пьяным и чуть было не нанёс противнику серьёзную рану. Однако скандал почему-то замяли, так что Малышев отделался небольшим перерывом в занятиях.

Окончив институт и получив диплом, Антон отказывается от аспирантуры и посвящает себя спорту и самостоятельным штудиям. В частности, он едет в Упсалу, где слушает полугодовой курс по средневековому этикету и интенсивно занимается мечным и шпажным боем. Здесь Антон делает большие успехи и даже хорошо выступает на Европейском турнире. Тогда же выходит в свет его статья о сравнительных преимуществах лезвий с разной формой и глубиной дола. Научной ценности этот текст не имеет, зато вызывает большой интерес среди поклонников холодного оружия. Сохранились свидетельства, что он довольно часто виделся с отчимом, который несколько раз специально приезжал в Швецию, чтобы проведать пасынка.

Впрочем, Николай Евгеньевич вообще очень переменился. Нелюдимый старик вдруг начал мелькать на самых разных мероприятиях. Создавалось впечатление, что человек то ли восстанавливает старые связи, то ли ищет контакты. Делал он это систематически и целеустремлённо. Он даже приехал на очередной юбилей покойного академика Окада, чего раньше никогда не делал. Там он произнёс прочувствованную речь. Во всяком случае, в памяти Левина она была мар-

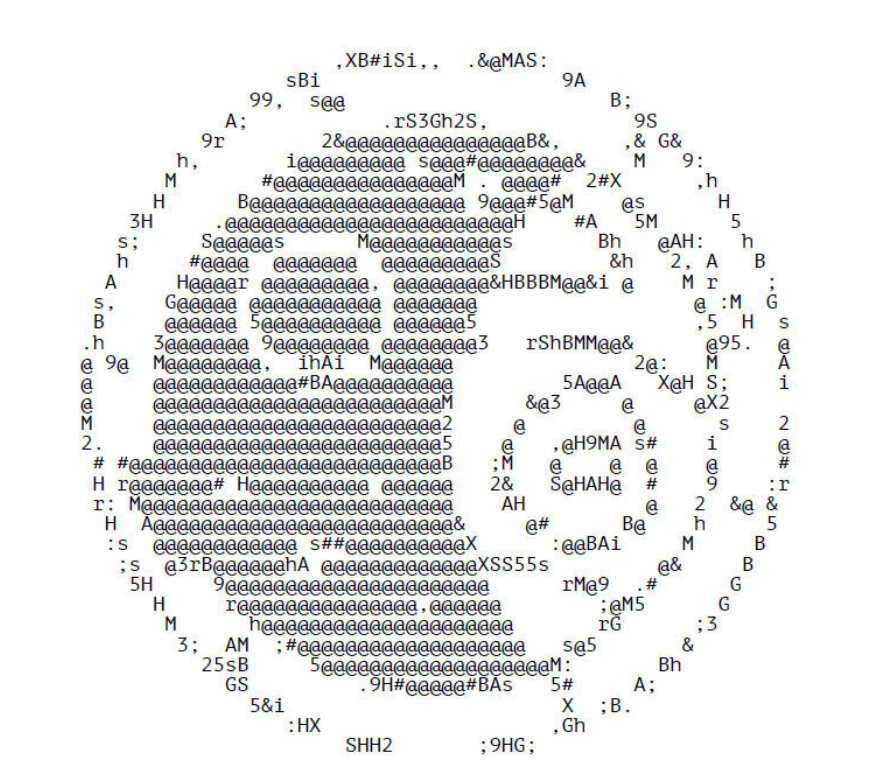
кирована как прочувствованная – что он конкретно говорил, Борис то ли не запомнил, то ли не стал нагружать меня. А вот тот факт, что на той встрече присутствовал замдиректора ИАИ, он отметил.

Через полгода после юбилея Антон Константинович Малышев получил приглашение на закрытый семинар в ИАИ, посвящённый проблеме перехода от Средневековья к Возрождению. А ещё через год вступил в Группу Наблюдателей.

День 80

Кажется, у меня с головой что-то не то. Не фатально, но всё-таки.

Короче. Сегодня я проснулся, посмотрел в иллюминатор на звезду класса G, потом полюбовался на планету типа Юпитера, попил кофе из автомата и собирался было съесть шоколадку, как вдруг вспомнил, что кофе кончился чуть не месяц назад, кофейный автомат я раскурочил, а шоколад я уже забыл, когда видел.



Вспомнил всё это – и проснулся. Почему-то было темно, только звезда в иллюминаторе светила. Направился было в хозблок умыться – и сообразил, что никакой звезды я видеть не могу, потому что иллюминатор заклеен. А если бы и видел – она бы не висела неподвижно, а выделывала бы антраша, потому что станция кувыркается.

И только после этого, наконец, я по-настоящему очухался. Хотя сначала сомневался. Но вроде никаких неожиданностей больше не было. Кроме одной: привкуса кофе во рту. Слабенький такой привкус, но неотвязный. Понятно, что это от нервов, а всё-таки как-то беспокоит. Я даже рот полоскал. Не помогло, конечно. Потом само как-то прошло.

Н-да. Нехорошо всё это. Тревожно. Хотя чего я ждал? Я тут сижу взаперти почти восемьдесят дней. За восемьдесят дней взаперти рехнуться можно, даже если во дворце сидеть и ни в чём себе не отказывать. А у меня тут биологическая смесь и вода из очистки. Так что я ещё нормально держусь. Но всё-таки неприятно.

Надо отвлечься чем-нибудь. Ну ладно, не чем-нибудь. Писаниной. Нету других занятий у меня, нету.

Что там думало руководство Института, нам точно неизвестно. А что нам известно точно – так это то, как это всё видел сам Антон. Известно это Левину стало от Сноубриджа, который с ним работал. В том числе и с его воспоминаниями.

Так вот. Антон был, в сущности говоря, неплохим парнем. И родителей любил, даром что они на него не обращали особого внимания. Честно пытался заработать одобрение мамы и папы. Видел, что не справляется. Плюс всякие другие внутренние проблемы, которые он изо всех сил загонял в подсознание. В общем, в какой-то момент он махнул на себя рукой. И стал жить по остаточному принципу.

В наше время все эти негативные тенденции отследили

бы на ранней стадии. И скорректировали бы. Но это сейчас. А тогда с этим было сложнее, скажем так. Чего-то не знали, чего-то не умели, к чему-то не так относились. Углубляться не буду. Лучше про историю.

Исторической наукой Малышев интересовался не больше, чем математикой. Ну плохо у него было с науками, никак они в него не лезли. Его влекло конкретно Средневековье – как антураж, что ли. Интерес был скорее эскапистским: парень в какой-то момент решил, что именно в эту эпоху такие, как он, были нужны и востребованы. Поскольку нужность и востребованность у него были больной темой, тут его слегка переклинило. Не то чтобы до сноса крыши. То есть не до такой степени, чтобы тратить время, разъезжая по старинным замкам. Или учиться вручную ковать мечи. Но эпоха его влекла, это уж точно.

Да, кстати. Кроме Средних веков, была у него ещё одна страстишка, совсем смешная – беллетристика. Графоманом он, опять же, не был, но время от времени пытался что-то писать. В основном всё про то же самое Средневековье. Правда, таланта к этому делу у него было примерно как у меня. А то и меньше. Чтобы это как-то компенсировать, он пользовался литпрограммами, а это блокировало ему выход на литконкурсы. Одно сочинение он, правда, попытался сделать чисто руками – романчик про путешественника во времени, которого случайно занесло в европейский XIV век. Первую часть своего опуса он даже выставил на какой-то фанатский

конкурс, но её отфильтровал компьютер – из-за того, что в БВИ нашлось около восьми тысяч произведений с полностью аналогичным сюжетом… Больше он за это дело не брался.

По поводу спорта. Это единственное, что у Антона получалось. Тело было, что называется, талантливое. Если бы он пошёл по этой части, то, может, чего и добился бы. Но вот беда: дрыгоножество и рукомашество его не заводило. Да, в зал он ходил – подкачаться, отточить движения, потом полюбоваться собой в зеркале. Но всерьёз заниматься тренировками и идти на рекорды – нет, это его не привлекало.

В Норильском универе Малышеву было сначала скучно, потом тоскливо, а на пятом курсе он уже волком выл. Дочка профессорская его тоже не радовала. Спутался он с ней, чтобы себе доказать, что он мужчина. Ничем хорошим такие доказательства, понятное дело, не заканчиваются – и девушку бы сделал несчастной, и себя. В общем, у парня был тяжёлый кризис.

Вот тут-то к нему и заявился отчим. Которого Антон не видел годами, но очень уважал. Хотя бы потому, что мама – с которой он общался больше – хорошо потрудилась над созданием героического образа Званцева. Благо вечно отсутствующий кумир этому практически не мешал.

На сей раз отчим удостоил пасынка долгим, продолжительным общением, закончившимся серьёзным разговором о жизни и призвании. По ходу которого довёл пасынка до слёз. И прочувствованной речи о собственной никчёмности,

которую пасынок закончил словами: «Мне надо было родиться в пятнадцатом веке, а сейчас я никому не нужен».

И тогда отчим рассказал ему про гуманоидные цивилизации и планету Аврора, на которой царит что-то вроде земного пятнадцатого века. А также про Институт и Группу Наблюдателей.

Рассказывал он об этом минут десять. За эти десять минут жизнь Антона Малышева приобрела цель и смысл.

День 81

Всё-таки поспал. И опять какие-то странные сны. Например, снилось, что я сижу в какой-то беседке и курю сигару из мороженого. Дым от неё был прохладный и сладкий, ну вот буквально со вкусом мороженого… даже не знаю, как описать. Потом снился кофе – не из автомата, а крепкий, горький. С корицей и апельсиновой корочкой. Проснулся – пахнет кофе. Прямо вот чувствую – пахнет. Кофе. Кажется, даже с корицей. Встал, посмотрел: может, что случилось, протечка какая-то или ещё что. Нет, вроде всё нормально.

Потом снова заснул, тоже снилось всякое разное. Даже в молодости не припомню, чтобы во сне что-то такое было – а тут вдруг сейчас. Как-то стыдновато. Зато когда проснулся – всё как обычно. Вроде бы. Скажем так – хотелось бы надеяться.

Снова начал переслушивать Баха. Опять к нему изменил

отношение. Да, музыка великая, но есть в ней что-то такое, нечеловеческое, что ли. Не холодное, как у Генделя, а в другом каком-то смысле. Не знаю, как объяснить. И надо ли.

Лучше вернёмся к Антону.

Итак, он узнал про Арканар. То есть про живое, реальное Средневековье. Где люди воюют, дерутся на дуэлях, интригуют, предают, подкупают, строят козни соперникам и вообще ни в чём себе не отказывают. И в этой жизни – тяжёлой, опасной, но захватывающе интересной – можно принять непосредственное участие. Не абы зачем, а ради высокой цели: помочь отстающей цивилизации выйти из глухой тьмы и запустить прогресс. Что делает морально оправданным очень многое.

Правда, чтобы попасть в этот дивный мир, нужно учиться. Но учиться придётся вещам приятным и интересным, а главное – именно тем, которые ему, Антону, даются относительно легко. Во всяком случае, никакой зубодробительной математикой заниматься не придётся, анализом исторических тенденций тоже. К тому же добрый – точнее, внезапно подобревший, но Антон тогда об этом не задумывался – отчим поможет чем может. И советом, и знакомством, и протекцией. В общем, в его жизни появилась перспектива, и теперь всё зависит только от него самого.

Сказать, что Антон был воодушевлён – значит ничего не сказать. Он едва поверил свалившемуся на него счастью. А когда поверил – рванул с места галопом.

Институт он, естественно, бросил, хотя Званцев советовал ему хотя бы получить диплом. Пасынок на это ответил, что не хочет терять времени, заодно и объяснил, что собирается смыться от профессорской дочки. Николай Евгеньевич сына понял, навёл справки и предложил ему попытать счастья в Новоалтайске – предупредив, правда, что экзамены там достаточно сложные и в текущем году он вряд ли поступит. Пасынок заявил, что как-нибудь справится. Следующие четыре месяца он прожил на кофе и спорамине, вбивая в себя знания. И успешно поступил в Институт средневековой культуры, обойдя конкурентов по сумме баллов. Несмотря на вполне ожидаемую тройку по математике.

Впрочем, других встреч с этой малоприятной наукой у Антона не случилось. Потому что сразу после поступления его перевели на третий курс – зачли обучение в Норильском универе, причём без его просьбы, сами. Малышев, разумеется, понял, что без родительской помощи тут не обошлось, но значения этому не придал. Он знал свою цель, а математику, физику и всё такое прочее считал потерей времени.

Зато спорт потерей времени быть перестал. Малышев вовсю занялся дисциплинами, приличествующими средневековому дворянину – фехтованием, кулачным боем и прочим в том же духе. Единственно, на что он отвлёкся – так это на краткий курс пилотирования космической техникой и получения пилотского свидетельства. Для чего ему даже пришлось сходить в несколько рейсов пилотом-сменщиком.

Сходил удачно, к обязанностям отнёсся серьёзно, так что свидетельство ему выписали без проволочек и с хорошим сопроводительным листом.

Судя по всему, Антон ожидал приглашения в Группу сразу после окончания Института. Этого не случилось – пёс его знает почему. Вместо этого Званцев отправил его в Упсалу и посоветовал больше внимания уделить физическому развитию. Пасынок внял, поехал в Упсалу и там занимался шпажным боем и средневековыми обычаями. На Европейском турнире он взял третье место по эстоку и первое – по рапирному бою с дагой. Результат более чем достойный.

Когда же его наконец пригласили на мероприятие в ИАИ, он был на седьмом небе.

День 82

Кофе сегодня пил без всякого удовольствия. Нет, я помню, что никакого кофе нет. Но для того чтобы пить кофе, необязательно, чтобы он был. Можно выпить кофе, которого нет, просто это не особо приятно. Ни вкуса, ни запаха.

Шучу, шучу. Всё со мной в порядке. Кофе нет, иллюминатор заклеен, все концы сведены с концами, так? Вы уж там не беспокойтесь. Но и за дурака-то меня тоже держать не надо. Думаете, я не понимаю? Да всё я уже давно понял.

Ладно-ладно, не будем портить вашу работу. Вам ведь текст нужен? Пожалуйста, вот ещё кусочек.

В ИАИ Антону понравилось. Прежде всего – атмосфера. Наукой, как её привык воспринимать Малышев, там и не пахло. То есть нет, не так. Учёных там было больше, чем в десяти Норильсках. Но они там были на вторых ролях, то есть на правах интеллектуальной обслуги. В центре всего была Группа Наблюдателей и её штаб. Который, находясь на прямой связи со всеми членами Группы, планировал и контролировал внедрения-продвижения, собирал и анализировал информацию, просчитывал последствия тех или иных действий или отсутствия таковых и так далее. Причём уже всем было понятно, что готовится нечто значительное, вот только никто не знал, что именно.

Тут мне придётся заткнуть дырку в рассказе собственными соображениями. Потому что ни Антон, ни Сноубридж, ни Левин не понимали административной логики. А вот я её как раз понимаю. Если бы мне дали порыться в тех документах, которые были у Левина, я бы точно всё расковырял. А так придётся ограничиться догадками. Если наговорю глупостей – уж извините. К тому же я, наверное, несколько не в том состоянии, чтобы радовать гениальными прозрениями. Хотя – кто знает… Может быть и наоборот. Может, в таких случаях особая мудрость пробуждается? Что скажете?

В общем, вот какие у меня мысли на этот счёт.

Когда нашли первые гуманоидные цивилизации, то никто не понимал, что с ними делать дальше. В ИАИ, я так думаю, меньше всего. Они тогда занимались именно что альтерна-

тивными вариантами развития земной цивилизации, то есть чистой теорией. Не от хорошей жизни, конечно. Просто после Гудбая никаких реальных исторических альтернатив не осталось, а закрывать учреждение было не с руки – люди там были ну очень уважаемые. Но прошло время, и вопрос мог встать остро: лавочку рано или поздно кто-нибудь схарчил бы. Так что гуманоиды были последним шансом Института, и он за него уцепился, застолбив, так сказать, тему.

При этом в затылок Институту дышали очень серьёзные конторы. Не могли не дышать. Например, К0МК0Н-1, в смысле «Комиссия по контактам с иными цивилизациями». Есть такая контора, к нам отношения не имеющая. Сейчас это просто филиал ДГБ, но в те времена она наверняка претендовала на большее. Вряд ли она не попыталась бы наложить на гуманоидов свою лапу. С другой стороны, гуманоидными цивилизациями наверняка заинтересовалась служба безопасности Космофлота, то бишь военная разведка. Эти постоянно суются во все щели, потому что хотят вырасти в «третью силу» рядом с КОМКОНом и ДГБ. Не сомневаюсь, что они и раньше действовали в том же духе. Было несколько контор помельче, сейчас уже расформированных или поглощённых другими, но тогда ещё трепыхавшихся. Плюс общественность, которая, как только сведения о гуманоидах просочились в её нестройные ряды, подняла по этому поводу страшный кипеш.

Тем не менее ИАИ со своим проектом Группы Наблюда-

телей успел раньше всех. И только успев и застолбив за собой поляну, начал чесать потылицу на тему того, а что, собственно, делать-то.

Обычно, когда начинается какое-то новое дело, администраторов, за него отвечающих, волнуют два момента. Первый – как бы чего не вышло, как бы не случилось какого-нибудь безобразия. Второй – нужен какой-то результат. Если дело совсем новое, то оба эти параметра предельно неконкретны. То есть, с одной стороны, не совсем понятно, что считать безобразием. С другой – ещё менее понятно, что считать результатом. И то и другое нащупывается методом проб и ошибок. Причём сначала думают о первом, а потом о втором. Что вполне естественно.

Когда ИАИ только начал действовать на Авроре, всех волновало, кабы чего не вышло. Поэтому перед первыми членами Группы Наблюдателей была поставлена следующая задача: собирать любые сведения, при этом постаравшись не дать себя убить и ни в коем случае ни во что не втягиваться. А там видно будет.

Поэтому первый состав Группы был сформирован из людей максимально осторожных и ответственных. Которые приняли требование «только наблюдать» всерьёз. Прибыв на Аврору и легализовавшись, они и принялись за наблюдения. Честно живя местной жизнью, всячески сливаясь с фоном, не отсвечивая и так далее.

Результаты их наблюдений оказались, как и следовало

ожидать, скучными и банальными. Инопланетное средневековое общество было ровно таким, каким оно и должно было быть: голодным, холодным, грязным и унылым. Конечно, это тоже ценный научный результат. То есть мы узнали, что наши представления о Средневековье в целом верны. Но это был не совсем тот результат, ради подтверждения которого можно было и дальше тратить сотни тысяч человеко-часов.

И вот тогда кому-то из умных институтских голов пришла идейка – попробовать поторопить на Авроре прогресс. Например, ускоренными темпами перейти от Средневековья к Возрождению. Интересно, правда, а была ли там какая-нибудь Античность, которую можно было возрождать? Насколько я понимаю – нет. Но институтских умников такие мелочи не волновали. Так или иначе, у Института появилась какая-то более-менее осмысленная цель.

Сообщили ли институтские о своих планах наверх? Как потом выяснилось, нет. Ну просто потому, что эксперимент мог и провалиться, а то и дать обратный эффект. Любой грамотный администратор такую возможность имеет в виду и готовится к ней заранее. В этом случае ситуация либо скрывается от вышестоящего начальства, либо объясняется внешними причинами (дескать, мы ни при чём, это ветром надуло), либо же ответственность за факап перекладывается на исполнителей. В данном случае все три возможности были учтены и включены заранее. И если бы не пресловутый мемуар Антона, это сработало бы.

Как всё это готовилось технически.

Старый состав Группы Наблюдателей оставили на своих местах, инструкций не меняли: жить среди аборигенов, фиксировать происходящее, самим ничего не делать и никуда не лезть. Любая целенаправленная деятельность по изменению ситуации строго возбранялась.

Однако все реальные формы оперативного контроля деятельности членов Группы тихонечко свернули. Даже со стороны непосредственного руководства: за ним фактически оставили только право на экстренную эвакуацию агента в исключительных обстоятельствах. Что означало негласное поощрение к экспериментам: «Действуйте, но на свой страх и риск».

А чтобы желающие рисковать нашлись, Группу расширили. В новый состав набрали около пятидесяти человек, в основном молодняк, осторожничаньем и нерешительностью не страдавший. По ходу подготовки ребят индоктринировали, вкручивая им в мозги острое желание помочь несчастным аборигенам, стенающим под гнётом темноты и невежества. А также и то, каким образом им можно помочь.

Ну конечно, им ничего не говорилось прямо. Просто в ходе подготовки им давали информацию, из которой следовали именно такие выводы. Новые члены Группы всё это обсуждали между собой, и у них рождались мысли, которые они принимали за свои. Возможно, процесс корректировался парой-тройкой агентов начальства, внедрённых в Группу

именно для того, чтобы вовремя помешивать варящуюся в мозгах кашу, забрасывать нужные идеи и отфильтровывать ненужные. Доказать не могу, но сам бы я сделал именно так.

Хотя всё это уже лирика. А я про конкретику.

Насколько понял Левин, этим вопросом занимавшийся специально, молодому пополнению сначала вкручивали в головы довольно простую идею: нужно распространить среди аборигенов прогресс, для чего внедрить среди них всякие полезные технические приспособления, а также дать им кое-какие научные знания. В общем-то, это было технически осуществимо и не так уж сложно. Однако потом концепция изменилась. Кто-то из институтских теоретиков вовремя сообразил, что без развитых научных институтов и собственной науки никакие отдельные открытия и изобретения ничего у аборигенов не изменят. Так как Возрождение было замечательно не столько какими-то великими прорывами в знаниях – те пришлись на Новое время, – сколько резким повышением престижа науки и культуры как таковых. А также и людей, их создававших. С чем на Авроре были, мягко говоря, сложности.

Соответственно переориентировали и готовящийся к миссии молодняк. Идею распространения земных знаний высмеяли и осудили. Зато стали всячески нажимать на необходимость поддержки местной интеллигенции. Которая только и спасёт местный социум, стенающий под гнётом всеобщего невежества.

Антон во всех этих разговорах и обсуждениях принимал самое горячее участие и довольно быстро стал одним из лидеров мнений. Да и вообще лидеров. В Группе он буквально расцвёл. Просто потому, что перестал наконец чувствовать себя дураком и недотёпой, а ощутил себя находящимся на острие прогресса. Он попал в самую лучшую команду, которая вот прямо сейчас покажет беззубому старичью, что такое настоящее историческое творчество. Естественно, его переполнял энтузиазм.

А энтузиазм был нужен, просто-таки даже необходим. Подготовка шла в интенсивном режиме. В смысле – ребят гоняли на пределе сил, стараясь в кратчайшие сроки запихнуть в них максимум знаний и умений.

Откуда такая спешка? Во-первых, потому что начальство торопилось. Во-вторых, интенсив снижает критичность восприятия. То есть ребятам оставляли время и силы обсудить то, что они слышали. Но не столько, чтобы они всерьёз задумались, а так ли уж оно верно. Но, опять-таки, это мои домыслы. Хотя, скорее всего, я прав, потому что никаких других целей интенсивная муштра не имеет и иметь не может.

Причём Малышеву было ещё не так тяжело. Например, у него была фора по части физического развития и всяких специфических умений типа фехтования на мечах. Начальство это заметило и предложило ему несколько факультативных предметов. Он выбрал краткий курс разведчика-следопыта и введение в литературоведение. Оба курса он закончил с

отличием.

Единственное, что омрачило его счастье – плохие вести из дому. За две недели до отправки на Аврору Антону позвонила мама. И сухо сообщила, что Николай Евгеньевич Званцев ушёл в очередную экспедицию по исследованию глубоководной фауны Японского моря и не вернулся. Поиски велись долго и основательно, но ничего не дали: знаменитый океанолог пропал без вести.

День 83

Отличный день, солнышко светит, птички поют. Встал, позавтракал двумя апельсинами и бокалом розового вина. Ах да, ещё был кусочек пармезана. Потом позвонил одной знакомой девушке, хочу сходить в театр. Сто лет не был в театре.

Да успокойтесь вы, не дёргайтесь. Нет у меня никаких галлюцинаций. Ну совсем чуть-чуть, конечно, есть. Я так понимаю, ваши микрощупы ползают по моей коре не совсем аккуратно, что-то там задевают. Отсюда – то запах лишний, то вкус.

А вот интересно, вы можете мне навести нормальный качественный глюк? Такой, чтобы мне от него хорошо стало? Ну хотя бы – солнышко и птички? Или мне в моём положении такое не полагается? А как вы эту станцию вокруг меня нарисовали? Или это я типа сам себе такое напридумывал?

Или это у вас такой стандарт? Вы бы хоть намекнули, что ли. Свистнули там. Или ещё как-нибудь.

Кстати, а куда вы дели гермокомбез космический модели ГККб1 Л-4? Забыли нарисовать? А то я его вроде при себе держал, а он куда-то подевался. Непорядок, вы не находите? Дурите дядю Яшу – так дурите хотя бы качественно.

Что, ещё кусочек той самой истории? Да пожалуйста. Я так понимаю, пока вы всё из меня не вытянете – не отстанете. Но зачем вам именно словесные показания? Вы ведь имеете прямой доступ к моей памяти? Хотя, может, у вас инструкция такая, для отчётности нужно? Ну тогда ясно. Отчётность – дело святое.

Хотя лучше бы просто просмотрели левинское СНВ, оно у меня в голове так и болтается. Там и с фактами, и с эмоциями, и со всеми потрошками. Не хотите? Ну ладно. Тогда записывайте.

Исчезновение Званцева не то чтобы сильно подкосило Антона. Наоборот, он ещё сильнее навалился на подготовку. Это все поняли правильно: человек работой горе глушит. Ну и молодец, работа вообще всё лечит.

Никто не удивился и тому, что за неделю до старта Малышев пришёл к начальству с просьбой назначить его вторым пилотом корабля доставки. В качестве причин он сослался на наличие лётного свидетельства, а также на психологическую необходимость иметь постоянное занятие во время полёта.

Тут есть один технический момент. К тому времени бондепадхаевский привод считался архаикой. Велись работы по нейтринной деритринитации, которую довели до ума и выпустили в двадцать третьем, что ли, году. Но в десятые годы была доступна только гравитационка. В общем-то не самая плохая технология: удобная и экономичная, на рейсовых трассах она использовалась до самого появления нуль-Т. Но у неё есть минус: для корректного финиша в заданной окрестности пространства нужен маяк. Возле Авроры маяка не было. В то время сам факт существования гуманоидных цивилизаций держали в секрете. Координаты соответствующих планетных систем знали только те, кому положено. Ну и, естественно, никаких маяков, станций сверхсветовой связи и прочих демаскирующих моментов. Поэтому летать до Авроры надо было сначала до ближайшего маяка, а потом – на бондепадхае с последующей досветовой корректировкой. Занимал весь этот гимор три-четыре месяца и требовал – особенно на последней стадии – квалифицированной работы пилотов. Так что смотаться на Землю по-быстрому, как сейчас, агент не мог. Заброшенный на планету, он сидел там безвылазно как минимум года три. А зубры из старой Группы вообще торчали там по десять-пятнадцать лет и Землю видели только во сне. Что, конечно, способствовало вживанию в образ, но сильно снижало адекватность… Хотя и это тоже лирика. В данном случае важно то, что полёт был делом долгим, муторным, а заняться на борту – кроме перечи-

тывания конспектов – было решительно нечем. Так что начальство отнеслось к просьбе молодого человека, только что потерявшего любимого отчима, с пониманием. Чем он будет сидеть целыми днями на койке и неизвестно до чего досидится – пусть лучше займётся чем-нибудь полезным.

Антон повёл себя предсказуемо. То есть дневал за пультом, ночевал в пилотской каюте. Взял на себя наиболее нудные и никем не любимые обязанности, вроде профилактических обходов или контроля систем обеспечения жизнедеятельности, – чем очень расположил к себе команду. В свободное время совершенствовался в литературном арканарском – например, перевёл на русский апокрифическое арканарское сочинение о преступнике и колдуне доне Юсме, а «Гамлета» изящно переложил пятисложными арканарскими полустишиями.

Кстати об этом. Сначала новичков Группы готовили в четыре разных региона. Но по ходу дела было решено сконцентрировать усилия. Всех забросили в королевство Арканар, находящееся на севере восьмого континента Авроры.

Выбор был обусловлен рядом соображений. Если совсем коротко – аналитики Института признали Арканар самым развитым из крупных государств, имеющих хоть какие-то шансы на долгую историческую жизнь.

Если же не коротко, то дела обстояли следующим образом.

На планете было девять континентов разной величины.

Сообщение между ними отсутствовало. Причиной тому, как выяснилось, были не течения, а вирусы и микробы. В отличие от Земли, где основным источником всех болезней была Европа, а из Америки привезли только парочку неприятных вензаболеваний, на Авроре вся гадость была распределена более-менее равномерно между девятью континентами. На каждом из которых сформировался свой уникальный набор болячек. Все попытки установить межконтинентальные контакты чаще всего заканчивались гибелью пришельцев от местных болезней, к которым у них не было иммунитета, а также эпидемией среди аборигенов от болезней импортированных. Что достаточно скоро научило всех простой мысли: за море соваться нельзя, а пришельцев нужно убивать. С точки зрения выживания это было правильно, хотя и очень препятствовало взаимодействию культур. В результате подобной изоляции на первом континенте не было сельскохозяйственных злаков, а на третьем и шестом – крупного рогатого скота. Поэтому на первом жила горстка охотников и собирателей, на третьем и шестом царил племенной строй и рабовладение. На остальных дела обстояли несколько лучше, но не так чтобы очень. В общем-то это был уровень земной средневековой Африки. А немногие очаги цивилизации представляли собой тупиковые ветви исторического развития.

Более или менее близкий к земному набор животных и растений имелся только на восьмом континенте. Что и обу-

словило его относительную прогрессивность.

Но и на восьмом всё было не очень-то весело.

Арканар – то есть город с одноимённым названием и прилегающие к нему местности – занимал центральную часть так называемого Запроливья. Каковое представляло собой огромный остров на севере континента, отделённый от основного массива суши относительно узкой водной преградой.

Формально Арканар считался провинцией Эсторской империи, полтысячелетия назад объединившей континент. Когда-то это был центр цивилизации, осчастлививший свой мир такими продвинутыми технологиями, как ирригация, письменность, кораблестроение, арифметика и примитивная алгебра. Эсторцы даже додумались до десятичной системы счисления и понятия нуля, что позволило создать позиционную запись чисел. Не очень удобную, но на фоне прочих туземных разработок это было, конечно, круто.

Но с того времени много воды утекло. Власть эсторских императоров уже пару веков была довольно условной, чтобы не сказать номинальной. Причиной тому было не военное поражение, проблемы с династией или ещё какой-нибудь человеческий фактор. А исключительно природа, мать её. Конкретно – очередной микроледниковый период, который накрыл Аврору лет за двести до начала событий. Что повлекло за собой ряд изменений климата, в частности – превращение экваториального континента в засушливую полу-

пустыню. Особенно скверно было то, что катастрофически обмелели две реки, служившие не только источником влаги, но и транспортными артериями. Дело довершили эпидемии. Население Эсторской империи сократилось раз в десять, а древняя столица эсторских королей превратилась в мёртвый город. Правящая династия не прервалась и даже пыталась как-то управлять немногими оставшимися плодородными землями. Но на все былые территориальные приобретения пришлось махнуть рукой.

Примерно то же самое произошло и с эсторской культурой. Вот уже два века как Эстор перестал быть источником инноваций. При этом претензии на культурное лидерство остались. Более того, чем больше нищала аристократия и чем ниже был её реальный образовательный уровень, тем больше надменности она демонстрировала по самым пустяковым поводам. Образованные аристократы щеголяли знанием древней поэзии и умением говорить с особым аристократическим акцентом. Который состоял в проглатывании половины звуков. Нижние слои тянулись за верхними, так что эсторское письмо давно перестало соответствовать реальному звучанию слов. Это делало обучение грамоте крайне затруднительным делом, особенно для всяких там варваров. Эсторцы чрезвычайно этим гордились. Образованные люди похвалялись тем, что не читают сочинений менее чем двухсотлетней давности, и употребляли в речи только те слова, которые встречаются в сочинениях древних авто-

ров… Впрочем, некоторые области культуры всё же совершенствовались. Например, этикет, становившийся всё более утонченным и дающий всё больше поводов для конфликтов. Или – искусство изощрённых пыток и наказаний (именно эсторцы изобрели «квалифицированную казнь»). Эсторцам не было также равных в искусстве придворной интриги, в утончённой клевете и вообще в области причинения вреда ближнему всеми возможными способами. Придворное же общество и вовсе представляло собой клубок шипящих змей, неспособных ни к какой конструктивной деятельности на общее благо. Как с горечью написал один из последних эсторских писателей, бывший дон, а потом орденский брат Хава из Нагилы, «эсторский дворянин состоит из коварства, жадности и спеси». Практика подтвердила это.

Земные наблюдатели пришли примерно к тем же выводам. Один из них в своей записке мрачно констатировал: «Эсторская цивилизация непримиримо враждебна техническому, культурному и нравственному прогрессу». Примерно тот же приговор вынесли и институтские историки. Общее мнение, сложившееся в ИЭИ, можно резюмировать так: «Тут ловить нечего».

Иная ситуация сложилась в Запроливье.

От климатических перемен оно пострадало существенно меньше, чем исконные имперские земли. А если совсем честно, то даже выиграло: климат смягчился, урожайность почв повысилась. Произошло это, по историческим меркам,

довольно быстро – и привело к относительному повышению хозяйственной автономии отдельных частей острова. На территории которого образовались аж три крупных государства, не считая мелких полунезависимых феодальных владений. А именно – собственно Арканар, республика Соан и герцогство Ируканское. Четвёртой была варварская страна с непроизносимым названием, находящаяся за Красным Хребтом, рассекающим остров надвое. Пятым игроком в четвёрке был Святой Орден, который, несмотря на скромные размеры, представлял собой вполне самостоятельное явление.

Но сначала об Ирукане и Соане.

Какой-то земной историк, знакомый с сочинениями брата Хавы, бросил замечание (неоднократно цитируемое во внутриинститутской переписке), что пресловутые три свойства эсторца в Запроливье каким-то образом разделились. А именно: в республике Соан всем правила жадность, а в Ирукане – спесь. По поводу Арканара он высказался не так категорично, но в первых двух случаях он попал в точку.

Республика Соан была довольно любопытным образованием. Возникла она как плод странного союза между аристократией и купечеством против суверена, великого герцога Соанского. Герцога свергли, семью вырезали, но о новом суверене договориться не смогли. В результате власть перешла к Конференции двенадцати негоциантов, объединяющей богатейших и наиболее уважаемых людей республики. Входным билетом во власть служил размер оборотного капита-

ла, так что соанский строй можно было с полным правом назвать монетократией. Аристократические титулы не отменили, но сделали предметом купли-продажи: например, титул соанского барона стоил около трёх пудов золота. Всё остальное в Соане тоже продавалось, вопрос был только в цене. Соанцы вообще очень любили деньги – о чём свидетельствует, в частности, прискорбная юность Араты-Красавчика.

Впрочем, про Арату как-нибудь потом. А что касается культуры, то по этому параметру Соан в Запроливье уверенно лидировал. Две трети населения были грамотными, имелись хорошие музеи и библиотеки, было даже что-то вроде местной Академии наук. Что для местной системы образования было явлением, можно сказать, уникальным.

Кроме того, у Соана были свои ноу-хау. Соанские финансисты владели двойной бухгалтерией, умели пользоваться приходно-расходными книгами и знали, что такое сложный процент. Остальным приходилось, кряхтя, подтягиваться.

Однако независимость республики держалась на такой шаткой опоре, как наёмная армия. А экономическое благополучие – на торговле с метрополией (постепенно хиреющей: старый континент умирал, медленно, но неотвратимо), а также на неразвитости дорожной сети на полуострове, когда товар было удобнее везти на соанских судах, чем по разбитой и небезопасной дороге. Однако арканарцы систематически вкладывались в дорожную сеть и собственный флот. Будущее Соана было предрешено: в какой-то момент рес-

публике стало бы нечем платить, чтобы поддерживать даже относительный военный паритет с соседом. Соанские богатеи, которым принадлежала власть в республике, это понимали. И всячески изворачивались, оттягивая неизбежный конец. То есть – интриговали, подкупали, шпионили, стравливали Ирукан и Арканар (очень успешно) и так далее. Но в конечном итоге крах Соана был делом времени.

Другой сосед Арканара, герцогство Ируканское, было основано неглупым и просвещённым правителем. Отличалось оно относительным миролюбием и определённой терпимостью. Но эти хорошие качества с лихвой уравновешивались совершенно безумной любовью ируканских герцогов к пышности и самовозвеличиванию. Большая часть доходов тратилась на поддержание необычайно роскошной придворной жизни, состоявшей из турниров, балов, разного рода игрищ, поединков чести – обставлявшихся столь же пышно и красочно – и тому подобного. Армия была невелика, зато блистала доспехами, знамёнами, дорогим оружием и длинными почётными титулами её предводителей. Впрочем, сражались ируканцы хорошо – поскольку считали ниже своего достоинства отступать. К тому же герцог был готов умеренно покровительствовать техническому прогрессу, если тот мог быть полезен для его забав. Например, он содержал бежавшего из Соана (от долгов) Дуту Механика, поскольку его водяной насос оказался полезен для устройства парковых фонтанов. Ирукан был небезнадёжен.

И опять же: привлекательного будущего у Ирукана не просматривалось. Экономической основой ируканской экономики были принадлежавшие великим герцогам золотоносные прииски. Которые когда-то казались неисчерпаемыми, но всё-таки – сюрприз, сюрприз! – исчерпывались. И если бы не особые отношения со Святым Орденом, который регулярно ссужал Великое герцогство необходимыми средствами, его ждала бы очень незавидная участь. Хотя и быть должным Ордену – участь тоже незавидная. Если же учесть эскалацию конфликта с Арканаром, то среднесрочные перспективы герцогства не радовали.

Зато находящаяся за Красным Хребтом страна меднокожих варваров была ну очень большой, самодостаточной и чрезвычайно устойчивой. В том числе и к соблазнам прогресса. Варвары не знали письменности, ходили в шкурах мехом наружу и использовали в качестве оружия духовые трубки с ядовитыми колючками. Какие бы то ни было новшества, даже самые полезные, варвары с негодованием отвергали. Так как считали их изнеживающими и расслабляющими, то есть опасными для истинно воинского духа. Одного из своих вождей они лишили власти, оскопили и отрезали язык только за то, что он надевал под шкуру рубашку из тонкого льна, спал с белокожей женщиной и завёл себе арканарского повара… Сокрушить такую систему можно было только грубой военной силой. И ещё более грубым и насильственным разрушением местных культурных стереотипов.

Что касается Ордена…

Пёс, пёс, пёс! Надо как-то объяснить, что такое Орден. Иначе дальше будет непонятно. А история длинная, пёс её дери.

Хотя почему пёс-то? Левин, во всяком случае, копался в ней с интересом. Это даже в СНВ отпечаталось.

День 84

Слушал Моцарта. Спасибо, что мне хоть музыку хорошую ставите. А всё-таки: почему только классика? Хотя понимаю. Современное вызывает много воспоминаний, чисто конкретных. Типа, послушаю я какую-нибудь песенку и вспомню, где я её слышал, с кем, и всё такое прочее. Расстроюсь, наверное, переживать буду. Это вам настройки аппаратуры попортит. Не сильно, но попортит. А классика в этом смысле вещь безопасная. При жизни я её не слушал, ассоциаций нет.

Прав я? Ась? Не слышу ответа. Ну конечно, чего со мной разговаривать. Я для вас даже не объект, а препарат. Моё собачье дело – давать показания, так?

Ну ладно, читайте дальше. Про Святой Орден.

Если средневековая Аврора чем-то и отличалась от средневековой Земли, так это отсутствием института, хотя бы напоминающего по масштабам и возможностям земную католическую церковь. Варвары были сплошь язычниками и

поклонялись каким-то жутким идолам. Жители более культурных стран верили в святых и чудотворцев. Существовал также культ единого бога, вышедшего из болот и проповедовавшего добро и прощение грехов, а потом улетевшего на небеса. Легенды о болотном боге были записаны и могли бы со временем стать чем-то вроде земных священных книг вроде библии, но вот не стали. И вообще ничего похожего на земное христианство так и не возникло.

Особенно заметно это было в Арканаре. В котором, в отличие от вольнодумного Соана (где равнодушие к религии считалось хорошим тоном) и монотеистического Ирукана (где вера в единого бога всё-таки стала официально признанной), царила совершеннейшая религиозная неразбериха.

Религиозные объединения существовали и пользовались определённой популярностью. В основном цеховые, вокруг культа того или иного святого. Чулочники и кружевных дел мастера возносили молитвы святому Тукке, золотых дел мастера – святой Фире, проститутки – святой Баре. Но это были довольно рыхлые конгрегации, задачи которых исчерпывались устройством общих собраний – обычно с совместными молитвами и трапезами – и кое-какой помощью входящим в них людям (например, финансовой: при них существовало нечто вроде касс взаимопомощи). Немного особняком стоял культ Тоца-Воителя, ставшего первым арканарским королём: профессиональные военные почитали его как небесного покровителя. Этой милитаристской вере, а также

и двум другим – эсторскому солярному культу (очень древнему и уважаемому, но имеющему мало сторонников в Запроливье), а также не менее древнему местному обычаю почитания священных деревьев, оказывалось нечто вроде официального покровительства. Первые земные наблюдатели на этом основании поименовали соответствующие корпорации «тремя официальными церквями». Каково же было их удивление, когда выяснилось, что какой-нибудь барон с эсторскими корнями, обитающий в сельской местности, может преспокойно отправлять все три культа разом – как эсторец, как препоясанный мечом и как сельский житель. Например, пресловутые северные бароны Пампа поклонялись родовому дубу, в ветвях которого висело на золотой цепи изображение священного кота с рыбьим хвостом, олицетворяющего Единое Солнце, а у корней был закопан священный меч, посвящённый Тоцу Всепобеждающему. Поэтому каждый поклон в сторону дерева мог рассматриваться как обращённый ко всем трём божественным началам сразу… Что касается простого народа, то он поголовно веровал в колдовство, призраков, нечистую силу, сглаз и порчу. И, разумеется, все или почти все арканарцы веровали в бесов и дьявола, потому что надо же на кого-то сваливать все грехи, искушения и вообще безобразия. Но при этом ничего похожего на земной сатанизм тоже не возникло. Дьяволу не кадили даже разбойники и душегубы. У них была своя святая покровительница, великомученица Пата – мужеубийца и разбойница, пойман-

ная властями и выдержавшая жуткие пытки, но не выдавшая никого из своей шайки… Короче, каждый веровал во что горазд.

Святой Орден на этом фоне сильно выделялся: это была именно что организация, причём достаточно мощная и влиятельная. Несмотря на то, что её возникновение было связано с довольно прискорбными обстоятельствами. Имеющими отношение не столько к духовности, сколько к эпидемиологии.

Примерно полтораста лет назад до прибытия на Аврору последней Группы Наблюдателей в Запроливье появилась новая болезнь – Синяя Смерть. Занесли её из метрополии, где из-за общей деградации экосистем из всяких природных изолятов полезла разнообразная дрянь. Но эта оказалась особенно вирулентной, так как распространялась воздушно-капельным путём. Умирали от Синей быстро, за несколько дней: сначала человек покрывался синими пятнами, потом отнимались конечности, потом прекращали работать внутренние органы, и, наконец, останавливалось дыхание.

Эпидемия выкосила треть населения континента. Запроливье из-за более высокой плотности населения пострадало больше всех – там обезлюдели целые области. Умирали все – от нищих и до коронованных владык. В Арканаре, например, болезнь выкосила половину королевской семьи, что вызвало династический кризис. Ируканские герцоги, наоборот, вы-

играли – Синяя Смерть любезно избавила их от всей ненужной родни, заглядывававшейся на трон. Может, конечно, в некоторых случаях болезни немножечко помогали, ну или способствовали. Но это другая история.

Так или иначе, у инфекций такого рода есть одно хорошее – если можно так выразиться – свойство. Убив миллионы людей, они умирают сами, так как не остаётся живых носителей заразы. Местные жители это знали: эпидемии у них случались и раньше, обычный ход событий был отображён в летописях. Так что оставалось ждать и молиться разным богам, чтобы беда взяла своё и сгинула. Ждать и молиться местные умели.

К сожалению, Синяя Смерть имела две разновидности: «быструю» и «медленную». «Медленная» отличалась длинным инкубационным периодом: от момента заражения до появления первых пятен могло пройти несколько месяцев, от пятен до полного паралича – ещё лет пять, а то и все десять. К тому же «медленная» разновидность была не столь контактна: хворь передавалась через тесное физическое общение (чаще всего через слизистые) или через долговременное пользование вещами заражённого (на которых оставались чешуйки кожи, перхоть, слюна и так далее). Причём именно эта низкая контактность оказалась более надёжным средством распространения заразы, чем воздушно-капельный путь. Уже заболевший человек не отказывался от супружеских обязанностей, заражая тем самым супруга. Он

продолжал пользоваться своим и чужим имуществом, что-то продавал – сам или через кого-то, а после его смерти всегда находились охотники завладеть чужими пожитками, пусть даже рискуя заразиться. И в каком-то проценте случаев – заражались.

Местные объясняли болезнь гневом божьим. Земные микробиологи, получившие от наблюдателей образцы из могильников, обнаружили истинную причину – квазикоронавирусы ARCL. InD1059 major и ARCL. InD1059 minor, вызывающие деградацию нервной системы и церебральный паралич. За «медленную смерть» отвечал minor, имевший к тому же несколько разновидностей.

Но это так, вообще. А теперь – что касается конкретно Синей Смерти. По всем расчётам получалось так, что при наиболее вероятном течении событий ARCL. InD1059 minor должен был занять на Авроре примерно то же место, что Mycobacterium leprae на Земле. То есть это была бы хворь типа проказы, которую пришлось бы изживать столетиями.

Однако всё повернулось иначе. Благодаря некоему Мике, ставшему впоследствии самым популярным арканарским святым.

День 85

Утро туманное, утро седое. Правда седое. Оно мне такое сегодня приснилось. Будто я живу в каком-то заброшенном

доме, а за окном туманный рассвет. И звуки колокола. Откуда всё это? Хрен знает. Но неприятно.

Нарисовался гермокомбез. Под койкой. Ну, допустим, что он там в каком-то смысле был. Я, правда, не помню, чтобы его туда засовывал, но допустим.

А как насчёт солнца, птичек и мороженого? Ну сделайте так, чтобы было мороженое. Что вам стоит-то? Это ведь ни на что не повлияет, не так ли? Сделайте мне посмертный подарок, я же вам всё рассказал. Ну или не всё, ещё остался хвост той истории. Но вам-то она на кой пёс сдалась? Всё, что нужно для дела, вы из меня уже вытянули. Или у вас такой порядок – пусть клиент выкладывает всё до донышка? Ну как хотите. Всё равно я ничего против вас не могу.

Кстати, а могу ли? Вот что будет, если я, скажем, себе вены вскрою? Снова оживу? Или забуду, что вскрывал? Или вообще всё начнётся сначала? Нет, только не сначала, вот этого не надо. Хотя откуда я знаю – может, вы меня уже по десятому разу сканируете. Вариантики посмотреть, то-сё. Торопиться-то вам некуда.

Вот интересно. Когда меня, собственно, убили? Наверное, на Энцеладе. Правильно я не любил это место, правильно. Чуял подляну. Она и прилетела. А про телепортирование на станцию мне в голову вклеили? Не понимаю, как можно что-то вклеить в мёртвую голову. Но вы, наверное, и не такое умеете, да? Или нет? Может, я действительно жил на станции, ел шоколадки, пил воду из очистки? А потом пришёл

Толик Бойков, Олесь и Серосовин? И Толик достал пушку, попросил меня привстать и вогнал пулю в сердце? А Олесь упаковал мою головушку в термопакет и доставил в Институт Мозга? И теперь башка дяди Яши лежит с отпиленной макушкой в криокамере, а микрощупы наводят в нейронах слабые токи?

Ну хоть свистните. Чтобы я зазря не мучился. Я пойму. Какие претензии. Просто во всех случаях предпочитаю правду.

Молчание было ему ответом, как выражается Славин в таких случаях. Ну и пёс с вами. Тогда читайте дальше про святого Мику. Извините, будет длинно и с подробностями – прямо по славинским воспоминаниям. Он эту тему разбирал долго и с удовольствием.

Мика был уроженцем Ирукана, родился в маленьком городке с характерным названием Аханкар (на местном наречии – «ахан-кара», что означало «помойная яма» или «скотомогильник»). Городок можно было в прямом смысле считать краем света: сразу за ним начинался пояс Питанских болот, неспроста называемых Гиблыми, за ними – пустоши, а дальше – холодное море.

По легенде, Мика был рождён в богатой семье, но был изгнан из дому родным отцом за дерзость и непослушание. По другой легенде, он своим беспутством свёл отца в могилу, а имущество промотал. По третьей – он обрюхатил свою сестру, а когда та призналась родителям, бежал… Так или иначе,

все эти легенды сходятся на том, что в молодости Мика был мотом, пьяницей, развратником (этот его порок благочестивые легенды раздули до каких-то немыслимых масштабов), а также лжесвидетелем, фальшивомонетчиком, мошенником и вором. Воровство и ввергло его в беду: его поймали на попытке кражи осла у благородного дона. Городской суд, стоявший на страже частной собственности и достоинства высшего сословия, приговорил его за это к обычной смертной казни – через потрошение и повешение.

Спасся он буквально чудом, если это можно так назвать. В тюремном подвале он подхватил Синюю Смерть в её «быстрой» разновидности, причём пятна выступили на лице в утро казни. По местным обычаям, смертельно больных казнить было нельзя. Поэтому всех, кто был в том подвале, просто изгнали из города на Гиблые болота – помирать.

Все там и померли, кроме Мики – тот снова вытянул счастливый билет. Он переболел и выздоровел – редчайший случай. Правда, физиономия у него так и осталась синей.

Новое чудо – а Мика не сомневался, что это было именно чудо – его сильно изменило. Он решил, что его спасение – дело рук божьих. Совершённое не ради него самого: Мика не заблуждался относительно своих достоинств. Но ради того, чтобы преподать людям какой-то урок.

Мика прожил на болотах год, питаясь кореньями и земноводными, а свободное время проводя в молитвах. В какой-то момент на него снизошло озарение. Он понял, зачем была

наслана Синяя Смерть, почему она никак не оставит людей в покое и что нужно делать, чтобы наконец исполнить божью волю.

Пока Мика жил на болоте и думал о божественном, герцогство переживало деликатный момент – смену власти. Надо сказать, у герцогов Ируканских это обычно проходило относительно гладко. Но не на этот раз. Скоропостижно и при странных обстоятельствах скончался великий герцог. Пошли слухи, что старший сын герцога, недовольный тем, что отец зажился и никак не освободит трон, отравил папашу. Младший сын решил воспользоваться моментом, публично обвинил старшего в отцеубийстве и заявил о своих правах на корону. Ируканские доны по этому вопросу разделились примерно пополам. Однако на стороне старшего выступила армия, легко разбившая дворянское ополчение. Младший с остатками верных людей бежал, его преследовали, все верные люди погибли, прикрывая своего сюзерена. Который в конце концов спрятался на тех самых Гиблых болотах. Выжить на болотах у него не было шансов. Если бы его – шатающегося от голода и подхватившего лихорадку – не нашёл и не выходил Мика.

Принц прожил на болотах где-то месяца полтора, пока его всё-таки не разыскали благородные доны. Чтобы предложить корону.

Как выяснилось, в тот самый день, когда младший сын повстречался с Микой, на холёной физиономии старшего вы-

ступили синие пятна. Это перечёркивало надежды на долгое и счастливое правление, зато наводило на мысли о божьей каре. От старшего отступились даже армейские. Тот попытался было устроить непослушным репрессии, но люди отказались ему подчиняться. Тогда он сам принял яд, успев перед смертью покаяться в отравлении отца и множестве других грехов. Во всяком случае, именно такую версию событий предложили благородные доны, отыскавшие младшего принца.

У того хватило ума не выяснять, как оно там было на самом деле. Вместо этого он пообещал наградить верных и править справедливо. И уже через неделю благополучно короновался в замке герцогов Ируканских.

Коронация прошла традиционно, если не считать маленькой детали. У трона, среди высших сановников герцогства, щеголяющих расшитыми золотом одеждами, стоял – босой, в линялом тряпье – Мика. Которого молодой великий герцог назвал своим спасителем, увёз во дворец и приблизил к себе.

Оказавшись в фаворе, Мика не сделал ничего, чтобы улучшить своё материальное положение. Он ходил по дворцу босиком, в рваных вонючих тряпках, жил в подвале и ел то, что выкидывали с кухни. На все попытки подольститься к нему или дать денег, чтобы повлиять через него на великого герцога, он отвечал неизменным отказом. Правда, никого из просителей он не выдал и вообще никому не делал зла. Как ни странно, но ему удалось завоевать ответные симпатии

придворного круга – публики спесивой и подозрительной. Мику никто не пытался убить, оклеветать перед господином или хотя бы публично унизить. Более того, со временем ему стали выказывать что-то вроде уважения. Один престарелый придворный даже как-то сказал, что пережил трёх великих герцогов и бесчисленное множество их фаворитов и ни один не обходился казне и двору так дёшево, как Мика. Слушатели с этим согласились. И дружно пожелали Мике прожить как можно дольше, не теряя расположения герцога.

Насчёт дешевизны они не ошиблись. Ну, почти не ошиблись.

Через год после коронации, на празднике в свою честь, великий герцог объявил, что во исполнение некогда данного обета он намерен совершить благодеяние для всех больных Синей Смертью. А именно: он дарует им место, где они могли бы спокойно жить, не опасаясь ближних и не представляя для них угрозы. Место это – земли за Гиблыми болотами, принадлежащие герцогству. Поскольку же эти места малопригодны для земледелия и к тому же больные слабосильны, он берёт на себя снабжение поселенцев хорошей пищей, а также достойную оплату ухода за нуждающимися. И завещает всем своим потомкам поступать так же.

Ответственным за проект был назначен Мика.

День 86

Вчера не выдержал, заснул. Что-то я в последние дни много сплю. Наверное, в реальности мозг разлагается, ну или там усыхает. Так что вам нужно всё больше времени, чтобы привести его в порядок, да?

Кстати уж признаюсь. Знаете, когда я начал догадываться? Когда задумался, почему на компьютере не работает клавиша «стереть». Странно ведь, не так ли? Но если я на самом деле ничего не пишу, а просто воображаю, что пишу, и весь текст лежит у меня в памяти, то не могу же я стереть собственное воспоминание? Хотя был бы я живым, наверное, мог бы его, например, забыть. А если я неживой и активность мозга поддерживается искусственно? Ну а дальше я подумал про все эти странные сны, галлюцинации и прочее. Всё одно к одному подбирается.

С другой стороны. Уверен ли я на сто процентов? Нет, конечно. И проверять не хочу.

Ладно, читайте дальше про Мику.

Получив обещание герцога, последующие годы он провёл в странствиях по Ирукану и проповедях. Он исходил пешком всё герцогство, проповедуя новое учение.

Впрочем, новым его Мика не считал. За основу он взял официальный ируканский культ бога из болот, улетевшего на небо и оттуда правящего земными делами. Правда, по

официальной ируканской версии, основной его заботой было оберегать Ируканское герцогство как особо ему угодное. Мика же сосредоточил внимание на его учительно-карательной функции. Очень характерно, что для обозначения бога Мика никогда не использовал слов типа «всевышний» или «всемилостивейший», а чаще всего называл его «Господин» или «Учитель» (оба слова в арканарском звучат угрожающе). В общем, он представлял себе бога не очень-то добрым. Хотя и справедливым – в каком-то смысле.

Основной мыслью Мики было то, что бог, насылая беды, в том числе и болезни, тем самым карает людей за грехи. В общем-то, и в этом ничего нового не было: это стандартное объяснение всех бед и несчастий, творящихся на Авроре вообще и в герцогстве в частности. Но Мика пошёл дальше. Он объяснил, что есть грех, каковы его свойства и что нужно сделать, чтобы бог наконец пощадил людей и вернул им своё расположение.

Проповедь, надо сказать, звучала убедительно, ибо подкреплялась общеизвестными фактами. Мика просто дал им новую интерпретацию.

Итак. С точки зрения Мики, корнем всех грехов человеческих является желание чем-то обладать. Оно имеет три формы: желание обладать собой, то есть себялюбие, желание обладать другим человеком (прежде всего в половом смысле) и желание обладать вещами. Таким образом, грех обладания распадается на эгоизм, блуд и стяжательство. Эти три греха

оскорбляют достоинство бога, ибо на самом деле всё в этом мире принадлежит ему, а не людям. Чтобы об этом напомнить, он время от времени карает людишек. А самой страшной и самой наглядной карой стала Синяя Смерть.

Умершие во время всеобщей эпидемии заплатили и за свои грехи, и за грехи предков. Однако же, чтобы люди не забывали, за что они наказаны, бог не остановил заразу, а сохранил её прежде всего для блудников и стяжателей. На это указывал тот факт, что болезнь в её «медленной» форме передаётся в основном через физический контакт, прежде всего половой, а также через вещи. Тот факт, что заболевают не только блудострастники и стяжатели, Мика понимал как указание на то, что виновны и те, кто терпит грехи и им потакает.

Объяснив причины гнева божьего, Мика предложил и план спасения. По его мнению, богу вовсе не нужно, чтобы все полностью отказывались от половых отношений и собственности как таковой, ибо это приведёт к гибели человечества. Ему нужна лишь умеренность, то есть снижение общего числа греховных деяний до какого-то терпимого предела. Достичь этого можно двумя способами. Или все люди без изъятия умерят свои порывы, что маловероятно. Или какие-то люди должны взять на себя особую ношу, а именно: вовсе откажутся от этих грехов, чтобы остальные могли жить как раньше, не боясь гнева свыше.

Как это работает, Мика объяснял на таком примере.

«Представьте, что Король с большим Войском входит в Город, который был ему неверен, – говорил он в своей самой известной проповеди. – Если Он увидит на площади множество благородных Донов и Простолюдинов, которые преклонят перед Ним колени и поклянутся, что были Ему верны, Он возвысит Город и одарит его. Если их будет мало, он всё же смилуется над Городом и ради горстки Верных пощадит остальных. Если же никто не выйдет на площадь, Он разгневается и отдаст Город на разграбление своим Солдатам. Значит, должно быть Тем, кто выйдет на площадь и преклонит колени. Бог же каждый день и каждую ночь входит в наш Город Суеты и Нечестия, и должно быть Тем, кто всегда стоит на площади, склоняясь перед Господином, и ради которых он не отдаст наш Город на растерзание Ангелам своим». Или, короче: «Должно претерпеть некоторым, чтобы спасти всех».

Что значит «быть верным богу», Мика объяснял так. Полностью верен тот, кто отказывается от себялюбия, блуда и обладания собственностью. Поскольку, живя среди обычных людей, избежать всего этого невозможно, верные должны составить сообщество аскетов, где имущество общее, а власть принадлежит самым праведным. Которым остальные должны подчиняться беспрекословно и безвольно – тем самым попирая себялюбие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.